

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ОРИЕНТАЛИСТ

Научный альманах

Вып. 1

Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
О63

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д-р ист. наук *В.П. Румянцев* (главный редактор),
д-р ист. наук *Е.В. Савкович*, канд. ист. наук *С.В. Вольфсон*,
канд. ист. наук *О.В. Хазанов*

Ориенталист : научный альманах / гл. ред. В.П. Румянцев. –
О63 Томск : Издательство Томского государственного университета,
2021. – Вып. 1. – 160 с.
ISBN 978-5-907442-56-6

В научном альманахе «Ориенталист» представлены оригинальные материалы по истории стран Востока. Географический охват этих материалов распространяется на регионы Ближнего Востока, Южной Азии и Дальнего Востока. Исследования авторов посвящены различным аспектам истории, экономики, политики и культуры стран Востока и включают период от древней истории до наших дней.

Для специалистов – историков, политологов, востоковедов, культурологов, регионоведов и специалистов в области международных отношений, а также для студентов, аспирантов и всех интересующихся настоящим и прошлым стран Востока.

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-907442-56-6

© Томский государственный университет, 2021
© Авторы статей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям	5
------------------------------------	---

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Андропова Л.А. Развитие науки и технологий в Республике Корея на современном этапе	7
Громова Д.В. Политика государственного регулирования сферы патентования в Японии в 1990–2020-е гг.	24
Хренов В.В., Бекшенева Д.В. Проблемы рыболовства в районе островов Токто (Такэсима) в южнокорейско-японских отношениях в начале XXI в.	33
Шабеева М.В. Влияние Китая на становление эстетической традиции Японии	47
Тройнина Е.Ю. Научно-технологическая политика Тайваня в 2016–2020 гг.: традиционные и новые направления	52

ЮЖНАЯ АЗИЯ

Белозерцева Н.С. Современная этическая проблематика сериала «Махабхарата» 2013–2014 гг., связанная с трансформацией женских образов эпоса	67
Ожогина С.М. Мифологический базис архетипа индийской культуры	79
Никитин Д.С. Редьярд Киплинг и индийский национализм: «Исследование Конгресса» (1889 г.)	91
Скороходова Т.Г. Генезис социальной идентичности в модернизирующейся Индии: наследие общественной мысли Бенгальского Возрождения	99
Устюжанцева О.В. Развитие стартапов в Индии	116

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Румянцев В.П. На пути к «особым отношениям»: сенатор Линдон Б. Джонсон и Израиль, 1948–1960 гг.	124
Кузьмин В.А. Кэмп-Дэвидский мирный процесс в оценках арабской историографии	140
Домбровский П.А. Феномен контркультуры в контексте событий «арабской весны» и его основообразующие факторы	149

CONTENTS

Introductory remarks to readers	5
--	---

THE FAR EAST

Andronova L.A. The science and technology development in the Republic of Korea in recent time	7
Gromova D.V. Government regulations of patenting in Japan in 1990–2020 years	24
Khrenov V.V., Beksheneva D.V. Problems of fishing in the area of the Dokdo Islands (Takeshima) in South Korean-Japanese relations at the beginning of the XXI century	33
Shabaeva M.V. The influence of China on the formation of the aesthetic tradition of Japan	47
Troynina E.Y. Science and technology policy of Taiwan in 2016–2020: traditional and new directions	52

SOUTH ASIA

Belozertseva N.S. Modern ethical issues of the 2013-14 series Mahabharata associated with the transformation of female images of the epic	67
Ozhogina S.M. The mythological basis of the archetype of Indian culture	79
Nikitin D.S. Rudyard Kipling and Indian nationalism: “A study of the Congress” (1889)	91
Skorokhodova T.G. The genesis of social identity in a modernizing India: the legacy of social thought of the Bengal Renaissance	99
Ustyuzhantseva O.V. Development of startups in India	116

THE MIDDLE EAST

Rumyantsev V.P. Towards a “Special relationship”: Senator Lyndon B. Johnson and Israel, 1948-1960	124
Kuzmin V.A. The Camp David peace process in the assessments of Arab historiography	140
Dombrovski P.A. The phenomenon of counterculture in the context of the events of the “Arab Spring” and its fundamental factors	149

Уважаемые читатели!

Перед вами альманах, в котором представлены работы отечественных востоковедов, посвященные различным аспектам истории, политики, культуры и экономики азиатских стран. Это пилотный выпуск, и мы надеемся, что его издание станет регулярным.

Для чего понадобилось издавать очередной, казалось бы, журнал по востоковедной тематике, которая, на первый взгляд, достаточно обеспечена публикационными возможностями? Одной из причин стала необходимость стимулировать развитие востоковедения в Томском государственном университете. Не секрет, что наличие собственного издания дает надежды исследователям, особенно начинающим (магистранты, аспиранты), что их «пробам пера» не придется пробиваться сквозь густое сито отбора в солидных журналах, в которых очередь на публикацию может занять несколько лет.

«Ориенталист» задумывался как площадка для обмена мнениями, возможности поделиться научными открытиями и соображениями представителей отечественных и зарубежных научных школ, направлений и интересов. Разумеется, ответственность за материалы, их трактовку и выводы несут сами авторы, хотя их точка зрения может не совпадать с мнением редакции.

Необходимо сразу прояснить смысл, который мы вкладываем в название альманаха. Для нас ориенталист – это исследователь, изучающий Восток, относящийся к Востоку со всем уважением, понимающий, что для благополучного развития человечества необходим диалог культур и цивилизаций, диалог, в котором все стороны равны и нет даже намека на чье-либо доминирующее положение. Многие проблемы сегодняшнего дня и прошлого возникли из-за недопонимания или, что еще хуже, нежелания понять другую культуру.

Таким образом, востоковедение для нас тождественно понятию «ориенталистика», которое не следует путать с «ориентализмом». Последний, согласно мнению известного американского ученого палестинского происхождения Эдварда Саида, олицетворяет западное восприятие Востока. Ему свойственны покровительственный подход, предвзятость, имперское высокомерие по отношению к «отсталым варварам». Мы же предлагаем пользоваться термином «ориенталист», который сам Э. Саид определил

так: «эрудированный ученый, академический специалист по языкам и истории Востока»*.

Издание адресовано широкому кругу читателей – историкам, политологам, востоковедам, культурологам, регионоведам и специалистам в области международных отношений, т.е. всем, кто интересуется настоящим и прошлым стран Востока. Изучение истории региона, культуры, языка, литературы, традиций, внешней и внутренней политики является важной составной частью подготовки студентов. Поэтому «Ориенталист» призван также решить важную задачу обеспечения студентов соответствующей страноведческой литературой научного и учебного характера.

Главный редактор
доктор исторических наук
заведующий кафедрой востоковедения
Томского государственного университета
профессор ***В.П. Румянцев***

* Саид Э. Ориентализм. Послесловие к изданию 1995 года // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, №4. С. 40.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

УДК 94

doi: 10.17223/9785907442566/2

*Лариса Александровна Андропова**

Развитие науки и технологий в Республике Корея на современном этапе

Аннотация. Рассматриваются стратегии развития научно-технологической сферы при президенте Мун Чжэ Ине. Уделено внимание эволюции программы «Двигатели роста». Также рассмотрена реализации инновационной политики на региональном уровне. Более подробно инновационная и научно-технологическая политика правительства Южной Кореи показана на примере двух сфер: борьбы с COVID-19 и сферы полупроводников.

Ключевые слова: наука; технологии; Республика Корея; НИОКР; инновации

За последние 40 лет Республика Корея продемонстрировала значительный экономический рост, полностью изменив инновационную систему. По состоянию на 2020 г., согласно «Инновационному индексу Блумберга (Bloomberg 2020 Innovation Index), Республика Корея заняла второе место, уступив лишь Германии, США заняли в рейтинге только девятое место среди 60 государств мира [1]. Данный показатель можно считать высоким, однако до этого, в течение пяти лет РК находилась на первом месте. Согласно агрегированным показателям «Глобального инновационного индекса» (2019 Global Innovation Index), составленного по независимым исследованиям Корнельского университета, Французской исследовательской бизнес-школы INSEAD и Всемирной организации интеллектуальной собственности, за 2019 г. Республика Корея заняла 11-е место среди 129 стран мира [2]. Во многом это стало возможным за счет опережающего роста финансовых вложений в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) (R&D) как со стороны государства, так и со стороны промышленных компаний. В Азии вот уже практически десятилетие Республика Корея остается в тройке ведущих инновационных экономик (вместе с Сингапуром и Гонконгом) [2].

* *Андропова Лариса Александровна* – кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: laruka@yandex.ru

В настоящее время основными показателями оценки инновационных систем являются:

- анализ инвестиций в НИОКР;
- анализ трудовых ресурсов;
- анализ технологических достижений;
- анализ отдельных участников инновационной деятельности.

В данной связи рассматривается и анализируется научно-техническая политика Республики Корея как более крупная часть системы управления инновациями.

На начальных этапах становления корейской экономики основными двигателями инноваций и внедрения НИОКР в производство были государственные научно-исследовательские институты, но постепенно их вытеснили частные корпорации. Именно они создавали и поощряли собственную систему НИОКР, которую условно в современном виде можно охарактеризовать как коллаборацию «из представителей правительства, промышленности и академического сообщества», которые обеспечивают прогресс. В этом, в том числе, одна из основных особенностей развития научно-технической сферы современной РК. Долгое время слабым местом инновационной системы в Республике Корея оставалось отсутствие фундаментальных исследований, базовых технологий. Именно поэтому правительство выбрало 10 стратегических областей в сфере технологий, которые в итоге стали приоритетными для развития всей экономики государства и двигателями прогресса. Также была разработана и внедрена новая система управления наукой и технологиями для координации национальной политики в данной сфере. Этому способствовали достижения в сфере искусственного интеллекта и новых киберфизических систем управления, кросс-платформенные решения.

Как отмечал замминистра науки, технологий и инноваций Министерства науки и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) Республики Корея Лим Дэ Сик, «самый важный вопрос корейской политики в области науки и технологий на данный момент – это исследования и разработки (НИОКР), инновации» [3]. При администрации президента Мун Чжэ Ина основным направлением политики в области науки и технологий стали «наука и технологические инновации, ориентированные на человека». В частности, в августе 2017 г. в ходе реформ правительства администрация президента учредила Управление по науке и технологическим инновациям. В следующем году Мун Чжэ Ин определил функционал данного Управления, гарантируя, что поступления из государственного бюджета на НИОКР будут осуществляться независимо от Министерства финансов с акцентом на науку и технологии и на исследователей. Государство поощряло развитие данной

сферы, в том числе через систему бюджетного финансирования. С другой стороны, оказалось, что рост вложений не всегда компенсируется соответствующими результатами и эффективностью. Таким образом, система столкнулась с определенными ограничениями, так называемой болезнью роста НИОКР.

Так, в июле 2018 г. была представлена «Национальная инновационная платформа в области НИОКР» (Research and Development Platform for Investment and Evaluation, R&D PIE) [4], в которой были изложены основные направления и стратегии национальной политики в области научных и технологических инноваций. Для подготовки было приглашено более 300 специалистов из разных сфер (наука, образование, государственные органы, корпорации, независимые эксперты). В итоге авторы «Национальной инновационной платформы...» пришли к выводу, что существующая система НИОКР не слишком эффективна: в частности, несмотря на ее количественные достижения, включая устойчивый рост инвестиций в НИОКР и увеличение количества публикаций и патентов, видна нехватка качественных достижений. Администрация считала, что главными причинами недостаточности качественных результатов являются устаревшая система управления НИОКР в стране и отсутствие передовых научно-исследовательских проектов междисциплинарного плана. Также к проблемам относилось несоответствие фундаментальных исследований и прикладных, а также коммерческой составляющей.

«Национальная инновационная платформа в области НИОКР» представляет собой набор стратегий по развитию Национальной инновационной системы (НИС), которые охватывают многочисленные области инноваций, такие как НИОКР, промышленность, развитие человеческих ресурсов, управление и занятость. Меры нацелены на переориентацию национальной политики НИОКР в сторону «людей и общества». Кроме того, система должна сформировать базу для «государственного и частного партнерства», а также широких возможностей по созданию консорциумов, поиск кросс-секторальных ресурсов при поддержке государственных агентств и т.д. В итоге должна получиться модель с небольшими бюрократическими издержками, широким кругом стейкхолдеров и финансовой поддержкой со стороны государства в ключевых областях (различные государственные программы).

В то время как предыдущие усилия страны в области НИОКР были сосредоточены на том, какие технологии следует разрабатывать, в настоящее время основной задачей является воспитание исследователей с творческими способностями и создание передовой системы для поддержки таких исследователей. Кроме того, корейская администрация продвигает науку и технологии, делая упор на достижение результатов, которые могут быть оценены людьми

в областях, тесно связанных с их повседневной жизнью, таких как общественное здравоохранение, безопасность, окружающая среда и создание рабочих мест.

В 1990-х гг. правительство Кореи инициировало программы «двигателей роста», начиная с проекта G7 (1992–2002 гг.). Затем последовали другие программы: «Двигатель роста следующего поколения» (2003 г.), «Новый двигатель роста» (2009 г.), «Двигатель будущего роста» (2014 г.) и «Двигатель инновационного роста» (2017 г.).

Основные цели каждой программы «двигателя роста» можно разделить на три категории: 1) развитие основных отраслей; 2) увеличение доли мирового рынка; 3) поддержка новых промышленных секторов.

Таблица 1. Программы «двигателей роста» в Республике Корея

Период действия	Проект G7	«Двигатель роста следующего поколения»	«Новый двигатель роста»	«Двигатель будущего роста»	«Двигатель инновационного роста»
	1992–2002 гг.	2003 г.	2009 г.	2014 г.	2017 г.
Ключевые слова	Вступление в ряды ведущих стран по науке и технологиям	Безопасные технологии, конкурентоспособность ведущих отраслей	Зеленый рост, улучшение сферы услуг	Конвергенция науки и технологий и ИКТ	Науки и технологии, ИКТ, 4-я промышленная революция
Количество приоритетных отраслей промышленности	18	10	17	19	13
Ответственное министерство	Министерство науки и технологий	Министерство науки и технологий	Министерство промышленности	Министерство образования, науки и технологий	Министерство науки и ИКТ

Эти программы способствовали укреплению позиций Южной Кореи на мировом рынке. Она стала ведущей страной в основных отраслях обрабатывающей промышленности, включая автомобилестроение, телекоммуникации и полупроводники. Более того, корейские компании смогли разработать важные технологии в области высокоскоростных железных дорог, аккумуляторных батарей и робототехники и увеличили свои доли на мировом рынке. В последние годы в корейскую программу «двигателей роста» были включены новые секторы экономики, связанные с четвертой промышленной рево-

люцией. Программа инновационного роста, которая реализуется нынешним правительством, нацелена на множество секторов: большие данные, следующие поколения коммуникаций, искусственный интеллект (ИИ), автономные транспортные средства, дроны, умный город, виртуальная реальность, персонализированное здравоохранение, интеллектуальные роботы, новые инновационные лекарства, новая и возобновляемая энергия, интеллектуальные полупроводники и передовые материалы. По сути, Национальная инновационная платформа (НИП) правительства Мун Чжэ Ина – это и есть результат синтеза 13 вышеупомянутых секторов, которые стали основой для четырех направлений политики, трех стратегических инвестиционных областей и восьми ведущих отраслей промышленности.

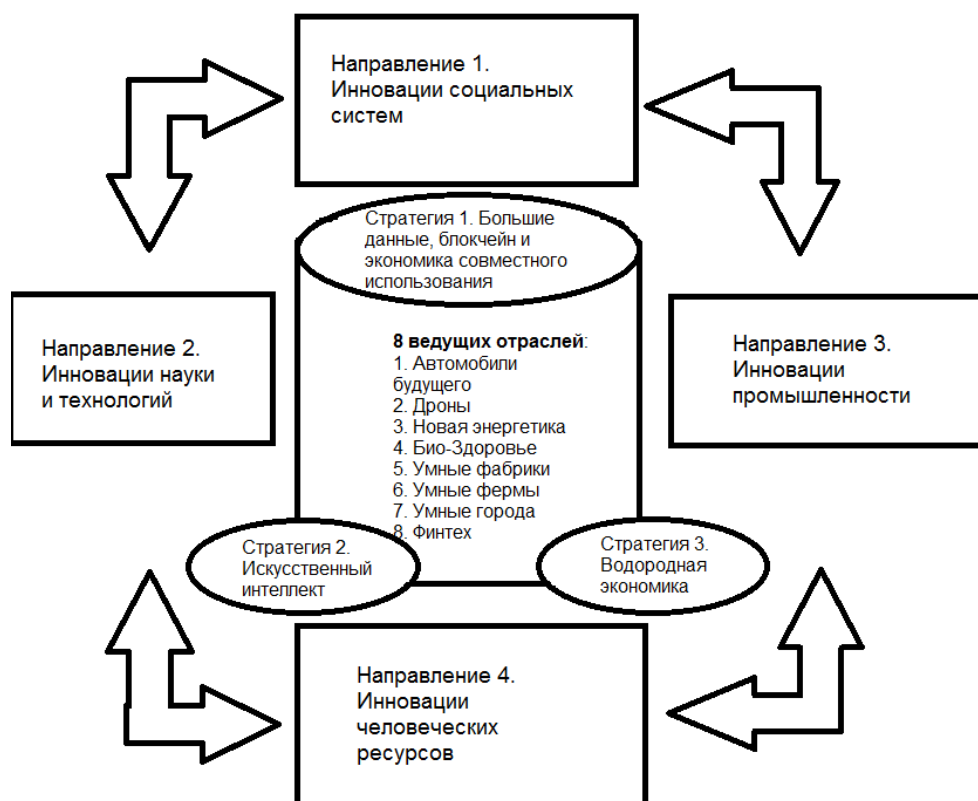

Рис. 1. Национальная инновационная платформа

Основное внимание в программе уделяется развитию инфраструктуры, технологий и экосистем, которые необходимы во многих промышленных секторах, таких как большие данные и алгоритмы. Несомненно, платформен-

ная экономика стала жизненно важной в Корее, особенно в эпоху четвертой промышленной революции. Тем не менее многим южнокорейским компаниям сложно инвестировать средства в данные платформенные проекты из-за необходимости больших финансовых вложений и связанных с этим рисков. Следовательно, для развития отраслей, связанных с НИП, необходимы именно государственные стратегические инвестиции. В результате серии встреч на уровне министров в заявлении правительства от 2018 г. подробно описано финансирование проектов НИП в сферы, связанные с большими данными, ИИ, блокчейном, экономикой совместного использования (sharing economy) и водородной экономикой.

Таблица 2. Четыре направления Национальной инновационной платформы [5]

Сфера инноваций	Задачи
Социальная система и институты	Пересмотр законодательства; повышение справедливости на рынке; создание основ для продвижения инновационных стартапов путем развития культуры предпринимательства
Наука и технологии	Совершенствование высоких технологий; создание инфраструктуры для четвертой промышленной революции; создание условий для творческих исследований; повышение эффективности, содействие исследованиям в области науки и технологий; принятие международных стандартов
Человеческие ресурсы	Разработка новой политики для образовательных и обучающих программ для развития творческих человеческих ресурсов; создание трех аспирантур для исследований в области ИИ для подготовки экспертов мирового уровня (к 2022 г. планируется обучить 40 000 инженеров в области ИИ)
Инновационные отрасли	Создание экосистемы для ускорения развития венчурных предприятий; развитие сектора услуг и новых отраслей; укрепление основных отраслей; продвижение корпоративных инноваций

Три стратегические инновационные области

В рамках проекта НИП правительство также предлагает три основные стратегии для инвестиционных сфер: (1) большие данные, блокчейн и эконо-

мика совместного использования, (2) искусственный интеллект и (3) водородная экономика. Обычно они подкрепляются поддержкой инновационных человеческих ресурсов в перспективных технологиях будущего. Три области стратегических инвестиций выбраны по ряду причин:

1) возможность выйти вперед в качестве ведущей страны за счет предоставления инвестиций;

2) создание платформ и инфраструктуры, которые обновляют экономические структуры и промышленные экосистемы, создают рабочие места и способствуют повышению качества жизни.

Во-первых, что касается экономики данных, правительство Кореи фокусируется на областях, связанных с большими данными, блокчейном и экономикой совместного использования. Правительство считает, что в экономику данных можно включать следующие области: платформы больших данных, сети больших данных, ваучеры данных и общедоступный Wi-Fi. Прежде всего, сети больших данных могут быть созданы в таких областях, как транспорт, энергетика, окружающая среда, связь и финансы. Что касается передачи и защиты информации, то правительство с конца 2019 г. начинает разработку законодательства в данной сфере. С одной стороны, задача такого рода проектов и законодательных актов – защита информации конечного пользователя, с другой – создание систем и стандартов для больших данных, сетевой обмен и использование Big Data. Для этого потребовалось изменение существующих и принятие новых нормативных актов в 2020–2021 гг., в том числе касающиеся защиты данных и конфиденциальности*. Вводятся понятия и определения, применимые к сетевым структурам и использующиеся в сети Интернет и других открытых и закрытых сетях [6]. Кроме того, этот проект включает в себя область блокчейна, которая связана с экспериментальными проектами и передовыми технологиями для защиты данных и надежных транзакций с данными.

Во-вторых, область ИИ также является основой для больших данных, блокчейна и экономики совместного использования. Это основополагающая технология для создания отраслей с высокой добавленной стоимостью путем объединения разных секторов. Ключевыми технологиями являются квантовые компьютеры, алгоритмы с участием искусственного интеллекта и интел-

* Работа в этом направлении уже началась, в частности, с конца 2019 г. ведётся работа по подготовке «Национальной стратегии по искусственному интеллекту» (National Strategy for Artificial Intelligence), в январе 2020 г. приняты Закон о защите персональных данных (Personal Information Protection Act, PIPA), Закон о поощрении информации и использованию сетевых коммуникаций, а также защите информации (Act on Promotion of Information and Communications Network Utilization and Information Protection, Network Act) и Закон о защите и использовании кредитной информации (Credit Information Use and Protection Act, Credit Act).

лектуальные полупроводники. По сути, большие данные и ИИ тесно связаны. В результате правительство намерено развивать рынок больших данных, инвестируя к 2023 г. 30 трлн вон. В частности, правительство готово обучить 10 тыс. экспертов в области больших данных и искусственного интеллекта. Этот среднесрочный план включает запуск ста больших центров обработки данных и десяти платформ для больших данных, содействие производству и использованию данных, а также создание центров искусственного интеллекта [7].

В-третьих, проект водородной экономики – важная платформа для смены новой энергетической парадигмы, энергетической безопасности и будущих отраслей. Политика водородной экономики касается программ производства и хранения водорода для последующей транспортировки, использования и водородной безопасности. Правительство также пыталось расширить базу спроса на водородную энергию. Этот план включает в себя цель увеличить количество автомобилей на водородных топливных элементах с 2 тыс. в 2018 г. до примерно 80 тыс. в 2022 г. Также в задачи входит создание экосистемы для взаимного роста крупных и малых предприятий, развитие высококачественных человеческих ресурсов и достижение международных стандартов в данной области. Объемы инвестиций представлены в табл. 3.

Таблица 3. Объемы инвестиций в три стратегические области, млрд корейских вон [8]

Программа	2018 (А)	2019 (Б)	Увеличение	
			Б-А	%
Всего	870,0	1490,0	620,0	71
Большие данные, блокчейн и экономика совместного использования	579,9	1040,0	460,0	79
Строительство инфраструктуры для больших данных, ИИ и блокчейн	39,7	190,0	150,0	378
Решение цифрового разрыва, экономика совместного использования	6,8	130,0	120,0	1765
Водородная экономика	42,2	110,0	70,0	166
НИОКР и создание промышленной базы	37,2	100,0	60,0	161
Развитие человеческих ресурсов	247,9	340,0	90,0	36
Развитие 10 000 экспертов, включая образовательные программы	24,0	90,0	70,0	292

Восемь ведущих отраслей

В правительственном проекте 2019 г. также перечислены восемь ведущих отраслей, связанных с Национальной инновационной платформой: умные фабрики, умные фермы, финтех, новая энергия, умный город, дроны, автомобили будущего и биологическое здоровье. Первым ведущим сектором про-

мышленности является область умных фабрик. Правительство планирует увеличить объем своих инвестиций, создав 4 тыс. умных фабрик в 2020 г. Также было объявлено о внедрении технологии 5G для улучшения умных фабрик за счет разработки и интеллектуального производства пакетов аппаратных и программных технологий. Второй сектор связан с биологическим здоровьем. Правительство стремится разработать стратегию развития на среднесрочную и долгосрочную перспективу, которая включает создание новых медицинских услуг, предлагает предоставление экспериментального правового режима по отношению к геномным исследованиям. Также правительство пытается создать «витрину больших данных здравоохранения» для предоставления и управления большими данными здравоохранения. Общий проект включает и поправки к Закону о биоэтике для расширения исследований в области геномной терапии. Третий сектор НИП – это финтех-индустрия. Правительство пытается отменить правовые ограничения, которые препятствуют развитию финансовых технологий, для разработки определенных инновационных финансовых услуг также создается экспериментальный правовой режим. Это нормативное развитие включает в себя поправки к Закону о финансовой информации и принятие положения о пиринговом финансировании (P2P). Четвертый сектор – это автомобили будущего, которые позиционируются как экологичные и автономные. Правительство также разработало план инфраструктуры для автономных автомобилей, например совместные интеллектуальные транспортные системы. Остальные ведущие отрасли – это умный город, умная ферма, новая энергия и дроны. Как и в других областях, правительство планирует предоставить финансовую поддержку и экспериментальный правовой режим для развития остальных ведущих отраслей. Подробная информация об общих объемах инвестиций представлена в табл. 4.

Таблица 4. Объемы инвестиций в восемь ведущих отраслей, млрд корейских вон [8]

Отрасли	2018 (А)	2019 (Б)	Увеличение	
			Б-А	%
Всего	2168,6	3520,0	1350,0	62
Автомобили будущего	590,7	760,0	170,0	29
Дроны	69,8	120,0	50,0	72
Новая энергетика	597,1	870,0	280,0	47
Био-Здоровье	271,8	350,0	80,0	29
Умные фабрики	444,6	1030,0	590,0	133
Умный город	76,7	130,0	50,0	65
Умные фермы	114,4	240,0	130,0	114
Финтех	36	100	60	167

Региональная инновационная система

Центральное правительство Южной Кореи принимает многосторонние меры для поддержки сбалансированного регионального развития и содействия многочисленным программам, основанным на исследованиях и разработках (НИОКР). За период президентства Пак Кын Хе было реализовано 118 проектов НИОКР на общую сумму 3,2 трлн вон [9]. Проекты НИОКР финансируются центральным и местным правительствами в разных долях, поддерживаются Специальным счетом регионального развития, другими счетами и фондами для содействия региональному развитию. В 2015 г. на Специальный счет регионального развития было переведено около 1,5 трлн вон [9].

Однако, несмотря на предпринятые усилия, существенного эффекта от регионального развития не наблюдалось. Уровень регионального дисбаланса и зависимости от центрального правительства в сфере НИОКР увеличился.

Было принято решение, что для реализации автономного, децентрализованного и сбалансированного развития каждый регион должен развивать программу автономного роста, основанную на его уникальных характеристиках и сильных сторонах. Был введен термин «Умный сбалансированный рост», который включает характеристики регионального превосходства. Задача региональных правительств – направлять целевые инвестиции в инновационные сферы с высоким потенциалом в регионе.

Для внедрения региональной стратегии «Умный сбалансированный рост» была проведена оценка существующей политики: «сбалансированный рост в регионах». После внедрения политики сбалансированного регионального развития стандартизация стала нормой. Увеличился реальный разрыв между регионами (политика была сосредоточена на мегаполисах и городе Тэджон). Основное внимание уделялось передаче ресурсов центрального правительства местным администрациям. На смену данной политики при администрации Мун Чжэ Ина началось внедрение новых стратегий: разумный сбалансированный рост – создание инновационной экосистемы регионального инновационного кластера в отдельных областях под руководством региональных инновационных стейкхолдеров. Инновационная среда – это среда, в которой сосуществуют многие кластеры из-за экологических отраслей, размера и сотрудничающих агентств, сосредоточенных вокруг научных поясов, специальных районов НИОКР и местных университетов (табл. 5). В функции региональных администраций входят теперь содействие конкуренции и сотрудничеству между кластерами по размеру и уровню. Центральные и местные органы власти играют роль сторонников и помощников в активизации инновационных кластеров на базе провинций.

Стратегия «Умный сбалансированный рост» подразумевает процесс достижения роста капитала за счет динамики и разнообразия, основанный на целевом инвестировании в области с высокой автономией и потенциалом в каждой провинции [9].

Цель стратегии – предложить дорожную карту в области науки и технологий, которая поддержит создание региональных инноваций и повысит качество жизни, т.е. для содействия экономическому росту и повышению качества жизни в каждом регионе, а также для реализации сосуществования и сотрудничества между регионами на основе усиления региональной инновационной компетенции. Обозначен лозунг: «Наука и технологии – двигатель роста для всех регионов» [9].

В рамках стратегии предложено четыре стратегических направления:

1. Усилить инновационную компетенцию в каждом регионе для выявления собственных проблем, связанных с экономическим ростом и повышением качества жизни, и использования социальных ресурсов в регионе для решения проблем.

2. Активизировать специальные районы НИОКР для вклада в региональную экономику, содействовать внедрению результатов НИОКР в регионы и в региональные корпорации.

3. Продвигать научно-технические решения для улучшения условий жизни локальных сообществ: транспорт, канализация и гражданские петиции.

4. Содействовать сбалансированному развитию за счет повышения региональной инновационной компетенции посредством обмена информацией и межрегионального сотрудничества.

Таблица 5. Особые районы НИОКР [9]

Особые районы НИОКР	Сферы специализации
Тэдук	1. ИТ-конвергенция. 2. Наноконвергенция. 3. Точное машиностроение. 4. Биомедицина
Кванчжу	1. Оптическая конвергенция. 2. Интеллектуальные сети. 3. Экологически чистые детали автомобилей. 4. Культурный дизайн. 5. Биоматериалы
Тэгу	1. Интеллектуальная конвергенция ИТ. 2. Конвергенция материалов для медицинских устройств. 3. Конвергенция экологически чистой энергии. 4. Конвергенция мехатроники
Пусан	1. Инженерное оборудование для судостроительства. 2. Судостроительная техника. 3. Зеленая морская техника
Чонбук	1. Сельское хозяйство и биоконвергенция. 2. Материалы конвергенции

Роль науки и технологий в борьбе с коронавирусом

COVID-19 – это инфекционное заболевание, связанное с тяжелым острым респираторным синдромом, вызванным коронавирусом 2 (SARS-CoV-2). В Корее первый случай COVID-19 был подтвержден 20 января 2020 г. В феврале высказывались опасения по поводу возможного коллапса системы здравоохранения страны из-за быстрого роста числа подтвержденных случаев, связанных с религиозной сектой*, церковью Синчхонджи, около города Тэгу. Однако благодаря оперативным действиям правительства по сдерживанию болезни и активному соблюдению общественностью мер по контролю и профилактике заболеваний система здравоохранения Кореи сохранилась нетронутой. По состоянию на июнь 2021 г. ситуация с COVID-19 в Корее находится под контролем, а количество ежедневно подтвержденных случаев колеблется в пределах нескольких десятков.

Различные меры реагирования на COVID-19 сыграли важную роль в эффективном сдерживании болезни в Корее, в частности, с использованием науки и технологий. Наука и технологии внесли значительный вклад в разработку наборов тестов, создание Системы поддержки эпидемиологических исследований (Epidemiological Investigation Support System, EISS) и исследования способов лечения и вакцин, не говоря уже о политической поддержке широкой общественности и МСП и сотрудничестве с зарубежными странами международными организациями [10].

Для определения вируса необходима была разработка диагностических реагентов, способных обнаружить присутствие определенных генов вируса COVID-19. Разработка этих реагентов на COVID-19 привела к значительному сокращению времени на диагностику – с 24 до всего лишь 6 часов. В Корее был разработан и утвержден первый диагностический реагент (набор для тестирования) COVID-19 через три недели после публикации данных о генетической последовательности COVID-19. Этот набор для тестирования позволил быстро диагностировать и изолировать людей с подтвержденным диагнозом, тем самым предотвратив дальнейшее распространение COVID-19 по стране.

Seegene, компания по молекулярной диагностике в Корее, была первой компанией в мире, которая использовала систему искусственного интеллекта для разработки молекулярных диагностических тестов COVID-19. Эти высо-

* В феврале 2020 г. практически 50% всех выявленных случаев заболевших COVID-19 в Южной Корее приходилось на прихожан религиозной секты Синчхонджи; был выявлен «нулевой» пациент, который продолжал посещать религиозные службы после появления симптомов; некоторое время руководитель церкви Синчхонджи скрывал данные и отказывался сотрудничать с властями: раскрывать личные данные прихожан церкви.

комолекулярные реагенты для ПЦР в реальном времени предназначены для одновременного обнаружения различных ДНК-мишеней как при менингите, так и при различных инфекциях, передающихся половым путем. Благодаря алгоритмам искусственного интеллекта и опыту в разработке реагентов для ПЦР Seegene удалось значительно сократить затраты и время на разработку. Задача разработки реагента для ПЦР, на которую обычно у группы из 100 экспертов уходит три месяца, может быть выполнена всего за три часа с использованием искусственного интеллекта [10]. Реагенты для диагностики, разработанные ИИ, позволяли поставить точный и быстрый диагноз с помощью одного теста.

Также в период глобального распространения COVID-19 южнокорейские разработчики медицинских ИИ-решений, такие как Vuno, Lunit и Medical IP, бесплатно размещали на своих сайтах программы для чтения рентгеновских снимков грудной клетки и компьютерной томографии на основе ИИ.

На примере борьбы с COVID-19 в Южной Корее можно увидеть успехи в нескольких высокотехнологичных областях: биомедицина, ИКТ и медицинское оборудование.

Сфера полупроводников

Тенденцией последних нескольких лет является растущая конкуренция в полупроводниковой промышленности. Долгое время именно Южная Корея была признанным лидером в данной области. На сегодняшний момент борьба за доминирование в этой сфере только растет. США, Европа и Китай уже объявили об увеличении инвестиций в полупроводниковую промышленность. По данным исследования Deloitte, в стране насчитывается более 20 000 компаний, связанных с полупроводниками, в том числе 369 предприятий по производству микросхем, 2 650 предприятий по производству полупроводникового оборудования и 4 078 предприятий по производству полупроводниковых материалов [11]. 13 мая 2021 г. президент Южной Кореи Мун Чжэ Ин посетил завод по производству полупроводников Samsung и объявил о разработке концепции «K-Semiconductor Belt» [12]. 17 мая он выступил с подробным описанием данной стратегии.

На встрече крупнейшие производители микросхем, такие как Samsung Electronics, SK Hynix и другие, пообещали инвестировать более 510 трлн вон до 2030 г. [11]. Samsung Electronics и SK Hynix Inc. возглавят инвестиции в соответствии с национальным планом, разработанным администрацией президента Мун Чжэ Ина, вместе со 151 другой компанией [13]. Правительство также пообещало поддержать отрасль налоговыми отчислениями и инфра-

структурными проектами. Стратегия призывает к дальнейшему расширению возможностей страны в области производства полупроводников и возвращению корейских производителей микросхем в мировые лидеры. В частности, план включает масштабные и разнообразные меры поддержки, для помощи корейским производителям микросхем взять на себя инициативу на фоне сдвигов в глобальной сети поставок полупроводников из-за пандемии COVID-19.

Вводится новое понятие «ключевые стратегические технологии», в рамках которого предусмотрены налоговые льготы для инвестиций в профильные проекты НИОКР: для крупных и средних производителей в размере до 30–40% (ранее – от 2 до 30%), для мелких – 40–50% (вместо 25%) [12]. Предусмотрены преференции по налогам и для капиталовложений в производство и оборудование: для крупных компаний 6% (до этого 1%), для средних – 8% (3%), для мелких – 16% (10%) [12]. Льготные режимы будут действовать со второй половины текущего года и до конца 2024 г.

К 2023 г. планируется создать «специальный инвестиционный фонд» в размере 1 трлн. вон, средства пойдут на выделение финансов фирмам, которые хотят наращивать 8-дюймовое литейное производство и вкладывать средства в сферу материалов, комплектующих и сборки полупроводников, целевых кредитов под фиксированную ставку, сниженную на 1% [12]. Власти также выделяют 2,5 трлн вон на НИОКР, включая разработку чипов следующего поколения.

Также администрация президента подчеркнула преимущества данной Стратегии для общества, так как в течение следующих 10 лет власти Южной Кореи намерены содействовать подготовке квалифицированных кадров для полупроводниковой промышленности (36 тыс. специалистов). Предусмотрены меры поддержки 14,4 тыс. студентов-бакалавров, обучающихся по профилю, а также 13,4 тыс. работников компаний по направлениям проектирование микросхем и производственные процессы [12]. За счёт соинвестирования между государством и бизнесом предполагается расширить до 7 тыс. человек магистерские и докторские программы.

Ожидается, что предложенные меры должны привести к увеличению вдвое к 2030 г. объёма экспорта РК микросхем – до 200 млрд долл., и созданию 270 тыс. новых рабочих мест [12].

В конце мая 2021 г. Samsung заявила, что инвестирует 171 трлн вон (151 млрд долл.) до 2030 г. в свои проекты System LSI и Foundry, что на 38 трлн вон (33,6 млрд долл.) больше по сравнению с предыдущими инвестиционными планами [13]. «Вся полупроводниковая промышленность переживает переломный момент, и сейчас самое время наметить план долгосрочной

стратегии и инвестиций», – сказал д-р Кинам Ким, вице-председатель и глава подразделения решений для устройств Samsung Electronics. SK Hynix потратит 97 млрд долл. на расширение существующих мощностей – в дополнение к ранее обещанным 106 млрд долл. на строительство четырех новых заводов [13]. Правительство Южной Кореи предоставит налоговые льготы, снизит процентные ставки, снизит регулирование, а также поможет определить приоритеты и профинансировать необходимую инфраструктуру.

В рамках дополнительных инфраструктурных проектов рассматривается пояс «K-Chip Belt», который нацелен на объединение таких городов, как Пангё, Пхёнхэк и Pango для развития индустрии чипов на всех этапах: от проектирования до производства, создание оборудования, подготовка материалов и прочее в одном районе. Фактически речь идёт об образовании нескольких специализированных, но интегрированных друг в друга кластеров в западной и центральной частях страны. Так, в Пхангё появятся бесфабричные кампании (проектирование и разработка микросхем), а в Хвасоне, Пхёнхэке, Ичхоне, Ымсоне предполагается расширить мощности по выпуску чипов памяти и контрактному производству полупроводниковой продукции [11]. В Чхонане и Квансане будут созданы передовые сборочные предприятия, а в Хвасоне – комплексы, специализирующиеся на сырье и материалах, комплектующих и оборудовании. Таким образом, комплексные меры можно оценить как очень сильный план по развитию полупроводниковой промышленности и стратегию по обеспечению лидерства в новой глобальной цепочке поставок полупроводников.

С ускорением темпов цифровизации после вспышки COVID-19 сфера полупроводников превратилась в глобальный вызов для национальной безопасности. По мнению ряда экспертов, «мы живем в эпоху, когда войны ведутся с использованием чипов, а не бомб» [11]. Южнокорейская промышленность по производству полупроводников не смогла диверсифицировать свое производство. Полупроводники можно разделить на микросхемы памяти и системные микросхемы. Корея является бесспорным лидером по производству микросхем памяти, но, к сожалению, этот сектор не приносит большой прибыли и чрезвычайно чувствителен к экономике. Поскольку полупроводниковый бизнес Кореи в значительной степени сконцентрирован только на микросхемах памяти, трудно сказать, что РК является мировым лидером отрасли в целом. Стратегия «K-Semiconductor Belt» нацелена на развитие и других сфер полупроводниковой отрасли: литейные производства, безфабричные производства, упаковка и пр. Государственная стратегия «K-Semiconductor» направлена на то, чтобы превратить Корею в комплексный центр производства полупроводников с местными фирмами, создав на своей территории ведущую в мире цепочку поставок полупроводников. Одним из важных факто-

ров, которые следует учитывать, является сотрудничество между правительством и частными фирмами.

Для достижения цели по превращению в мирового лидера в производстве не только чипов памяти, но и системных микросхем власти РК готовы предоставить национальному бизнесу внушительные налоговые послабления, а также предпринимают масштабные меры административной, финансовой и инфраструктурной поддержки.

На сегодняшний день Республика Корея по многим показателям инновационного и технологического развития входит в первую десятку стран, а по отдельным рейтингам занимает лидирующие места. Правительство традиционно уделяет много внимания разработке стратегий и платформ для удержания первых мест в ключевых для корейской экономики отраслях. При этом некоторые эксперты и международные аналитические агентства сходятся во мнении, что по объемам финансовых вливаний со стороны как государства, так и частного бизнеса Южная Корея уступает своим прямым конкурентам (Тайвану, США, КНР), что в ближайшем будущем может сказаться на понижении в рейтингах и потере конкурентных преимуществ. Тем не менее пока Южная Корея является одним из самых наглядных примеров эффективного и успешного развития научно-технической политики государства, взаимодействия власти и бизнеса в сфере коммерциализации НИОКР.

Литература

1. Jamrisko M., Wei Lu. Germany Breaks Korea's Six-Year Streak as Most Innovative Nation // Bloomberg. 2020. January 18. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-18/germany-breaks-korea-s-six-year-streak-as-most-innovative-nation>
2. Global Innovation Index 2019. 12th Edition. Cornell University, INSEAD, and the World Intellectual Property Organization, 2019. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii-full-report-2019.pdf>
3. Ministry of Science and ICT: Korea's R&D Innovation Policies (Science, Technology and Innovation). URL: <https://www.ksmcb.or.kr/icksmbc2018/program/sub11.html>
4. Korea. Innovation Policy Platform. URL: <https://www.innovationpolicyplatform.org/www.innovationpolicyplatform.org/content/korea/index.html>
5. Kim S.S., Choi Y.S. The Innovative Platform Programme in South Korea: Economic Policies in Innovation-Driven Growth // Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13, № 3. P. 13–22.
6. AI, Machine Learning & Big Data 2021. Korea // Global Legal Insights. URL: <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/ai-machine-learning-and-big-data-laws-and-regulations/korea>
7. Ministry of Economy & Finance (2019a) 1st Ministerial Meeting to Promote Innovation in Industries. URL: <http://english.moef.go.kr/ec/selectTbEconomicDtl.do?boardCd=E0001&seq=4615&boardCdKey=N>
8. Korean Government (2018) Innovative Platform: The Policy Direction of Strategic Investment for Innovation-Driven Growth. URL: http://www.moef.go.kr/nw/nes/detailNesDtaView.do?searchBbsId1=&searchNttId1=MOSF_000000000018581&menuNo=4010100

9. Basic Framework for Regional Innovation based on Science and Technology Policy by the Moon Jae-in Government. URL: <https://english.msit.go.kr/SYNAP/skin/doc.html?fn=e277a077667017b6051343226e898405&rs=/SYNAP/sn3hcv/result/>

10. How We Fought COVID-19: A Perspective from Science & ICT. URL: <https://english.msit.go.kr/SYNAP/skin/doc.html?fn=626ca3cfd89f4364b3c787c962eb9a54&rs=/SYNAP/sn3hcv/result/>

11. “K-Semiconductor Belt Strategy” to establish the world’s largest supply network by 2030. URL: https://world.kbs.co.kr/service/contents_view.htm?lang=e&menu_cate=business&id=&board_seq=403357&page=0&board_code=akorea_economyPlus

12. Комментарий ARRC: «K-Semiconductor Belt» – ответ Южной Кореи на глобальную «битву за полупроводники». URL: <https://asiarisk.org/novosti/88-kommentarij-arrc-k-se>

13. South Korea to spend \$ 451 billion on becoming a semiconductor manufacturing giant. URL: <https://www.datacenterdynamics.com/en/news/south-korea-to-spend-451-billion-to-become-semiconductor-manufacturing-giant/>

The science and technology development in the Republic of Korea in recent time

Andronova L.A., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: laruka@yandex.ru

doi: 10.17223/9785907442566/2

Abstract. The paper examines the development strategies of the research and development (R&D) sphere under President Moon Jae-in. Attention is paid to the evolution of the "Growth Engines" program. Also considered the implementation of innovation policy at the regional level. More detailed innovation and R&D policy of the South Korea government is shown on the example of two areas: the fight against COVID-19 and the field of semiconductors.

Key words: science; technology; Republic of Korea; R&D; innovation

*Дарья Владимировна Громова**

Политика государственного регулирования сферы патентования в Японии в 1990–2020-е гг.

Аннотация. Рассматривается политика государственного регулирования охраны результатов интеллектуальной деятельности. В частности, представлены этапы регистрации патентов на территории страны и проанализированы положения документов, регулирующих данную сферу. Основное внимание уделяется оценке эффективности механизмов госрегулирования сферы патентования, которые характеризуют развитие сферы защиты промышленной собственности в Японии за последние 30 лет.

Ключевые слова: патентная политика, интеллектуальная собственность

Интеллектуальная собственность в НИОКР

Государственное регулирование сферы НИОКР, а также венчурных предприятий малого и среднего бизнеса включает несколько составляющих. Согласно модели М. Портера «Тройная спираль – государство, университеты, производство», к основным мерам госрегулирования венчурного сектора относятся: политика охраны интеллектуальной собственности; налоговая политика в отношении НИОКР; политика по учреждению предприятий в секторе НИОКР; государственная поддержка грантов, льготное кредитование; политика коммерциализации технологий [1].

Рассматривая особенности защиты результатов интеллектуальной деятельности в разных странах, можно сделать вывод о том, насколько прозрачна схема защиты прав на интеллектуальную собственность и насколько безопасно производить новые решения в рамках действующего законодательства. В случае венчурных предприятий этот вопрос особенно актуален, так как большинство из них основываются на новых технологических разработках и зачастую имеют ограниченный бюджет для оформления соответствующих документов, подтверждающих право на результаты интеллектуальной деятельности. При этом уделяется внимание не только копированию элементов или целых технологических решений, но и возможности получения и не-

* *Громова Дарья Владимировна* – преподаватель кафедры востоковедения, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: putdarya@yandex.ru

санкционированного использования этих результатов сотрудниками предприятий-патентообладателей, в том числе изобретателями.

В условиях производственной деятельности рассматриваются результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в виде промышленной собственности. К последней относятся товарные знаки (знаки обслуживания), патенты на изобретения, промышленные образцы, полезные модели. В данной статье рассматриваются патенты на изобретения, промышленные образцы и полезные модели.

По данным Всемирной организации защиты интеллектуальной собственности (ВОИС), изобретением называется «изделие или процесс для его производства» [2], промышленным образцом – «декоративная или эстетическая составляющая объекта (форма, модели, линии, цвета)» [3], полезной моделью – «улучшение и адаптация существующих объектов» [4].

В последнее время особую актуальность получил вопрос о защите интеллектуальной собственности, зафиксированной в электронном (цифровом) формате. Подобные программы не являются объектами промышленной собственности, так как относятся к авторскому и смежным правам, защищающих не саму идею, а форму ее выражения. Соответственно, получение патента на такие технологии является невозможным, однако для получения некоторых гарантий можно установить авторские права на подобные разработки.

Политика Японии в сфере защиты интеллектуальной собственности

Авторское право и патентование в Японии активно развивались начиная с 1990-х гг., что обусловлено соглашением 1994 г. между Японией и США, а также соглашением ТРИПС (Соглашение по торговым аспектам прав на интеллектуальную собственность) 1994 г. [5]. Во многом патентная политика Японии повторяет этапы развития американской патентной системы, что обусловлено тесным взаимодействием стран не только в экономической сфере, но и в вопросах политики, безопасности и международных отношений.

В соответствии с «Базовыми планами по развитию науки и технологий» [6], которые принимаются на 5 лет начиная с 1996 г., правительство увеличило финансирование научных исследований, что позволило модернизировать исследовательские возможности национальных университетов и лабораторий [7]. Основными сферами для развития технологий в этот период стали науки о жизни, информация и коммуникации, окружающая среда и нанотехнологии.

В 1990-е гг. были проведены важные институциональные реформы. Национальные университеты и исследовательские фонды были переведены в статус некоммерческих организаций, что обеспечило свободу деятельности

внутри этих структур. Университеты обеспечивают развитие базовых технологий, доля которых в Японии остается достаточно низкой на протяжении последних десятилетий, большее внимание уделяется усовершенствованию существующих технологий и созданию приложений к ним. Поэтому данные изменения направили Японию на путь усиления наукоемкого производства.

Начиная с 1990-х гг. правительство Японии поддерживало совместные исследования промышленности, национальных университетов и исследовательских лабораторий. Это дало весомые результаты: в 2001 г. количество заявок на патент, поданных университетами, составляло 641, а в 2005 г. – уже 8 527; количество совместных исследовательских проектов предприятий и университетов в 1995 г. составляло менее 1 500, а в 2005 г. их количество составило более 10 000 (ежегодно) [7].

В соответствии со статистическими данным ОЭСР за 2017 г. [8] Япония занимает первую позицию по количеству патентов среди членов организации, опережая США и страны ЕС, что демонстрирует характерную особенность политики страны в отношении инновационных разработок, заключающаяся в стимулировании процесса создания и защиты интеллектуальной собственности. Правительство Японии привлекает в сферу разработки необходимые человеческие ресурсы: по количеству ученых и исследователей страна занимает третье место в списке государств – членов ОЭСР.

Руководство инновационной деятельностью Японии осуществляет правительство страны в лице кабинета министров. В структуре правительства этими задачами занимаются Совет по научно-технологической политике, Стратегический совет по интеллектуальной собственности, Совет по информационной стратегии [9].

Политика государства в отношении защиты интеллектуальной собственности осуществляется Стратегическим советом по интеллектуальной собственности (учрежден в июне 2003 г.), основным инструментом которого является политика «стимулирования патентования»: ускорение процедуры проверки патентов, пересмотр условий ограничения выдачи патентов и защиты технологий новых отраслей (биотехнологии и информационные технологии). Государственным органом, который выполняет непосредственно функцию защиты интеллектуальной собственности в Японии, является Патентное ведомство. Сбор и анализ данных для информирования предпринимателей в сфере инновационного бизнеса относительно состояния рынка в сфере инноваций проводят два агентства: Агентство по сбору сведений по учреждению предприятий и предпринимательству (осуществляет сбор данных по учреждению новых предприятий и количеству рабочих, служит опорной базой для государственных учреждений, проводит подсчеты дважды в год) и

Агентство базы данных патентов по инвестированию в человеческий потенциал (данные Патентного ведомства по заявкам на патенты).

С 1985 г. на территории страны действует Организация патентной информации Японии (JARIО) [10], основные задачи которой сводятся к качественному информированию предприятий и общества о возможностях и преимуществах патентования. В частности данный сервис помогает предприятиям малого и среднего бизнеса правильно оформить необходимую документацию на получение патента.

В соответствии со Стратегической программой по интеллектуальной собственности, принятой в 2016 г., ставятся следующие задачи в развитии данной сферы:

- создание системы интеллектуальной собственности нового поколения, отвечающей необходимости цифровизации и создания сетей;
- продвижение управления интеллектуальной собственностью, ориентированного на открытые инновации;
- повышение уровня образования в сфере интеллектуальной собственности и развитие кадровых ресурсов;
- содействие созданию Стратегии интеллектуальной собственности для регионов, малого и среднего предпринимательства, лесных и рыбных хозяйств и др.;
- содействие международной экспансии контент-индустрии (производство мультимедиа-объектов) и укреплению промышленной инфраструктуры;
- продвижение активного использования архивов;
- инфраструктурное развитие систем интеллектуальной собственности (система разрешения споров, поддержка развития глобального бизнеса и др.) [11].

Базовые документы, регулирующие патентование в Японии

К «Закону о патентах» [12] в Японии (№ 121, 1959 г.) принимали поправки в 1993, 1994, 1998, 2003 и 2006 гг.), при этом основные изменения касались ужесточения санкций за нарушение авторских прав, установления порядка патентования компьютерных программ, а также унификации законодательства Японии и принципов Всемирной организации защиты интеллектуальной собственности. К последним можно отнести продвижение создания, распространения, использования и защиты результатов деятельности для экономического, культурного и социального прогресса человечества, что возможно благодаря балансу между стимулированием творчества по всему миру через поддержку моральных и материальных интересов создателей и обеспечением доступа общества к социально-экономическим и культурным преимуществам [13].

В мае 2021 г. данный закон также подвергся пересмотру в связи с пандемией коронавируса, ставшей серьезным вызовом для всех сфер экономики.

«Закон о патентах» можно назвать документом, соответствующим правовым требованиям мирового сообщества, поэтому подача заявки на патент для нерезидентов также возможна. Однако, ввиду того что при регистрации патента через патентное ведомство необходимо обращаться к патентным поверенным, аккредитованным на территории Японии, а также вести официальную переписку на японском языке, это может быть достаточно трудоемко и финансово невыгодно. Кроме того, для регистрации патента на территории Японии иностранный заявитель может подать документы через систему РСТ (Международная патентная система) и вести процедуру на английском языке с привлечением патентных поверенных, аккредитованных при ВОИС.

В своей политике поддержки инновационной среды японское правительство особое внимание уделяет защите интеллектуальной собственности:

– стимулирование процессов интеллектуального творчества внутри страны и эффективное использование его результатов;

– разработка и усовершенствование правовой системы защиты интеллектуальной собственности, которая способна полностью регламентировать правоотношения с момента создания объектов интеллектуальной собственности до момента их активного внедрения в производство, продвижения на рынке и передачи исключительных прав в полном или неполном объеме, т.е. путем отчуждения или выдачи лицензий или продажи франшиз;

– использование не только отечественных инновационных разработок, но и уникальных зарубежных технических решений.

Процедура подачи заявки на регистрацию патента

Для получения патента на изобретение, промышленный образец или полезную модель заявитель должен пройти следующие этапы [14]:

1. Подача заявки на патент.
2. Запрос на экспертизу.
3. Решение на выдачу патента. После вынесения решения о выдаче патента необходимо оплатить взнос в течение 30 дней, иначе заявка будет аннулирована.
4. После оплаты патентное право регистрируется Патентным органом и получателю направляется патентный сертификат.
5. Далее данные о выдаче патента публикуются в патентном бюллетене.

6. Для поддержания патента в силе необходимо ежегодно оплачивать годовую пошлину за использование патента (его сумма зависит от времени действия патента).

7. В случае передачи патентного права или смены владельца патента необходимо подать соответствующую заявку в Патентное ведомство и зафиксировать изменения, оплатив необходимые пошлины.

Показатели эффективности государственной политики регулирования патентной сферы в Японии

По данным ВОИС, в 2020 г. Япония занимала 16-е место из 131 страны, представленной в Глобальном инновационном индексе 2020 [15].

ВОИС выделяет такие сильные стороны страны в инновационном развитии, как инфраструктура и институты, но при этом отмечает слабые позиции в HR и творческих решениях. В показателях по поданным заявкам и выданным патентам Япония занимает первые позиции [15], что связано с уровнем развития бизнеса и результатами развития знаний и технологий. Но для оценки инновационного потенциала ВОИС также использует наличие креативных работников, способных действовать вне стандартов и создавать новые решения. В силу культурных особенностей японцы не склонны к проявлению индивидуальности в работе, но при этом готовы много работать для успеха предприятия и экономики.

Государственное регулирование патентования не может развиваться отдельно от запроса коммерческих предприятий. К лидерам по количеству поданных заявок на патенты на 2020 год можно отнести следующие предприятия (все они являются представителями крупного бизнеса в своих отраслях) [16]:

- Mitsubishi Electric Corporation (электротехника и электроника);
- Sony Corporation (электроника);
- Panasonic Intellectual Property Management co., ltd. (электроника);
- Nippon Telegraph and Telephone Corporation (телекоммуникации);
- Fujifilm Corporation (фототовары);
- NEC Corporation (телекоммуникации, электроника);
- Denso Corporation (автомобильные комплектующие);
- NTT Docomo, inc. (мобильная связь);
- Sharp Kabushiki Kaisha (электроника);
- Sony Semiconductor Solutions Corporation (электроника).

Большая часть патентов приходится на электронные и телекоммуникационные технологии, что отражено в заявках, поданных на регистрацию патентов по отраслям за 2000–2020 гг.:

- 1-е место (8,58%) – электрическое оборудование, аппаратура, разработки в области энергетики;
- 2-е место (7,55%) – оптика;
- 3-е место (7,52%) – аудио- и визуальная техника;
- 4-е место (6,64%) – компьютерные технологии;
- 5-е место (6,23%) – полупроводники [16].

Сильные стороны японской политики госрегулирования патентования и перспективы развития механизмов государственной поддержки предприятий малого и среднего бизнеса

За последние 20 лет сферу защиты интеллектуальной собственности Японии характеризуют следующие особенности:

- количество заявок на регистрацию патентов растет;
- соотношение количества поданных заявок и выданных документов находится на высоком уровне – 97–99%;
- значительно увеличивается количество заявок, поданных на международную регистрацию товарных знаков через ВОИС, что говорит о том, что патентуемые отрасли являются экспортоориентированными.

На сегодняшний день по большинству показателей в рейтингах ВОИС Япония занимает лидирующие позиции, что свидетельствует о том, что стратегия правительства, направленная на развитие правового поля защиты интеллектуальной собственности и мотивацию на создание передовых технологических решений внутри страны, достаточно результативна.

В статье «Роль японской патентной политики в промышленности Японии» 1994 г. Тосико Такэнака, профессор права юридического факультета Вашингтонского университета, отмечает, что японская патентная политика направлена не столько на защиту интересов правообладателей, сколько на развитие промышленности через гарантии прав на интеллектуальную собственность [17]. Профессор Такэнака подчеркивает, что большинство изобретений в Японии создается корпорациями, а не отдельными личностями. В соответствии с данными 1990 г., соотношение поданных на патенты и полезные модели заявок было следующим: 87,6% – японские корпорации; 5,1% – японские изобретатели; 0,3% – государство; 7,0% – иностранные заявители [17].

Японские малые и средние предприятия и сегодня сталкиваются с определенными сложностями в сфере патентования, которые связаны как с ситуацией внутри страны, так и с правовым полем интеллектуальной собственности в мировом масштабе:

- Долгий период рассмотрения заявки на патент в патентном ведомстве. Процесс от момента подачи заявления до получения охранного документа

может занять 2,5–3 года, что достаточно долго в условиях стремительного развития технологий в XXI в.

– Весь документооборот при подаче заявки на регистрацию патента ведется на японском языке, что затрудняет делопроизводство (однако есть альтернативное решение – международное патентование по системе РСТ).

– По данным ВОИС [15], в Японии присутствует недостаточный творческий потенциал сотрудников, что осложняет участие представителей малого и среднего бизнеса в инновационных разработках.

– Преобладание крупных корпораций в списке обладателей патентов на технологии и значительное отставание предприятий малого и среднего бизнеса в количественном соотношении.

– Передача разработок научных институтов крупным предприятиям, слабое сотрудничество с представителями малого и среднего бизнеса.

Важно отметить, что, осознавая сложности процедуры патентования для малого и среднего бизнеса, правительство Японии ведет активную политику по распространению в обществе ценности прав на интеллектуальную собственность и внедряет инструменты, которые позволят сделать процесс получения патента доступным. Например, создание дополнительных неправительственных институтов, осуществляющих информационную поддержку предприятий малого и среднего бизнеса; упрощение процедуры регистрации патента (электронный формат документооборота); содействие развитию сотрудничества между образовательными институтами и малыми и средними предприятиями; поддержка научных институтов и лабораторий в вопросах разработки базовых технологий и др.

Литература

1. Porter M.E. The competitive advantage of nations // Harvard Business Review. 1990. URL: http://dl1.cuni.cz/pluginfile.php/50387/mod_resource/content/0/Porter-competitive-advantage.pdf (дата обращения: 03.04.2021).

2. Часто задаваемые вопросы: патенты. Какого рода изобретения могут пользоваться охраной // Официальный сайт ВОИС. URL: http://www.wipo.int/patents/ru/faq_patents.html (дата обращения: 11.05.2021).

3. What is an industrial design? // Официальный сайт ВОИС. URL: <http://www.wipo.int/designs/en/> (дата обращения: 11.05.2021).

4. What is a utility model? // Официальный сайт ВОИС. URL: https://www.wipo.int/patents/en/topics/utility_models.html (дата обращения: 11.05.2021).

5. 21st Century Innovation Systems for Japan and the United States: Lessons from a Decade of Change: Report of a Symposium (2009). URL: <https://www.nap.edu/download/12194> (дата обращения: 01.06.2021).

6. Кагаку-гидзюцу-кихон-кэйкаку (Базовый закон о науке и технологиях) // Официальный сайт Министерства. URL: https://www.mext.go.jp/b_menu/shingi/kagaku/kihonkei/honbun.htm (дата обращения: 06.06.2021).

7. 21st Century Innovation Systems for Japan and the United States: Lessons from a Decade of Change: Report of a Symposium (2009). URL: <https://www.nap.edu/download/12194> (дата обращения: 01.06.2021).

8. Patents by technology // Официальный сайт статистики ОЭСР. URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=PATS_IPC (дата обращения: 18.04.2021).

9. Леонтьев Б.Б., Ерохина И.В. Стратегия интеллектуальной собственности Японии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-intellektualnoy-sobstvennosti-yaponii/viewer> (дата обращения: 01.05.2021).

10. About JAPIO // Официальный сайт Организации патентной информации Японии. URL: <https://www.japio.or.jp/english/profile/index.html> (дата обращения: 05.05.2021).

11. Обзор Стратегической программы по интеллектуальной собственности 2016 года // Официальный сайт Роспатента. URL: https://rospatent.gov.ru/press/news_archive/inform2016/japanpresent/japan2.pdf (дата обращения: 01.05.2021).

12. Токкёхо: (Закон о патентах) : [текст закона] // Сайт электронного правительства Японии. URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=334AC0000000121> (дата обращения: 01.06.2021).

13. WIPO Intellectual Property Handbook // Официальный сайт ВОИС. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/intproperty/489/wipo_pub_489.pdf (дата обращения: 01.05.2021).

14. Registration // Официальный сайт Патентного ведомства Японии. URL: https://www.jpo.go.jp/e/system/patent/gaiyo/registration_patent.html (дата обращения: 18.04.2021).

15. Global Innovation Index 2020, Japan // Официальный сайт ВОИС. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020/jp.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

16. WIPO Statistical Country Profiles Japan. URL: http://www.wipo.int/ipstats/en/statistics/country_profile/profile.jsp?code=JP, свободный (дата обращения: 18.04.2021).

17. Takenaka T. The role of the Japanese Patent System in Japanese industry. URL: <https://escholarship.org/content/qt9g36r2zx/qt9g36r2zx.pdf?t=n4ow3y> (дата обращения: 01.06.2021).

Government regulations of patenting in Japan in 1990–2020 years

Gromova D.V., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: putdarya@yandex.ru

doi: 10.17223/9785907442566/3

Abstract. The main purpose of the article is to determine the government control mechanisms, which help to protect innovations and develop knowledge-based industry in Japan. There are some statistic data, which present the results of the intellectual property development in the nearest 30 years. Laws, scientific articles by Japanese, Russian and European authors, statistics have been examined during the research. The perspectives and problems of intellectual property protection in Japan have become the paper conclusion.

Key words: patent policy, intellectual property

УДК 94

doi: 10.17223/9785907442566/4

*Валентин Валерьевич Хренов, Динара Вильдановна Бекшенева**

Проблемы рыболовства в районе островов Токто (Такэсима) в южнокорейско-японских отношениях в начале XXI в.

Аннотация. В наши дни отношения Республики Корея и Японии по-прежнему далеки от идеальных. Несмотря на их сглаживание во многих аспектах, некоторые проблемы всё ещё стоят достаточно остро. Актуальность выбранной темы обусловлена по-прежнему возникающими спорами, связанными с исключительной экономической зоной в районе островов Токто. На современном этапе между Японией и Республикой Корея до сих пор существует недопонимание относительно работы рыболовецких судов в Исключительной экономической зоне, разграничения этой территории со странами-соседами и т.п. В статье рассматриваются позиции Республики Корея и Японии в отношении поставленной проблемы, делаются обоснованные научные выводы.

Ключевые слова: Республика Корея; Япония; рыболовство; Токто; Такэсима

28 ноября 1998 г. в японской префектуре Кагосима было подписано Новое корейско-японское соглашение о рыболовстве, которое вступило в силу 22 января 1999 г. [1]. Соглашение состоит из двух приложений по специализированным статьям, 17 статей по управлению рыболовными ресурсами в зоне совместного регулирования и характеру внешних вод зоны совместного регулирования, а также двух протоколов о сотрудничестве между двумя странами по рыболовной политике в Восточно-Китайском море. Соглашение автоматически продлевается каждые три года, а в случае его расторжения срок его действия составляет шесть месяцев [1].

После подписания Нового соглашения о рыболовстве в 1998 г. Республика Корея (РК) перешла от поимки рыбы к ее выращиванию, а также выплатила государственную компенсацию рыбакам, понесшим убытки из-за вступления в силу этого соглашения [2. С. 122].

Из определения Конституционного суда Республики Корея от 1 марта 2001 г. следует, что Новое соглашение о рыболовстве между Кореей и Японией является именно соглашением о рыболовстве и оно не имеет ничего

* *Хренов Валентин Валерьевич* – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Бекшенева Динара Вильдановна – магистрант кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: kimjongkey96@yandex.ru

общего с демаркацией Исключительной экономической зоны (ИЭЗ). Согласно этому судебному решению факт нахождения островов Токто в нейтральных водах не является основанием для распространения положений Соглашения о рыболовстве на решение территориальных споров между Японией и Республикой Корея. Впоследствии Конституционный суд вынес такой же вердикт по аналогичному ходатайству, поданному корейскими рыбаками 26 февраля 2009 г. [2. С. 120].

По сравнению с островами Сэнкаку в соответствии с Соглашением о рыболовстве между Китаем и Японией, которое было подписано до заключения Нового корейско-японского соглашения о рыболовстве, методы определения акватории и совместного управления ресурсами были почти аналогичны соглашениям о нейтральных водах Японского моря. Если бы японское правительство предполагало, что совместное управление водным пространством повлияет на суверенитет островов в водном пространстве, соглашение с Китаем было бы невозможным. С учетом этого можно сделать вывод, что заключение Нового соглашения о рыболовстве между Японией и Республикой Корея никак не связано с претензиями на суверенитет последней.

С другой стороны, сохранение и управление рыбными ресурсами в нейтральных водах, которые оспариваются японской стороной, необходимо осуществлять без риска возникновения в будущем между этими странами ненужных споров. Согласно Приложению к соглашению [3. С. 367] при управлении сохранением рыбных запасов в нейтральных водах нужно следовать рекомендациям Объединённого комитета по рыболовству, при этом в комитет должны входить представители как японского, так и южнокорейского правительств. Тем не менее сохранение и управление ресурсами в нейтральных водах на деле согласовываются и реализуются путём консультаций не с Объединённым комитетом по рыболовству, а с рыбаками, занимающимися частным ловом, или организациями обеих стран. Такое положение вещей отвечает интересам южнокорейского правительства, которое стремится предотвратить нанесение какого-либо ущерба суверенитету островов Токто. Дело в том, что если вопрос о сохранении и управлении рыбными ресурсами в нейтральных водах станет предметом обсуждений на Объединённом комитете по рыболовству с участием представителей правительств обеих стран, то это может вызвать недовольство корейской общественности и привести к политическим проблемам в Южной Корее.

Япония же продолжала настаивать на том, чтобы вопрос о сохранении рыбных ресурсов в нейтральных водах рассматривался Объединённым комитетом по рыболовству, поскольку консультации с частными лицами и организациями не проводились должным образом. По мнению японского правительства, Объединённый комитет по рыболовству должен осуществлять координацию

деятельности по эффективному управлению рыбными ресурсами. Однако корейская сторона отклоняла такие предложения, поскольку проблема нейтральных вод и суверенитета островов Токто являлась для Республики Корея намного более острой и актуальной, чем проблема рыболовства в Исключительной экономической зоне. Обеим странам было необходимо проявлять осторожность во избежание конфликта, связанного с проблемой принадлежности островов Токто и деятельности в зоне совместного регулирования [4. С. 19].

С момента подписания Нового соглашения о рыболовстве две страны продолжали проводить ежегодные переговоры о количестве рыболовных судов, работающих в Исключительной экономической зоне. Количество судов обеих стран, работающих в ИЭЗ, стало постепенно уменьшаться. При этом квота РК на вылов рыбы в Исключительной экономической зоне Японии снизилась примерно на 80 тыс. т – со 140 тыс. т в 1999 г. до 60 тыс. т в 2012 г., в то время как квота Японии на вылов рыбы в ИЭЗ Кореи за тот же период уменьшилась примерно на 30 тыс. т. Объём промысла стал постепенно сокращаться после введения на море 200-мильной экономической зоны с целью улучшения условий работы корейских рыбаков, что также объясняется сложными условиями рыбной ловли в Исключительной экономической зоне Японии. Между тем в Японии утверждают, что южнокорейские рыболовецкие суда, работающие в японской ИЭЗ, переместились в нейтральные воды во избежание санкций со стороны Японии за истощение запасов рыболовных угодий. Таким образом, ситуация об эксплуатации нейтральных вод между Кореей и Японией по-прежнему чревата возникновением разногласий между ними [5. С. 82].

Между этими двумя государствами в период с 1996 по 2010 г. велись переговоры по решению вопроса, связанного с нейтральными водами, однако данный процесс был приостановлен на неопределённый срок из-за конфликта по поводу суверенитета островов Токто. Первые переговоры об Исключительной экономической зоне между Кореей и Японией были проведены в Токио в августе 1996 г., однако на всех последующих встречах, проходивших до пересмотра соглашения о рыболовстве, не наблюдалось какого-либо прогресса, поэтому обе страны приняли решение отложить переговоры о границе ИЭЗ. В ходе подписания Нового соглашения стороны договорились о раздельном рассмотрении вопроса о принадлежности островов Токто и вопроса о демаркации ИЭЗ. Другими словами, проблема территориальной принадлежности островов Токто в корейско-японских отношениях перестала являться отправной точкой для решения вопросов, связанных с рыболовным промыслом. В свою очередь от корейской стороны поступило предложение провести линию разграничения рыболовецкой зоны государств между островами Уллындо и Оки [6. С. 74]. В ходе переговоров о заключении Нового со-

глашения о рыболовстве корейская сторона рассматривала два варианта. Первый вариант – рассматривать острова Токто исключительно как скалы и принимать во внимание только разграничительную линию между островами Уллындо и Оки, причем данный вариант представлял наибольший интерес для корейской стороны. Второй же вариант предполагал проведение разграничительной линии между островами Токто и Оки [7]. Премьер-министр Республики Корея Ким Чжонпхиль обозначил национальный интерес корейской стороны так: «Правительство действительно определяет острова Токто как скалы, не имеющие собственной ИЭЗ, согласно соответствующим положениям Конвенции ООН по морскому праву. Но я хочу, чтобы вы понимали, что даже при таком положении вещей не исключена возможность использования экономической зоны островов Токто в будущем» [8].

Второй вариант, при котором Япония рассматривала бы все острова Токто в акватории к югу от Кореи как основу для разграничения территориальных вод, для самой Кореи представлялся невыгодным, поскольку данные воды, согласно достигнутым между странами договоренностям о рыболовстве, относятся по большей части к рыболовным угодьям Японии. В данной ситуации не представлялось возможным заключить соглашение о рыболовстве между Кореей и Японией [9. С. 108]. Предложение же корейской стороны о создании рыболовной базы на о. Уллындо было категорически отвергнуто Японией. Такая позиция японцев объясняется тем, что в этом случае нахождение островов Токто в корейских территориальных водах ставило бы вопрос об их суверенитете, что для Японии было недопустимо. По этой причине японской стороне оказалось непросто принять решение о проведении разграничительной линии между островами Уллындо и Оки. Ведь при таком варианте острова Токто находятся на расстоянии 18 морских миль от морской границы с корейской стороны. В свою очередь, в Южной Корее считали, что линия Уллындо–Оки была бы наилучшей формой границы между Кореей и Японией, поскольку включала бы острова Токто в корейские территориальные воды [9. С. 108].

Как результат, Южная Корея и Япония фактически исключили из повестки дня острова Токто как скалы, не имеющие собственной ИЭЗ. Таким образом, позиция непринятия мнений друг друга и отказа от рассмотрения спорных островов Токто в качестве отправной точки вопроса о рыболовстве привела к подписанию в конце 1998 г. Нового соглашения о рыболовстве между Кореей и Японией [10. С. 63].

Ранее приостановленные переговоры о границе Исключительной экономической зоны возобновились в 2006 г. В апреле 2006 г. на конференции Международной гидрографической организации (МГО) Южная Корея выступила с предложением зарегистрировать корейские названия морских то-

понимов в пяти точках Японского моря. В ответ на это в мае 2006 г. Япония уведомила о плане океанографических исследований морского дна в Японском море, включая акваторию Исключительной экономической зоны Республики Корея. В июле 2006 г. советник премьер-министра Японии по внешнеполитическим вопросам Яти Сётаро посетил Южную Корею и встретился с министром иностранных дел РК Ю Мёнхваном для урегулирования инцидента, связанного с угрозой столкновения в акватории островов Токто японского судна по исследованию морского дна и сторожевого катера южнокорейской береговой охраны. В результате встречи было решено, что Корея не станет регистрировать корейские варианты названий топонимов в МГО, а Япония в свою очередь обязуется не проводить океанографических исследований в водах вокруг островов Токто. Однако в процессе подготовки документов о причинах инцидента стороны не делали каких-либо официальных заявлений по этому поводу по причине взаимных разногласий относительно того, что должно было быть указано в качестве причины инцидента [11. С. 64]. После этой встречи переговоры об ИЭЗ между Японией и Кореей зашли в тупик. С целью снятия возникшей на этом фоне напряженности в районе островов Токто в 2006 г. были возобновлены переговоры по демаркации Исключительной экономической зоны между Кореей и Японией. На переговорах по ИЭЗ в Токио обе стороны пошли на небольшие уступки друг другу, в результате чего база на островах Токто стала восточной границей Исключительной экономической зоны [12]. События вокруг островов Токто 2006 г. вызвали заметный рост интереса к этой теме со стороны японской общественности, которая требовала решения этого конфликта [13].

Отношения между Кореей и Японией резко ухудшились в сентябре 2006 г., когда обострился конфликт из-за расследования радиоактивных выбросов в районе островов Токто. Заявление Японии о проведении радиационных исследований в районе Токто вызвало решительный протест со стороны Республики Корея. В ответ на попытки последней воспрепятствовать таким исследованиям Япония сообщила о своем намерении подать иск в Международный трибунал по морскому праву. Корейская сторона настаивала на проведении совместных исследований радиоактивности в водах островов Токто, в то время как Япония придерживалась метода предварительного информирования о своих действиях. В конце концов стороны сошлись на взаимном обмене данными и тем самым смогли уладить конфликт [11. С. 66].

После вышеупомянутых событий Япония продолжила попытки рассматривать острова Токто как первичную проблему в процессе параллельных переговоров по демаркации морских границ между Кореей и Японией. Но поскольку острова Токто не являются для Южной Кореи предметом споров,

уладить серьёзные разногласия на этой почве между двумя странами представлялось трудной задачей. Главный вопрос на последующих официальных переговорах по демаркации ИЭЗ между Кореей и Японией заключался в том, как оба государства намерены решать проблему исследования радиоактивности в акватории островов Токто и роста напряжённости в отношениях друг с другом. Достижение соглашения о демаркации корейско-японской Исключительной экономической зоны стало невозможным из-за разногласий между двумя странами относительно суверенитета островов Токто, в результате чего в 2010 г. переговоры были приостановлены [6. С. 88].

Стало ясным то, что Японии и Республике Корея сначала было необходимо решить вопрос относительно принадлежности островов Токто, прежде чем пытаться провести демаркацию ИЭЗ и возобновить переговоры о рыболовстве с целью заключения нового соглашения. Тот факт, что оба государства одновременно заявляют о своих правах на территорию и базу на островах Токто, можно расценивать как их согласие с тем, что острова являются территорией с собственной исключительной экономической зоной. В конце концов сложилась ситуация, когда и Южная Корея, и Япония получили возможность попытаться извлечь для себя пользу из продолжения переговорного процесса. Однако при этом нельзя исключать вероятность повторения ситуации, подобной той, что произошла в 2006 г., когда Япония решила проводить исследования радиоактивности в водах вокруг островов Токто.

По причине истощения рыбных ресурсов в нейтральных водах, а также незаконного промысла корейских рыболовецких судов в водах японской ИЭЗ в 2009 г. Агентство рыболовства Японии произвело изъятие южнокорейских орудий для рыбной ловли [14]. Так, на начало XXI в. в японской ИЭЗ насчитывалось 1 095 км жаберных сетей и около 111 тыс. рыболовных корзин [15]. Кроме того, за восьмилетний период с 1999 по 2007 г. с морского дна было собрано 4 535 кг жаберных сетей и около 300 тыс. корзин [15]. Обеими сторонами ежегодно ведётся учёт выловленной рыбы, который публикуется в виде таблиц. В нашей статье представлены отчёты как японской (табл. 1), так и корейской (табл. 2) сторон за различные периоды времени (2012 и 2020 гг. соответственно). При этом важно отметить, что критерии учёта и оценки в каждой из стран отличаются, поэтому привести таблицы к одному знаменателю не представляется возможным.

В ответ на претензии со стороны Агентства рыболовства Японии и японской береговой охраны на южнокорейских рыболовецких судах были установлены высокие радарные мачты, чтобы их можно было легко обнаружить с большого расстояния и немедленно задержать. Претензии японцев также касались того, что в некоторых случаях корейцы ловили рыбу без установки буя, указывающего положение рыболовного орудия. Брошенные в водах ко-

рейскими браконьерами рыболовные орудия и отсутствующие буи пополняют статистику нелегальной ловли рыбы [14].

Таблица 1. Ценность выловленной рыбы в водах вокруг островов Такэсима (2012 г.)

Вид промысла	Количество рыбы, т	Виды рыбы	Цена за кг, иен	В денежном эквиваленте, иен
Ловля кошельковым неводом на теплоходе	9,9 тыс.	Иваси, макрель	314	3,1 млн
Рыболовство проточной сетью	45	Иваси	276	12,4 тыс.
Ярусный промысел	148	Макрель	352	52,1 тыс.
Промысел водорослей и моллюсков	6,4	Морское ушко	5,6 тыс.	36,3 тыс.
	26	Трубач	749	19,4 тыс.
	27,7	Другое	212	5,8 тыс.
	0,5	Вакамэ (суш.)	653	3,2 тыс.
	0,05	Тэнгуса (суш.)	379	19
Ловля кальмаров	4,3 тыс.	Кальмар	660	2,8 млн
	34,9	Другое	293	10,2 тыс.
Ловля крабов-стригунов в корзинки	4 тыс.	Краб-стригун	1,3 тыс.	5,2 млн
Всего	28,4 тыс.			11,4 млн

Составлено по: 福原裕二 ‘竹島 / 独島研究における新視角’からみる北東アジアの一断面 // 『北東アジア研究』第22号 [Фукухара Юдзи «Такэсима/Докусима кэнкю:ни окэру син сикаку»-кара миру хокуто:адзиа-но итиданмэн; Фукухара Ю. «Новый угол обзора в исследованиях Такэсима / Токто» с точки зрения Северо-Восточной Азии // Северо-Восточная Азия. 2012. № 22. С. 37–55].

Таблица 2. Текущая статистика по рыболовству в уезде Уллын (2020 г.)

Административная единица	Метод рыбной ловли	Вид рыбы	2020 г.	
			Количество улова, т	Стоимость, млн вон
Провинция Северная Кёнсан		<i>Всего</i>	12 399	30 323
Уезд Уллын	Траловый в Японском (Восточном) море	Камбала	11 029	18 844
		Скумбрия	405	6 950
		Сибас	17	-
		Иваси	230	108
		Трубач (моллюск)	40	53
		Желтохвост	100	3 316
		Чёрный морской окунь	618	1 015
		Пятнистый терпуг	4	36
		Конгеровый угорь	4	-
	Датский неводный в Японском (Восточном) море	<i>Всего</i>	882	1 194
	Иваси	230	108	
	Желтохвост	34	71	

Административная единица	Метод рыбной ловли	Вид рыбы	2020 г.	
			Количество улова, т	Стоимость, млн вон
		Чёрный морской окунь	618	1 015
		<i>Всего</i>	11 451	25 844
	Морской джиггинг	Камбала	11 029	18 844
		Палтус	405	6 950
		Сибас	17	–
		Трубач (моллюск)	40	53
		Пятнистый терпуг	4	36
		Конгеровый угорь	–	–
	Рыбалка	<i>Всего</i>	67	3 245
		Желтохвост	67	3 245

Составлено по: KOSIS (Korean Statistical Information Service). URL: <https://kosis.kr/index/index.do> (дата обращения: 13.05.2021).

Министерство океанов и рыболовства Республики Корея в ходе второго совещания корейско-японского Совместного комитета по рыболовству, состоявшегося в Пусане 26 мая 2013 г., сообщило о том, что переговоры были осложнены значительными разногласиями между сторонами [16]. Так, корейская сторона предложила оставить без изменений количество находящихся в ИЭЗ рыболовных судов и квоту вылова рыбы в течение промыслового сезона 2013 г. (с июня 2013 г. по июль 2014 г.) во время работы в Исключительной экономической зоне страны-партнёра. Японская сторона же настаивала на сокращении этого количества на 25%. В частности, указанные требования касались рыбы-сабли, поскольку данный вид рыбы гарантировал прибыльность деятельности корейских рыбаков. Однако отказ от сокращения количества рыболовных судов мог повлечь за собой конфронтацию между двумя странами и истощение запасов рыбы. Кроме того, Корея настаивала на отмене обязательной системы сохранения записей GPS-слежения, но Япония, напротив, требовала повсеместного внедрения этой системы с марта 2014 г. [16]. Представитель Министерства океанов и рыболовства РК по этому поводу заявил следующее: «В ходе переговоров разногласия между двумя странами полностью устранить не удалось. Если японская сторона не отзовет свою претензию на третьем совещании, запланированном на июнь месяц, то будет крайне сложно достичь успеха в переговорах» [16].

Агентство рыболовства Японии и рыболовные кооперативы призвали представителей государственного и частного сектора этой страны обратиться к своим южнокорейским коллегам с просьбой исправить ситуацию, однако корейская сторона постоянно игнорировала такие просьбы [14]. Соглашение о рыболовстве между Японией и Кореей подверглось большой критике из-за его неравноправного действия со стороны японских рыбаков, которые утвер-

ждали, что именно соглашение стало причиной незаконных действий корейских рыболовецких судов [17]. В свою очередь южнокорейская сторона выступила против Японии, которая потребовала ограничения вылова рыбы-сабли и обязательной установки устройств хранения записей с использованием спутниковых систем позиционирования (GPS) для пресечения незаконной рыбной ловли [18]. В этих условиях в июне 2014 г. в Токио состоялось 15-е заседание Совместного комитета по рыболовству, по итогам которого было решено, что к концу июня того же года рыболовные флотилии каждого из государств должны были быть выведены в свои территориальные воды [19].

В 2014 г. Южная Корея обратилась к японской стороне с просьбой смягчить условия эксплуатации ярусоловов и увеличить ранее сокращенную квоту на вылов рыбы-сабли с 2,15 до 5 тыс. т. Однако японская сторона на это ответила отказом, ссылаясь на чрезмерный вылов рыбы и настаивая на сокращении квот на ее добычу. В итоге стороны не пришли к соглашению и переговоры были сорваны [20]. Несмотря на это, 9 января 2014 г. Япония и Южная Корея провели в Сеуле 16-е заседание Совместного комитета по рыболовству, в результате которого в отношении промысловых сезонов 2014 и 2015 гг. стороны пришли к соглашению об условиях их работы в Исключительной экономической зоне. В протоколе комитета содержались условия, предусматривавшие сокращение до 68,2 тыс. т общей квоты на вылов для рыболовецких судов стран-партнёров в ИЭЗ Японии и Южной Кореи в промысловом сезоне 2015 г. (с 20 января 2015 г. по 30 июня 2016 г.). При этом общее количество судов, которым разрешалось работать в ИЭЗ, составляло 860 единиц, что соответствовало показателю 2013–2014 гг.). Квоты на вылов в зависимости от вида рыбы и типа промысла, а также количество судов были указаны в приложении к протоколу. Количество корейских ярусоловов, которым разрешалось работать в ИЭЗ Японии, было сокращено на 20% (что составило в общей сложности 40 судов) на следующие пять лет (до конца 2019 г.). В соответствии с соглашением, вступившим в силу 20 января 2015 г., были ужесточены и штрафные санкции в отношении Южной Кореи за незаконный вылов рыбы [21].

Стоит заметить, что в период действия этого соглашения объемы вылова рыбы-сабель и скумбрии в японских водах корейскими рыболовецкими судами примерно в десять раз превышали объемы добычи японскими судами, которые редко работают в корейских водах [14]. Японская сторона не считала необходимым продлевать действующее соглашение, вступившее в силу в 2015 г., поскольку оно наносило ущерб японским рыбакам, а правительство Южной Кореи, в свою очередь, не было согласно принять запрет на незаконный вылов рыбы, ограничения на рыбную ловлю и установку устройств для

ведения учёта вылова рыбы [22]. Сокращение квоты на вылов для корейских рыболовных судов с 149,2 тыс. т в 1999 г. до 68,2 тыс. т в 2015 г. японская сторона аргументировала чрезмерным выловом рыбы и многочисленными нарушениями соглашения о рыболовстве с корейской стороны, по причине чего действующее соглашение для Японии представлялось убыточным [20].

22 июня 2016 г. в Токио начались обсуждения промысловых операций 2016 г., но две страны разошлись во мнениях относительно годовой квоты улова рыбы в японских водах. Южная Корея требовала увеличения годовой квоты вылова скумбрии и рыбы-сабли с 2 до 8 тыс. т. Стороны не сумели договориться, поэтому по итогу переговоров все рыбацкие лодки должны были вернуться в воды своих стран к полуночи 30 июня 2016 г. [23]. С 1 июля любые операции в ИЭЗ обеих стран были запрещены, а все корейские рыболовные суда, работавшие в ИЭЗ Японии, вернулись в свою Исключительную экономическую зону [24]. Невозможность въезда в ИЭЗ вызвало острый дефицит рыбы-сабли в Южной Корее, в результате чего в начале осени 2016 г. цены на неё в Корее значительно выросли [17].

Всё это привело к тому, что корейская сторона понесла убытки в размере 38 млрд вон. Кроме того, одна судоходная компания обанкротилась и десятки моряков потеряли работу. В рамках проекта поддержки занятости, разработанного Министерством занятости и труда Республики Корея, рыбной промышленности была оказана значительная поддержка в размере 40 млн вон на оплату длительных отпусков морякам во время вынужденного перерыва в работе. Тогда же власти Пусана объявили о сокращении рыболовных угодий, главным образом скумбрии и рыбы-сабли, из-за неудач в достижении соглашения о рыболовстве между Республикой Корея и Японией [25]. 16 августа 2018 г. Министерство морских дел и рыболовства Республики Корея официально заявило о том, что оно начиная с апреля 2017 г. шесть раз обсуждало вышеуказанную проблему с японской стороной, но из-за многочисленных разногласий в позициях Японии и Южной Кореи эти попытки не увенчались успехом [22].

20 ноября 2018 г. рыболовецкое судно «Ниигата» Девятого регионального штаба береговой охраны Японии, принадлежащее рыболовному кооперативу «Хоккайдо Немуро», работало в японской ИЭЗ Японии, когда охранное судно Агентства морской полиции Южной Кореи обратилось к нему с требованием прекратить какие-либо операции в акватории. Патрульный катер береговой охраны Японии отклонил требования корейской стороны, аргументировав это тем, что все операции осуществляются в данной акватории законно в соответствии с Соглашением о рыболовстве между Японией и Республикой Корея [26]. В ответ на это МИД Японии в ночь на 21 ноября 2018 г. выразил протест

южнокорейской стороне, заявив, что данные действия «абсолютно неприемлемы». В свою очередь Южная Корея объяснила свою позицию недоразумением, вызванным появлением в акватории береговой охраны Японии [27].

Что же касается рыбного промысла на островах Токто, то, по состоянию на 2020 г., в водах вокруг островов японские и корейские рыбаки занимались главным образом ловлей иваси, японской скумбрии, морских ушек, моллюсков-турбинидов (иначе – трубачей), а также крабов-стригунов (см. табл. 1).

По состоянию на начало 2021 г. проблема по-прежнему остаётся острой. Так, 12 января 2021 г. вышел репортаж о японском судне, без предупреждения вошедшем в Исключительную экономическую зону Республики Корея, которое в течение 40 часов игнорировало неоднократные требования южнокорейского охранного судна немедленно покинуть акваторию, на что японская сторона ответила отказом, впоследствии выразив протест правительству Южной Кореи [28]. Исследовательское судно Агентства береговой охраны Японии вошло в Исключительную экономическую зону 10 января примерно в 23:55 по местному времени примерно в 126 км от о. Чеджу. Стоит заметить, что данная акватория находится на пересечении ИЭЗ двух государств. По Соглашению о рыболовстве между Японией и Южной Кореей рыболовецкие суда обеих стран имеют право беспрепятственного входа в ИЭЗ, однако здесь есть исключение: в соответствии с Морской конвенцией ООН суда всех остальных категорий обязаны получать предварительное разрешение на вход от той страны, в чью ИЭЗ они входят. Свой протест Япония объяснила тем, что к моменту инцидента японское научное судно уже около двух месяцев проводило исследования у границ с ИЭЗ Южной Кореи [28], о чем, по словам японцев, корейская сторона была в курсе, а потому они не считали необходимым уведомлять последнюю о своих действиях.

Таким образом, на сегодняшний день проблема рыболовства в районе островов Токто (Такэсима) стоит достаточно остро. Частые недопонимания, возникающие между Японией и Республикой Корея, усложняют процесс рассмотрения возможности пересмотра Нового соглашения о рыболовстве 1998 г. Несмотря на то что Япония и Республика Корея при подписании этого документа пошли на определенные уступки друг другу, его условия не удовлетворяют интересам обеих сторон в полной мере. Из-за возникающей неудовлетворённости и притязаний как на территорию, так и на акваторию островов Токто, между странами периодически возникают разногласия и взаимные обвинения, градус которых время от времени возрастает до критической отметки. Каждая сторона выдвигает свои требования, с которыми чаще всего сторона оппонента не согласна. Нахождение компромисса в определении размера квоты тоннажа на вылов рыбы (по большей части скумбрии и рыбы-

сабли) и количества рыболовецких судов, а также пересмотр методов рыболовства обеими сторонами будут способствовать если не полному урегулированию, то как минимум прекращению эскалации данного конфликта.

Литература

1. 신한일어업협정 전문 // 독도본부 [Син Ханиль ооп хёпджонъ чонмун; Новое соглашение о рыболовстве между Японией и Республикой Корея, полный текст // Dokdo center]. URL: http://www.dokdocenter.org/dokdo_news/index.cgi?action=detail&number=4322&thread=18r08r01 (дата обращения: 12.03.2021).
2. 조윤수. 한일어업협정과 해양경계 획정 50년. 일본비평 12호. 서울대학교 일본연구소 [Чо Юнсу. Ханиль ооп хёпджонъ-гва хэянъ кёнъге хвэджонъ 50 нён. Ильбон Пипхёнъ 12-хо. Соуль-дэхаккё Ильбон-ёнгусо; Чо, Ю. Соглашение о рыболовстве между Кореей и Японией и 50 лет демаркации морских границ. Корейский журнал о Японии. № 12 // Центр японских исследований Сеульского национального университета. 2015. С. 102–133].
3. 오윤경. 『현대 국제법질서: 외교실무자들이 본 이론과 실제』 // 박영사, 2001. 844쪽 [О Юнгёнъ въ «Хёндэ Кукчебопчилсо: вэгёсиль-муджадыри бон ирон-гва сильдже»; О Юнгён. «Современный международный закон и порядок: теория и практика глазами рабочих дипломатов», Пак Ёнса, 2001. 844 с.].
4. 양기웅. 「외압과 국내정치의 한일관계: 신어업협상과 한국정치」, 『현대일본논총』 제22호, 현대일본학회, 2005, 24쪽 [Янь Гиун. «Вэап-ква кунънэ джонъджи-ый ханиль кванге: син ооп хёпсанъ-гва Хангук чонъчхи», «Хёндэ Ильбон нончхонъ»; Ян Киун. «Отношения между Кореей и Японией между внешним давлением и внутренней политикой: новые переговоры о рыболовстве и корейская политика», «Корейская ассоциация современных японоведов». № 22: Современное японское общество. 2005. 24 с.].
5. 「200海里運動史」 // 東京: 全国漁業協同組合, 2013 [200 кайри ундоси; История движения за 200 морских миль. Токио: Дзэн-гоку гёгё: кёдо: кумай, 2013. 377 с.].
6. 김용환. 『독도 인근해역 경제획정의 국제법적 쟁점 및 대응방안』, 115쪽 [Ким Ёнхван. Токто ингыньхээк кёнъгехвэджонъ-ый кукчебопчок чэньджом мит тэынъбанъан // Международные правовые вопросы и меры противодействия демаркации морей вблизи. Токто, 115 с.].
7. 국정감사 해양수산부, 농림수산위원회회의록 (2000.10.31) [Кукчонъ камса хэянъсусанбу, нонъсусануиунхвэхваэйрок; Протокол Комитета государственного аудита, океанов и рыболовства, сельского, лесного и рыбного хозяйства (31.10.2000)]. URL: <https://www.mof.go.kr/content/view.do?menuKey=345&contentKey=41> (дата обращения: 13.04.2021).
8. 대한민국 국회, 『국회본회의: 통일외교안보에 관한 질문』 (1998.11.14) [Тэханмингук кухвэ, кухвэбонхвэ: тхонъильуэгёанбо-э кванхан чильмун; Национальное собрание Республики Корея, пленарное заседание Национального собрания: вопросы объединения, дипломатии и безопасности (14.11.1998)]. URL: <https://www.assembly.go.kr/common/download.do?fid=report&agendaId=1100000826&fpath=report> (дата обращения: 03.04.2021).
9. 김선표. 『한일 간 동해 배타적 경제수역 경제획정에서 독도의 기점사용에 대한 연구』, 한국해양수산개발원, 2000 [Ким Сонпхё. «Ханиль кан Тонъхэ пэтхаджок кёнъджеусёк кёнъдже-хвэджонъ-эсо Токто-ый киджомсаёнъ-э Тэхан ёнгу», Хангук хэянъ сусан гэбаль-вон; Ким Сонпхё. «Исследование использования происхождения Токто при демаркации исключительной экономической зоны Восточного моря между Кореей и Японией» // Корейский институт развития морского рыболовства. 2000. 124 с.].
10. 박덕배, 『동북아해양영토전』, 블루노트, 2013, 120쪽 [Пак Токпэ «Тонъпук ахэ яньёнъ тходжонъ»; Пак Токпэ. «Приморские территории Северо-Восточной Азии». Blue Note, 2013. 120 с.].
11. 谷内正太郎, 「外交の戦略と志」 // 産経新聞社, 2009 [Яти Сётаро: «Гайко: но сэнякю-то кокородзаси»; Яти Сётаро. «Дипломатическая стратегия и устремления» // Санкэй Симбун, 2009. 222 с.].

12. 독도 영유권 관련 일지 // 대한민국 정책브리핑 [Токто ёньюгвон кваллён ильджи; Записи о правах владения Токто // Брифинг по политике в Корее]. URL: <https://www.korea.kr/special/policyFocusView.do?newsId=148654763&pkgId=49500376> (дата обращения: 18.04.2021).

13. 「竹島に関する特別世論調査」 // 日本内閣府. 2013 [«Такэсима-ни кансуру токубэцу сэронгё:са» // Нихон найкаку-фу; «Специальный опрос о Такэсима» // Кабинет министров Японии, 2013]. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/tokubetu/h25/h25-takeshima.html> (дата обращения: 16.04.2021).

14. 日韓漁業協定の日本にはどうにも不平等な現実 | 韓国・北朝鮮. 東洋経済オンライン [Никкан гёгё: кё:тэй-но Нихон-ва до-нимо фубё:до:-на гэндзицу / Канкоку / Китатё:сэн; Соглашение о рыболовстве между Японией и Южной Кореей – неравная реальность в Японии / Южной Корее / Северной Корее // Тоё: Кэйдзай онлайн, 2019]. URL: <https://toyokeizai.net/articles/-/300373> (дата обращения: 12.02.2021).

15. 韓国密漁わがもの顔! 日本海のズワイガニ危ない! [Канкоку ми-цурё: ва-га мо но као! Нихонкай-но дзувайгани абунай!; Корейский браконьерский промысел! Снежный краб Японского моря опасен! // J-CAST TV, 2011]. URL: <https://www.j-cast.com/tv/2011/01/27086556.html?p=all> (дата обращения: 04.02.2021).

16. 韓日漁業協議 EZZでの操業条件で交渉難航 // 聯合ニュース. 2013 [Каннити гёгё: кё:ги ЕЕZ-дэно со:гё: дзё:кэн ко:сё: нанко;; Корейско-японские переговоры по рыболовству: переговоры затруднены из-за условий работы на ЕZZ // Ёнхап ньос Япония]. URL: <https://jp.yna.co.kr/view/AJP20130526000600882?section=news> (дата обращения: 14.01.2021).

17. タチウオ、韓国で高級魚になっていた 乱獲で「枯渇」の現実味 [Татиуо, Канкоку-дэ ко:кю:гё-ни наттэита ранкаку-дэ кокацу-но гэн-дзицуми; Рыба-сабля, ставшая первоклассной рыбой в Корее, стала символом «истощения» из-за превышения квоты улова]. JCast News, 2016. URL: <https://www.j-cast.com/2016/11/20283517.html> (дата обращения: 03.02.2021).

18. 그 망던 오징어 왜 사라졌나 [Кы мантхон оджиньё вз сараджённа; Почему все кальмары исчезли // Joogan Chosun, 2011]. URL: <http://weekly.chosun.com/client/news/viw.asp?ctcd=C02&nNewsNumb=002161100005> (дата обращения: 10.02.2021).

19. 한·일 어업협상 결렬총업어구모:조업조건 이견으로 [Хан иль оопхёпсань кёллёль чхоньбигюмо / чоопджогон игёньро; Переговоры по рыболовству между Кореей и Японией были сорваны из-за различий в размерах и условиях общего входящего промысла // Joongang Ilbo, 2014]. URL: <https://news.joins.com/article/15110549> (дата обращения: 03.02.2021).

20. 漁業協定が決裂...サバ・タチウオ高騰の可能性は? = 韓国 [Гёгё: кё:тэй-га кэцурэцу... саба, татиуо ко:то:-но кано:сэй-ва? = Канкоку; Соглашение о рыболовстве нарушено. Какова вероятность резкого скачка цен на скумбрию и на рыбу-сабля? = Южная Корея // Joongang Ilbo Japan, 2014]. URL: <https://japanese.joins.com/JArticle/187187> (дата обращения: 12.02.2021).

21. 第16回 日韓漁業共同委員会 第5回 小委員会」及び「第16回 日韓漁業共同委員会」の結果について”. プレスリリース [Дай 16 кай никкан гёгё: кё:до: иинкай дай 5 кай сё:инкай; Результаты «Пятого подкомитета по рыболовству 16-го созыва японо-корейского совместного комитета» и «16-го заседания Совместного комитета Японии и Кореи по рыболовству». Пресс-релиз]. Агентство рыболовства Японии. URL: <http://www.jfa.maff.go.jp/j/press/kokusai/150112.html> (дата обращения: 04.02.2021).

22. 갈치 어선 70% 줄이라는 일본... 3년째 표류하는 한일어업협정 [Кальчхи осон 70% чу-риранын Ильбон... 3-нёнччэ пхёрюханьин ха-ниль ооп хёпджонь; На 70% меньше рыболовных судов для ловли рыбы-сабля. Корейско-японское соглашение о рыболовстве, дрейфующее в течение 3-х лет // Naver News, 2018]. URL: <https://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LSD&mid=sec&oid=469&aid=0000321931&sid1=001> (дата обращения: 12.02.2021).

23. 韓国が日本の漁場を荒らしまくる悲惨な現実東洋経済 [Канкоку-га Нихон-но рё:ба-о араси макуру хисан-на гэндзицу; Жалкая реальность, что Южная Корея разрушает японские рыболовные угодья // Toyo Keizai, 2016]. URL: <https://toyokeizai.net/articles/-/148524> (дата обращения: 12.02.2021).

24. 日韓漁業交渉が再決裂... 密漁やり放題の韓国が自ら棚に上げて「中国は乱獲やめろ」というのは論理矛盾ではないか? 産経ニュース。 [Никкан гэгэ: ко:сэ:-га саёкэцүрэцу... мицүрө:-яри хо:дай-но Канкоку-га мидзукаратана-ни агэтэ «Тю:гоку-ва ранкан ямэро»-то ю:-нова ронримудзюн-дэванайка? Санкэй Нью:су; Японо-корейские переговоры по рыболовству снова сорвались... Разве это не логическое противоречие, что Южная Корея, где существует браконьерство, кладёт на полку заявление: «Прекратите чрезмерный вылов рыбы в Китае?»]. Санкэй ньус. 2016. 10 июля. URL: <https://www.sankei.com/premium/news/160710/prm1607100003-n1.html> (дата обращения: 17.03.2021).

25. 한일어업협정 2년째 지연...부산 대형선망 380억원 손실 [Хани-льоопхёпджонь 2-нёнчэ чиён... Пусан тэхёнсонмань 380-оквон сон-силь; Соглашение о рыболовстве между Кореей и Японией откладывается на два года. Судостроение в Пусане теряет 38 миллиардов вон]. Naver News, 2018. URL: <https://news.naver.com/main/read.nhn?mode=LSD&mid=sec&oid=001&aid=0010162528&sid1=001> (дата обращения: 12.02.2021).

26. 日本漁船に操業停止要求 韓国警備艦、海保が拒否”. 日本経済新聞 [Нихон гёсэн-ни со:гё:тэйси Канкоку кэйбикан, кайхо-га кёби. Ни-хонго кэйдзай симбун; В просьбе о прекращении эксплуатации японских рыболовных судов и корейского сторожевого корабля береговая охрана Японии отказала». Нихон Кэйдзай симбун]. 2018. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZO380519602112018CC1000/> (дата обращения: 29.01.2021).

27. “韓国警備艦が日本漁船に操業停止要求 海保は認めず抗議” [Канкоку кэйбикан-га Нихон гёсэн-ни со:гё:тэйси ё:кю: кайхострова ми-томэдзу ко:ги; Корейское сторожевое судно требует прекращения работы японского рыболовецкого судна]. Асахи Симбун, 2018. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASLCP6TGQLCPUOHB01G.html> (дата обращения: 29.01.2021).

28. 일 측량선, EEZ 침범... 한국 경비함과 40시간 넘게 대치. JTBC 12 янв. 2021 [Иль чхын-няньсон, EEZ чхимбоп... Хангук кёнъбихам-гва 40-сиган номге тэчхи; Ежедневный опрос, вторжение в ИЭЗ ... Более 40 часов противостояния с южнокорейским патрульным катером. Новости JTBC]. URL: <https://news.joins.com/article/23969010> (дата обращения: 10.02.2021).

Problems of fishing in the area of the Dokdo Islands (Takeshima) in South Korean-Japanese relations at the beginning of the XXI century

Khrenov V.V., Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia). E-mail: val-khrenov@yandex.ru
Beksheneva D.V., Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia). E-mail: kimjongkey96@yandex.ru

doi: 10.17223/9785907442566/4

Abstract. Nowadays, relations between the Republic of Korea and Japan are still far from ideal. Despite their smoothing in many aspects, some problems are still quite acute. The Dokdo (Takeshima) Islands, over which there are disagreements, officially belong to the Republic of Korea, but their ownership is disputed by Japan. This situation has inevitably led to a number of problems in other aspects of the political and economic life of the countries. One of such problems is the problem of fishing in this region that doesn't lose its relevance even at the beginning of the XXI century. The relevance of the chosen topic is due to the ongoing disputes related to the exclusive economic zone (EEZ) in the area of the Dokdo Islands. At the present stage, there is still a misunderstanding between Japan and the Republic of Korea regarding the operation of fishing vessels in the Exclusive Economic Zone, the delimitation of this territory with neighboring countries, etc. The mentioned above indicates the relevance of this problem. The article examines the positions of the Republic of Korea and Japan in relation to the problem posed, and reasonable scientific conclusions are made.

Keywords: Republic of Korea, Japan, fishing, Tokto, Takeshima

УДК 7.013

doi: 10.17223/9785907442566/5

*Мария Владиславовна Шабаева**

Влияние Китая на становление эстетической традиции Японии

Аннотация. Особый взгляд японцев на окружающий нас мир и на понятие красоты в нем, во многом сформированный под влиянием философских учений, проникших в Японию из Китая, предполагает отождествление красоты с истиной, а истины с гармонией. Благодаря уникальному сплаву национального мировоззрения Японии и влиянию китайской культуры в Японии зародилась абсолютно неповторимая и ни на что не похожая эстетическая традиция. И одна из наиболее характерных особенностей философии эстетики в Японии проявляется в особой роли человека выявлять и оберегать красоту мира, в естественной гармонии человеческого духа и природы.

Ключевые слова: японская эстетика; И Цзин; Дао дэ Цзин; Ваби; Саби; Югэн

Общеизвестно, что Япония на протяжении всей своей истории в силу территориальной близости подвергалась огромному влиянию со стороны Китая. Более того, этому способствовало еще и то, что на момент начала формирования японского этноса и его культуры культура китайского народа насчитывала уже 900 лет.

Важную роль в формировании всех видов японского искусства сыграли основные учения Востока, которые проникали в Японию из Китая через Корею. А именно конфуцианство, даосизм и буддизм.

Суть конфуцианского учения, выраженного в философии великой «Книги перемен» («И Цзин»), нашла определенное отражение в эстетических принципах Японии. Изначально первый иероглиф, содержащийся в названии «Книги перемен», представлял собой стилизованное изображение хамелеона [6]. Хамелеон, как известно, способен менять окрас в зависимости от окружения, что совершенно справедливо сделало его символом непостоянства и переменчивости. Отсюда берёт своё начало один из важнейших эстетических принципов Японии – принцип естественности, следования природному ходу вещей, лёгкости творческого процесса. В силу непостоянства и переменчивости бытия задача мастера, будь то художник, повар или скульптор, не создать

* *Шабаева Мария Владиславовна* – преподаватель кафедры востоковедения, факультет исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: nimrodbest@inbox.ru

нечто новое, а прочувствовать и выявить, вывести на свет естественную, неискаженную субъективным взглядом природу вещей, материала, его суть. Несмотря на значительное влияние китайской культуры на Японию, именно этот принцип разительно отличает японскую природоподражательную эстетику, суть которой следовать за естественной изменчивостью природы, от китайской, главное для которой – создание и преобразование. Именно этим отличается японская кухня от китайской: в китайском понимании мастерство повара заключается в создании такого конечного продукта, в котором вы с трудом смогли бы понять исходные ингредиенты, в то время как японская кухня славится своей минимальной обработкой пищи и стремлением сохранить и подчеркнуть естественный вкус пищи [4].

Имеющие особо глубокое философское наполнение понятия «Инь» и «Ян», будучи центральными в китайском трактате «И Цзин», неизбежным образом оказали сильное влияние на классические принципы эстетическом философии Японии. Согласно «И цзин», мир – это динамичная и вечно изменяющаяся система. И изменения в этом мире происходят в силу постоянного и неизбежного соприкосновения, взаимодействия и взаимопревращения двух фундаментальных начал – Инь и Ян. Суть этих двух начал представляет собой двойственность этого мира, выраженную в парных противоположностях, имеющих место в любой сфере жизни и в любом проявлении этого мира, будь то добро и зло, свет и тьма, небо и земля, движение и покой, плюс и минус. Существование одного обусловлено существованием другого. Одно невозможно без другого. И добра не существовало бы в мире, если бы не было зла. Более того, всё относительно, всё течёт, находится в процессе постоянного изменения. То, что вчера было злом, Инь, сегодня стало добром, Ян. Ян порождает Инь, а Инь порождает Ян. Они действуют друг в друге и переходят друг в друга: в Ян существует зародыш Инь, потенция стать Инь, и наоборот. Инь – причина Ян, Ян – причина Инь. Такая взаимообусловленность делает весьма относительным само понятие «противоположности», так как любая из противоположностей включает в себя другую [1].

Однако есть нечто неизменное в этом вечно становящемся неверном мире относительности. Нечто надёжное, на что можно опереться. Некий глобальный закон естественного хода вещей, не изменяющийся никогда. Пусть день сменяется ночью, но он сменяется ею всегда. Пусть жизнь сменяется смертью, но эта перемена так же неизбежна. Именно этот космический неизменный закон, этот «путь вещей» и является истинной реальностью. Всё остальное эфемерно и преходяще. Это Неизменное получило название «Тай цзи», что означает «Великое первоначало» или «Великий предел». Это мгновение, когда Инь уже не Инь, но ещё не Ян, а Ян ещё не Инь, но уже не Ян, мгнове-

ние, в которое проглядывает абсолютная пустота, или абсолютная наполненность, проглядывается Единое [1].

Выдающийся трактат китайской даосской мысли «Дао дэ цзин», написанный Лао-Цзы, сыграл не менее существенную роль в формировании японской эстетической мысли, чем «И Цзин».

Уже в первой главе «Дао дэ цзин» выводится важнейший тезис, определяющий основное назначение искусства: «Поэтому тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну (Дао), а тот, кто имеет страсти, видит его только в конечной форме. Оба они (безмянное и имеющее имя) одного и того же происхождения, но с разными названиями». Значит, хотя Дао и не познаваемо дискурсивными методами, его можно узреть и через конечные формы, т.е. ощутить Единое через мир множественности. Помочь сделать это – важнейшее назначение искусства, будь то живопись, икебана или сады [1].

Еще одним важным принципом японской эстетики является так называемый принцип саби. Само слово «саби» переводится как «ржавчина», чем и отражает суть это принципа. Саби – это красота древности, красота, рожденная временем. Эстетика саби в современном ее виде окончательно оформилась благодаря великому японскому поэту Мацуо Басё, но в своем изначальном виде эстетизация того, что принято считать «безобразным» очень созвучна второй главе «Дао дэ Цзин»: «Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется безобразное». В этом также можно увидеть эстетику Инь-Ян, представляющих собой прекрасное и безобразное. Но поскольку Инь и Ян не являются взаимоисключающими, а наоборот, представляют собой нечто взаимодополняющее, то, что порождает друг друга, переходит друг в друга, не имеет четких границ, значит, в прекрасном есть безобразное, а в безобразном есть прекрасное [5]. И следы возраста придают особое очарование, по мнению японцев. Старое искривленное дерево, камень, покрытый мхом, обтрепанность – все это «саби», – архаичная естественность, прелесть старины. И чем более проявлена печать времени, тем естественней и прекрасней вещь.

В четвертой главе «Дао дэ Цзин» подчёркивается особая значимость пустоты: «Дао пусто, но в применении неисчерпаемо. О глубочайшее! Оно кажется праотцем всех вещей». С этим связана огромная роль незаполненного пространства живописного свитка, недоговорённость стихотворения, осмысление промежутков в икебанае и пустого пространства при планировке садов [1]. Это нашло отражение в таком эстетическом принципе, как югэн. По мнению В. Овчинникова («Ветка сакуры»), югэн, или прелесть недосказанности, – это та красота, которая скромно лежит в глубине вещей, не стремясь на поверхность. Её может вовсе не заметить человек, лишенный вкуса или душевного покоя [2. С. 88].

Не секрет, что сам термин «юбгэн» изначально пришел из философских трактатов Китая и имел значение «неясный», «таинственный», «глубокий». Югэн – это красота недосказанности, намек, имеющая в японской эстетической традиции огромное значение. Недаром японский философ Дайсэцу Судзуки сказал: «В намёке заключена вся тайна японского искусства» [3. С. 219]. Югэн – это тот важнейший глубинный смысл вещи, произведения искусства или чего бы то ни было, скрытый за словами, в самой глубине и не стремящийся наружу, на поверхность. И лишь немногие способны познать красоту этого намека и недоговоренности, красоту незавершенности. Недосказанность оставляет простор воображению, она же позволяет постигать невидимое. Японский исследователь Кенко Ио-шида (XVIII в.) писал: «У всех вещей законченность плоха, лишь неоконченное дает радостное, расслабляющее чувство» [2. С. 92]. Законченный предмет не имеет прелести, он теряет свое многообразие и глубину, он неинтересен. Именно по этой же причине японская эстетическая традиция отрицает симметрическую форму, так как в ней выражена завершенность, которая несовместима с вечным движением жизни.

Присущие японской эстетической традиции сдержанность и лаконизм, желание выразить суть наиболее минимальным количеством средств откликаются еще в одном постулате «Дао дэ цзин»: «Пять цветов притупляют зрение. Пять звуков притупляют слух». Эта мысль во многом способствовала появлению монохромной живописи, стихов, состоящих всего из трёх строк – хокку, сухих садов. Ещё один важный творческий принцип, способствовавший развитию минимализма, – «не выходя со двора, мудрец познаёт мир, не выглядывая из окна, он видит естественное Дао». Дао всё и сразу выявляется в любом предмете, так как оно принципиально неделимо. Для его выражения не обязательно отображать необъятность мира. Достаточно изобразить две-три ветки, птицу или комара на стебле, но изобразить так, чтобы передать их суть, их связь со Вселенной. Идти не вширь, а вглубь, не множить объекты наблюдений, а сосредоточиться на одном – вот принцип творчества [1].

Это стремление к минимализму превратилось со временем в такой эстетический принцип, как ваби, что значит красота простоты, отсутствие всего ненужного, нарочитого, вычурного. В этом суть прелести обыденного, умение довольствоваться малым, что красной нитью проходит через все традиционные искусства Японии.

Вся суть японской эстетической традиции может быть выражена в одном единственном стихе «Дао дэ Цзин»: «Великое совершенство похоже на несовершенство» [7]. И в этом можно почувствовать все главные принципы японской эстетики, будь то ваби-саби со своим стремлением увидеть совершенное в обыденном и в том, что кажется несовершенным, или югэн с его незавер-

шенностью и стремлением оставить недоделанным, недосказанным, а значит, несовершенным в понимании представителя западной культуры

Литература

1. Зайцев А.Б. Японский сад. Форма и пустота // Открытый текст. 2015. URL: <http://www.opentextnn.ru/space/gardens/?id=5935>
2. Овчинников В.В. Сакура и дуб. М. : АСТ, 2011. 608 с.
3. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М. : Наука, 1979. 368 с.
4. Гришелева Л.Д. Формирование японской национальной культуры: конец XVI – начало XX века. М., 1986. 288 с.
5. Дейви Х.И. Искусство и путь по-японски. 45 дорог к медитации и красоте. М. : Феникс, 2005. 304 с.
6. Малявин В.В. Традиционная эстетика стран Дальнего Востока. М., 1990.
7. Самохвалова В.И. Традиционные японские искусства. М., 1989.

The influence of China on the formation of the aesthetic tradition of Japan

Shabaeva M.V., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: nimrodbest@inbox.ru

doi: 10.17223/9785907442566/5

Abstract. The special outlook of the Japanese on the world around us and on the concept of beauty in it, largely formed under the influence of philosophical teachings that penetrated into Japan from China, presupposes the identification of beauty with truth, and truth with harmony. Thanks to the unique fusion of Japan's national outlook and the influence of Chinese culture, an absolutely unique and unlike anything aesthetic tradition was born in Japan. And one of the most characteristic features of the philosophy of aesthetics in Japan is manifested in the special role of man to reveal and protect the beauty of the world, in the natural harmony of the human spirit and nature.

Key words: Japanese aesthetics; I Ching; Tao te Ching; Wabi; Sabi; Yugen

УДК 94(5)

doi: 10.17223/9785907442566/6

*Екатерина Юрьевна Тройнина**

Научно-технологическая политика Тайваня в 2016–2020 гг.: традиционные и новые направления

Аннотация. Приводится общая оценка научно-технологического развития Тайваня в указанный период и роли государственного и частного секторов экономики в данной области. Рассмотрены ключевые направления и программы научно-технологической политики администрации президента Цай Инвэнь в 2016–2020 гг., наиболее перспективные для развития отрасли. Анализируются как сильные стороны тайваньской экономики, способствующие достижению указанных целей, так и сложности и вызовы для научно-технологического развития острова.

Ключевые слова: Тайвань; экономическое развитие; наука и технологии

Во второй половине 2010-х гг. Тайвань остается в ряду наиболее развитых экономик мира, а также сохраняет свои позиции среди лидеров по уровню развития научно-технологических инноваций, таких как Германия, США, Швейцария, Израиль, Южная Корея и Сингапур. По расходам на НИОКР в 2018 г. Тайвань занял восьмую позицию, а по темпам роста данных расходов – третью позицию после КНР и Южной Кореи.

Основой научно-технологической политики при президенте Цай Инвэнь, избранной в 2016 г. и переизбранной в 2020 г. на второй срок, стала принятая в 2017 г. программа «План “5+2”» инновационных отраслей промышленности». Реализация данной программы должна способствовать экономическому росту за счет развития инновационных отраслей промышленности, таких как: 1) «умное» машиностроение; 2) развитие электроники и микроэлектроники (план «Азиатская кремниевая долина»); 3) зеленая энергетика; 4) биомедицина; 5) оборонная отрасль; 6) новое сельское хозяйство; 7) безотходная экономика (или экономика замкнутого цикла) [1. С. 21–25].

План развития «умного» машиностроения предусматривает, с одной стороны, производство «умных» машин, с другой – оснащение тайваньских производств «умными» машинами, в том числе внедрение «умных» систем городского обслуживания, создание «умных» городов. «Умное» машиностроение предполагает использование технологий Индустрии 4.0 (условно отно-

* *Тройнина Екатерина Юрьевна* – кандидат исторических наук, начальник отдела внешнеэкономической деятельности, ООО «Апрель» (Новосибирск, Россия). E-mail: shkrob_katya@mail.ru

сящихся к четвертой промышленной революции): «умных» роботов, интернета вещей, облачных технологий и анализа больших данных для перехода от прецизионной промышленности к «умной» промышленности.

План развития «Азиатская кремниевая долина» включает четыре стратегии: построение экосистемы для инновационных стартапов, укрепление связей с международными научно-исследовательскими сообществами, создание добавленной стоимости в области искусственного интеллекта, создание испытательных и демонстрационных площадок для «умных» технологий. В данном плане отмечается необходимость превращения Тайваня из традиционного центра контрактных производств в поставщика «умных», инновационных технологий, таких как интернет вещей, автоматизированные системы движения, искусственный интеллект, дополненная и виртуальная реальность. В рамках плана предполагается увеличение доли Тайваня на глобальном рынке искусственного интеллекта до 5% к 2025 г., создание 100 организаций, занимающихся искусственным интеллектом (или через развитие местных стартапов в конкурентоспособные предприятия, или через создание научно-технологических центров международными корпорациями), создание трех компаний системной интеграции мирового уровня на Тайване, привлечение на Тайвань инвестиций от подобных компаний мирового уровня.

В рамках плана по развитию зеленой энергетики основным критерием указано достижение доли возобновляемых источников энергии в общем объеме вырабатываемого электричества до 20% к 2025 г. (в 2018 г. эта доля составила около 5,15%) [2. Р. 118]. В частности, к 2025 г. должны быть построены генераторы мощностью 20 гигаватт, работающие на солнечной энергии, а также должна быть достигнута выработка 4,2 гигаватт энергии за счет морских ветроэнергетических установок [3]. Для демонстрации результатов тайваньских достижений в области зеленой энергетики планируется создать кластер «Шалунь» в районе Тайнаня, который бы способствовал популяризации данных технологий среди тайваньских и зарубежных потребителей и инвесторов.

Тайвань стремится к полному замещению ядерной энергии энергией из возобновляемых источников. В 2018 г. доля ядерной энергетики составила 11,4% [2. Р. 118] от общего объема произведенной электроэнергии, причем этот показатель уменьшился вдвое с 2000 г. Помимо этого, поставлена цель снижения углеродных выбросов в атмосферу на 2 миллиона метрических тонн в год. Изменение структуры энергетической системы Тайваня также приведет к созданию новых рабочих мест на предприятиях, относящихся к зеленой энергетике. Стоит отметить, что зеленая энергетика фигурирует в планах правительства со второй половины 1990-х гг., т.е. это направление

политики и научно-технологического развития уже стало традиционным, но по-прежнему остается крайне актуальным для маленького острова, относительно замкнутой экосистемы с дефицитом энергоресурсов, а также является важной составляющей концепции устойчивого развития, включающей вопросы экологии, снижения уровня загрязнения окружающей среды как неотъемлемого компонента оценки качества жизни.

Четвертое направление – развитие биомедицины – также уже стало традиционным и присутствует в планах научно-технологического развития Тайваня с 1982 г. В рамках плана администрации Цай Инвэнь предполагается создание системы связей местных промышленных предприятий между собой, а также с зарубежными организациями, объединенных общим видением будущего развития биомедицинских технологий. Реализация плана основывается на четырех стратегиях:

1. Создание всеобъемлющей экосистемы посредством развития в шести направлениях: финансирование, кадры, отбор тем для исследований, интеллектуальная собственность, законодательство, повышение эффективности инноваций.

2. Интеграция локальных инновационных кластеров через систему связей промышленного, образовательного и исследовательского секторов для создания упомянутой в первой стратегии экосистемы, а также разработки новых лекарств и медицинских инструментов.

3. Углубление связей тайваньских предприятий и медицинских учреждений с зарубежными рынками, особенно с рынками Юго-Восточной Азии.

4. Развитие связанных с биотехнологиями отраслей промышленности: высокоточной медицины, клинических кластеров мирового уровня, расширение возможностей здравоохранения.

Результаты развития данной отрасли во второй половине 2010-х гг. являются неоднозначными. По данным Министерства науки и технологий Тайваня, расходы на исследования и разработки в области биотехнологий в абсолютном выражении выросли с 25,9 млрд НТД в 2015 г. до 28,4 млрд НТД в 2019 г., т.е. средний темп роста составил около 2,5%. Основным источником роста расходов в данной сфере стали крупные государственные исследовательские институты и медицинские институты. Расходы частного сектора составили 7,9 млрд НТД в 2019 г. с годовым приростом 5,1%, а в относительном выражении доля частного сектора увеличилась с 20,2% в 2015 г. до 27,9% в 2019 г. Доля государства пока что остается самой высокой (11,7 млрд НТД в 2019 г., или 41,3% от общей суммы расходов), однако темпы роста государственного участия уступают частному сектору, а с 2015 по 2019 г. доля государства сократилась на 2,9% [4. С. 20–21].

В то же время в относительном выражении по данным того же Министерства науки и технологий Тайваня в 2017–2019 гг. не только не наблюдался рост расходов на исследования и разработки в области естественных наук и медицины, но даже произошло небольшое снижение, с 9,6 до 9,2% и с 7,2 до 6,6% соответственно [5]. Помимо этого, не наблюдается ощутимый рост количества публикаций в высокоцитируемых изданиях в области биологии, биохимии, иммунологии, генетики. Количество полученных патентных сертификатов в сфере биотехнологий снизилось с 836 в 2016 г. (1,22% от общего числа) до 769 в 2019 г. (1,5% от общего числа) [6]. При этом на открытии международной конференции и выставки «Bio Asia-Taiwan» в 2020 г. президент Цай заявила, что биомедицинские технологии являются самыми приоритетными в стратегии национального развития с момента ее избрания президентом в 2016 г., также она добавила, что за последние несколько лет Тайванем было проведено более 300 клинических исследований, в 80% из которых были вовлечены международные компании, а выручка местных биомедицинских предприятий выросла на 8,7%, общие инвестиции превысили 55,1 млрд НТД (1,84 млрд долл. США) [7]. Таким образом, статистические данные показывают рост в абсолютном выражении при некотором отставании от других отраслей. Но уже почти 40 лет развития отрасли на Тайване показали, что экономический эффект от инвестиций в биотехнологии появляется с ощутимой временной задержкой, однако необходимость поддержки таких исследований имеет большое стратегическое и социальное значение.

Следующее направление – развитие сельского хозяйства нового типа – основывается на четырех принципах, выдвинутых президентом Цай Инвэнь: инновации, занятость, распределение и устойчивость. Если детализировать данную стратегию, то она предполагает расширение использования технологических инноваций и экологически безопасные методы ведения фермерского хозяйства, обеспечение стабильных доходов фермерских хозяйств и повышения их конкурентоспособности, в том числе за счет повышения добавленной стоимости (она может достигаться за счет качественных характеристик, степени обработки, упаковки, оптимизации цепочки поставок и т.д.), создание системы безопасности продуктов питания, диверсификацию внутренних и внешних каналов сбыта товаров данной отрасли. В качестве одного из результатов данной политики правительство Тайваня указывает, что в 2018 г. экспорт сельскохозяйственной продукции достиг максимального за 20 лет значения (5,47 млрд долл. США) [8].

Стратегия по созданию безотходной экономики замкнутого цикла (2018–2020 гг.) совмещает в себе потребности экономического развития и сохранения окружающей среды. Цикл ресурсов должен представлять собой замкну-

тый контур, состоящий из четырёх стадий: производство – потребление – сбор – рециклинг (переработка). Благодаря этому будут достигаться безотходность экономики, поддержание чистой окружающей среды и создаваться экономические выгоды за счет повторного использования сырья вместо потребления новых природных ресурсов. Четыре основные стратегии в данной сфере включают:

- 1) повышение уровня утилизации ресурсов;
- 2) минимизация уровня потребления ресурсов;
- 3) снижение уровня отходов как промышленности, так и бытового потребления;
- 4) улучшение технологий рециклинга ресурсов.

Завершающей отраслью в плане «5+2» администрации президента Цай Инвэнь стали оборонные технологии, среди которых основную роль отвели кибербезопасности. Правительство обосновывает данный выбор тем, что Тайвань является одним из признанных лидеров в области производства полупроводников, интегральных микросхем, информационного и телекоммуникационного оборудования и технологий, поэтому в специализацию острова органично вписывается развитие технологий в области цифровой безопасности, для которых у Тайваня есть фундамент для развития. В количественном выражении поставлены цели на 2025 г.:

1. Увеличение количества сотрудников, занятых в сфере кибербезопасности, до 10 тысяч человек.
2. Содействие в создании 400 стартапов в сфере кибербезопасности.
3. Создание 21 стандарта тестирования и сертификации информационных и телекоммуникационных продуктов.
4. Увеличение объема производства отрасли с 38,7 млрд НДТ в 2018 г. до 78,0 млрд НДТ (около 2,62 млрд долл. США) [9].

Помимо плана «5+2», в 2017 г. правительство Тайваня выдвинуло концепцию «Маленькое государство, большая стратегия»^{*}, в которой делает особый акцент на развитии искусственного интеллекта и связанной с ним экосистеме: широкое использование искусственного интеллекта, по всей видимости, станет неотъемлемой частью жизни будущих поколений, как в форме «умных» городов, электронного правительства и широкого использования «умных» устройств и технологий, так и как средство оптимизации и совершенствования производственных процессов.

Об этой стратегии подробно говорил Чэнь Лянцзи, занимавший пост министра науки и технологий Тайваня с 8 февраля 2017 г. по 20 мая 2020 г. Заслуживает внимания тот факт, что Чэнь Лянцзи был студентом, изучавшим

^{*} Сюго дачжаньюэ. Однако в англоязычных источниках этот принцип звучит более политически нейтрально: «Маленькая экономика, «умная» стратегия» (Small Economy, Smart Strategy).

электронику в начале 1980-х гг., на заре полупроводниковой промышленности Тайваня, ставшей локомотивом экономики острова на несколько десятилетий. По словам министра в интервью изданию *Electronic Engineering Times* (сокращенно – *EE Times*), «ключ к развитию Тайваня – это мобильность талантов» [10], привлечение исследователей и преподавателей в области искусственного интеллекта и электронной техники, а также в области новых бизнес-моделей и менеджмента в этих новых отраслях. Данная стратегия созвучна с теми подходами, которые использовал один из родоначальников полупроводниковой промышленности острова, основатель и топ-менеджер известной тайваньской корпорации TSMC – Моррис Чан.

По мнению Чэнь Лянцзи, мобильность талантов была и остается критически важной для Тайваня, а для появления на острове выдающихся исследователей и предпринимателей необходимо создать возможности для молодых людей установить связи с компаниями в других странах. В 2018 г. для этих целей была запущена программа для 100 исследователей и начинающих предпринимателей, предусматривающая зарубежные стажировки длительностью от 6 до 12 месяцев в США, Израиле и Франции (несколько групп тайваньских исследователей работают во французском стартап-инкубаторе Station F).

Перспективы сотрудничества Тайваня и Израиля, по мнению министра, определяются разнородностью инновационных систем этих двух экономик. Израиль проводит большое количество исследований в области кибербезопасности, программного обеспечения (ПО) и алгоритмов, а сильной стороной Тайваня является производство аппаратного обеспечения и его интеграция с ПО. Таким образом, обе стороны могут совместно работать над разработкой комплексных IT-систем и продуктов. Стоит отметить, что в рамках укрепления научно-технологического сотрудничества с Израилем в 2018 г. Министерство науки и технологий Тайваня открыло свой офис в Тель-Авиве [11], а в августе того же года была основана неправительственная Тайваньско-Израильская ассоциация инноваций и технологий [12].

Отвечая на вопрос, будет ли электронная промышленность и в будущем служить опорой для Тайваня, министр Чэнь ответил, что, по его мнению, электронная промышленность будет ключевым драйвером технологических инноваций: «Сейчас люди только и говорят об искусственном интеллекте. Но без электроники искусственный интеллект не сможет функционировать. Мы думаем, что в будущем продолжится расширение научного применения электроники». При этом сильной стороной тайваньских предприятий он считает глубокое понимание цепочки поставок и изменений экосистемы, а также гибкость в вопросах переориентации на новые сферы, когда они понимают, что там будет создаваться бóльшая ценность.

В другом интервью тайваньской прессе в апреле 2017 г. министр Чэнь оценил состояние цифровой инфраструктуры на Тайване как неудовлетворительное. Для улучшения данной ситуации министр заявил о выделении специального финансирования в размере 46 млрд НТД на оснащение цифровой техникой школ, а также о выделении 5 млрд НТД на построение платформы с высокоскоростными компьютерными мощностями для развития искусственного интеллекта, который может стать залогом развития Тайваня на 10–20 лет вперед [13]. По его словам, для эффективного развития отрасли искусственного интеллекта на острове должно быть не менее шести суперкомпьютеров с производительностью на уровне одного петафлопса, что равно одному квадриллиону операций с плавающей запятой в секунду, каждый из таких компьютеров стоит порядка 700–800 млн НТД (в 2017 г.). Создание подобной платформы создаст для молодых тайваньцев отрасль с блестящими возможностями и обеспечит Тайваню международную конкурентоспособность. Одновременно с развитием искусственного интеллекта, внедрение беспроводной сети стандарта 5G и интернета вещей поддержит спрос на микрочипы – традиционный для Тайваня продукт, однако и эта отрасль не стоит на месте, и в настоящее время идут активные разработки 3-нанометровых микрочипов – полупроводников нового поколения. Данные разработки ведутся тремя корпорациями – тайваньской TSMC, Samsung (Южная Корея), Intel (США), и представляют собой одно из проявлений борьбы за лидерство на рынке в ближайшее десятилетие. В частности, тайваньская корпорация TSMC в 2019 г. начала строительство крупного завода в Южном научном парке в Тайнане, на котором планируется производить в том числе и 3-нанометровые чипы. На данный момент возведено само здание, запуск коммерческого производства запланирован на вторую половину 2022 г. [14]. Строительство и запуск этого завода является как нельзя более актуальным ввиду глобального дефицита микрочипов, который появился в 2021 г. и из-за которого вынуждены сократить производство такие автомобильные концерны, как Ford, General Motors, Nissan и другие, а крупнейшие производители смартфонов и игровых консолей откладывают релизы своих новых продуктов [15].

В рамках стратегии развития цифровой инфраструктуры в мае 2018 г. в округе Илань в Национальной лаборатории прикладных исследований был запущен первый суперкомпьютер «Тайвания», находящийся в собственности государства. Его производительность составила 1,33 петафлопса с возможностью увеличения до 1,7 петафлопса при подключении дополнительных блоков [16]. Данный суперкомпьютер будет использоваться для моделирования и анализа данных в таких областях науки, как биомедицина, генетика, неврология, анализ и предупреждение природных угроз. В ноябре 2018 г. был запу-

щен второй суперкомпьютер «Тайваня 2» с производительностью 9 петафлопс, который занял 20-е место среди самых быстрых суперкомпьютеров в мире [17]. Он установлен в Центральном научном парке Тайваня и, по данным Министерства науки и технологий, используется для исследований в области биотехнологий, финансов, умных систем здравоохранения, умного производства, а также для проведения тайваньскими университетами исследований и разработок в сфере искусственного интеллекта.

В этом же интервью министру был задан вопрос о том, как он оценивает снижение количества патентов, получаемых тайваньскими организациями, на что министр ответил, что Министерство науки и технологий в своей стратегии выделения грантов будет смещать фокус с количества опубликованных статей и размещенных патентных заявок на оценку того, насколько то или иное исследование может принести практическую пользу обществу и промышленности острова. По его мнению, налогоплательщики также должны положительно оценить такой подход. Основными направлениями финансирования будут зеленая энергетика, цифровая инфраструктура, перспективные фундаментальные исследования [13].

Практически по всех своих интервью министр Чэнь упоминает о том, что Тайваню необходимо привлекать зарубежных специалистов и исследователей в области искусственного интеллекта и компьютерных алгоритмов для передачи опыта в данной сфере, но необходимым условием для этого является достойная оплата труда и наличие современной исследовательской инфраструктуры. Таким образом, подготовка и поддержка собственных специалистов, привлечение опытных кадров из-за рубежа, а также создание исследовательской инфраструктуры и для тех и для других – вот три основных направления деятельности правительства в лице Министерства науки и технологий, направленные на выведение Тайваня в число лидеров в области искусственного интеллекта.

По мнению Министерства науки и технологий Тайваня, развитие искусственного интеллекта влечет за собой необходимость повышения уровня кибербезопасности. В 2017 г. была принята Программа национальной кибербезопасности сроком на 2017–2020 гг. Цели данной программы включают создание национальной системы кибербезопасности и киберзащиты, улучшение механизмов обеспечения кибербезопасности, развитие независимой отрасли по разработке систем кибербезопасности. Как говорится в программе, механизмы кибербезопасности в основном использовались правительством, тогда как частные предприятия решали вопросы кибербезопасности самостоятельно. Данная программа предусматривает создание национальных сетей кибербезопасности, в которых местные правительства выступали бы в качестве

связующего звена между национальной системой кибербезопасности и соответствующими городскими системами [1. С. 29]. Таким образом, вопросы кибербезопасности одновременно включены в несколько программ развития, что говорит о достаточно высоком приоритете данной отрасли.

Еще одной программой является план «Цифровая нация» (DIGI+), рассчитанный на 2017–2025 гг. Он предполагает шесть основных компонентов: цифровая инновационная инфраструктура, продвижение цифровой экономики, сетевое общество и цифровое правительство, «умные» города и региональные инновации, поддержка талантов в области междисциплинарных цифровых проектов, исследования и разработки продвинутых цифровых технологий [1. С. 28]. Однако принятие данного плана нельзя назвать абсолютным новаторством администрации Цай Инвэнь, так как создание «Цифрового Тайваня» было одним из компонентов плана «Вызов 2008», принятого правительством Чэнь Шуйбяня еще в 2002 г., и по мере развития информационно-коммуникационных технологий создание «Цифрового Тайваня» и цифровой экономики обростало новыми трактовками и сферами реализации. Скорее, можно говорить об ориентации экономического курса на цифровую инновационную экономику.

Примечательно, что уже в 2000-х гг. в национальных планах научно-технологического развития регулярно упоминается необходимость научных исследований в области предотвращения эпидемий. На Тайване регулярно завозятся и локально вспыхивают различных инфекционных заболеваний: эпидемия лихорадки Денге с наибольшим количеством случаев в 2015 г. [18]; в 2016–2020 гг. Тайваню удалось предотвратить распространение эпидемии лихорадки Зика; в 2020–2021 гг. Тайвань показал один из лучших результатов по предотвращению эпидемии COVID-19 на своей территории, и таких примеров достаточно много, поэтому остров накопил существенный положительный опыт в данной сфере. С учетом повышения среднего возраста населения острова, уменьшения темпов рождаемости, а также неравномерного распределения медицинских кадров и различий в уровне медицинского обслуживания в городах и сельской местности такие направления научных исследований и прикладных разработок, как предотвращение эпидемий, в том числе на ранней стадии, исследования и разработки вакцин от инфекционных заболеваний, а также развитие превентивной медицины и телемедицины, остаются актуальными на рубеже 2010–2020-х гг. и включены в программные документы по развитию науки и технологий Тайваня [1. С. 35–38].

Одним из основных показателей оценки научно-технологического развития экономики остается объем расходов на НИОКР и интенсивность НИОКР,

которая рассчитывается как соотношение расходов на НИОКР к общему ВВП страны. После восстановления тайваньской экономики после экономического кризиса 2008 г. как общий объем расходов на НИОКР в абсолютном выражении, так и доля этих расходов по отношению к ВВП неизменно увеличиваются (таблица).

Расходы на НИОКР Тайваня [2. Р. 23*; 4. Р. 9]**

Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Расходы на НИОКР, % от ВВП	2,91	2,96	3,02	3,01	3,06	3,16	3,30	3,35	3,49
Расходы на НИОКР, млрд НТД	416,2	435,0	459,5	485,7	513,1	543,6	576,7	615,9	660,8

* Данные за 2011–2017 гг.

** Данные за 2018–2019 гг.

Примечание. В данных Министерства экономики и Министерства науки и технологий за 2015–2017 гг. есть незначительные расхождения.

Во второй половине 2010-х гг. продолжила углубляться тенденция к увеличению доли частного сектора в общем объеме расходов на исследования и разработки и соответственное сокращение государственного участия. В 2019 г. доля корпоративного сектора достигла рекордных 81% против 18,2% государственного финансирования [4. Р. 9]. Это очень высокий показатель, такую же долю составляет частный сектор в Южной Корее, сопоставимые цифры – в Японии и материковой части Китая, в других странах эти показатели существенно ниже. Представляется, что данные цифры свидетельствуют о высокой степени развития научно-технологических предприятий Тайваня, автономности и эффективности научно-технологической системы острова, а также о постепенно уменьшающемся рычаге прямого финансового влияния правительства на процесс научно-технологического развития. При этом, безусловно, в руках государственных органов остаются другие инструменты влияния и регулирования, такие как законодательная и нормативная база, налоговая политика, субсидии и гранты, создание научно-исследовательской инфраструктуры и т.д. Примечательно, что в 2017 г. произошло снижение расходов правительства на НИОКР в абсолютном выражении – это связано с завершением нескольких инвестиционных программ. Однако в 2019 г. снова наблюдается рост государственного финансирования, обеспеченный, по данным Министерства науки и технологий, инвестициями в оборонные и аэрокосмические технологии.

Логичным следствием увеличения доли корпоративного сектора в общем объеме расходов на НИОКР при параллельном снижении доли расходов правительства, а также отставания от среднего значения доли правительственных расходов на НИОКР, по сравнению с другими странами – участницами ОЭСР, является преобладающее финансирование прикладных исследований и экспериментальных разработок со стороны научно-исследовательского сектора на Тайване при очень низком уровне финансирования фундаментальных исследований: доля расходов на фундаментальные исследования снизилась с 10,4% в 2009 г. до 7,0% в 2019 г. [2. Р. 127; 4. Р. 9]. Представляется, что в качестве компенсации ограниченного частного финансирования фундаментальных НИОКР в структуре правительственного финансирования расходы на фундаментальные исследования составляют гораздо более весомую долю (26,2–28,8% на фундаментальные исследования против 71,2–73,8% на прикладные исследования в 2017–2019 гг.) [5]. Преобладающее финансирование прикладных исследований уже давно стало традиционным на Тайване, но данная тенденция продолжает усиливаться, и, очевидно, начинает вызывать беспокойство со стороны правительства, так как фундаментальные исследования являются научной базой для исследований прикладных. В аналитических документах Министерства науки и технологий Тайваня отражается понимание того, что ожидать от частного сектора резкого роста финансовых вливаний в фундаментальные исследования не приходится, так как это слишком «долгие» и рискованные инвестиции, поэтому изыскание данных средств является преимущественно сферой ответственности государства, если оно хочет для экономики непрерывного научно-технологического развития. Также стоит отметить, что в 2019 г. 91% от общего объема финансирования фундаментальных исследований был освоен в секторе высшего образования (51,4%) и в государственном секторе (39,6%), однако наблюдается рост доли частного сектора – с 4,6% в 2015 г. до 8,6% в 2019 г. [5]. По мнению правительства Тайваня, такая динамика стала возможна благодаря тому, что вузы острова активно привлекают к сотрудничеству промышленные предприятия, чтобы сократить разрыв между сектором высшего образования и частной промышленностью и, с другой стороны, использовать результаты проведенных фундаментальных исследований для последующих уже прикладных исследований и разработки технологий.

Отраслевая структура НИОКР также претерпевает изменения в течение 2010-х гг.: происходит дальнейшее снижение доли исследований в области сельского хозяйства с 3,1% в 2010 г. до 1,8% в 2019 г., небольшое снижение наблюдается в расходах на исследования в области естественных наук (с 10,5% в 2010 г. до 9,2% в 2019 г.), гуманитарных наук (с 1,1% в 2010 г. до

0,7% в 2019 г.), социальных наук (с 2,8% в 2010 г. до 2,0% в 2019 г.), расходы на исследования в области медицинских наук в 2010-х гг. оставались примерно на уровне 7%, небольшой рост показали расходы на инжиниринг (с 75,2% в 2010 г. до 79,7% в 2019 г.) [2. Р. 130].

В 2013–2017 гг. наибольшее число научных статей и цитирований тайваньских исследователей было сосредоточено в таких областях, как информатика, инженерные и космические исследования, материаловедение, физика. В этот же период наибольшее количество международных патентов было получено в области полупроводников, микроструктур и нанотехнологий, оптики, базовых коммуникационных процессов, энергооборудования и энергетики, станкостроения и приборостроения [1. Р. 67–68]. По мнению правительства острова, анализ отраслевого распределения исследований требуется для того, чтобы добиться концентрации исследовательских ресурсов на тех областях, которые имеют наибольший потенциал развития именно на Тайване и соответствуют сильным сторонам экономики острова.

В «дорожной карте» научно-технологического развития Тайваня 2019–2022 гг. сделан акцент на то, что в процессе повышения конкурентоспособности Тайваня за счет науки необходимо положить в основу фундаментальных исследований принцип четырёх стадий: научное открытие, разработка продукта или технологии, выпуск продукта, коммерциализация продукта (принцип «3D1C») [1. Р. 2–3]. Такой принцип позволяет создать экономические и социальные выгоды от научной деятельности и способствует достижению цели экономического и социального благополучия населения острова. Кроме того, во всех планах говорится о центральной роли личности и ее компетенций в научно-технологическом развитии.

Таким образом, подходы правительства Тайваня по развитию науки и технологий резюмированы в четырёх основных принципах «дорожной карты» по развитию науки и технологий 2019–2022 гг.:

1. Консолидация фундаментальных исследований как источника кардинально новых знаний и новых типов мышления.

2. Содействие практическому применению результатов научных исследований на благо общества и экономики.

3. Приобщение к ценностям предпринимательства, таким как отсутствие страха перед неудачами, смелость действовать в условиях неопределенности и ограниченности ресурсов, стремление к инновациям и максимальной эффективности.

4. Интеграция науки, технологий и культуры. Культура как совокупность общественного опыта неизбежно подвержена трансформациям, возникающим по мере технологического развития. По мнению правительства Тайваня,

научно-технологическое развитие должно также оставаться человеческим, нести в себе культурные и гуманитарные ценности.

Несомненно, существует ряд вызовов в области развития науки и технологий, с которыми сталкивается Тайвань:

1. Сохраняется дефицит кадров, особенно в самых современных отраслях, также сохраняется разрыв между учебными планами вузов и необходимым для промышленных предприятий набором компетенций.

2. Отставание законодательства и механизмов регулирования экономической деятельности от технологических изменений и внедряемых на их основе новых бизнес-моделей (например, регулирование деятельности предприятий, работающих в сфере облачных технологий, обработки и хранения персональных данных на серверах компаний в других странах, компьютеризированное управление объектами городской инфраструктуры). С одной стороны, это мешает развитию стартапов, с другой стороны, приводит к возникновению проблемы безопасности пользователей новых продуктов и сервисов. Требуется гибкая трансформация законодательства, чтобы, во-первых, создать благоприятные условия для инновационного предпринимательства, а во-вторых – обеспечить адекватное регулирование в новых отраслях и сферах жизнедеятельности.

3. Широкое внедрение искусственного интеллекта приведет к замещению человеческого труда программами, в связи с чем потребуются серьезная оценка и изменение структуры занятости, например программы переподготовки и повышения квалификации.

4. Так как Тайвань занимает 16-е место в мире по плотности населения, для острова не теряет высокую актуальность комплекс экологических проблем – начиная с создания экономики замкнутого цикла, внедрения новых технологий обращения с отходами, а также повышения эффективности использования всех видов ресурсов, заканчивая проблемами энергетики, обеспечения населения и предприятий электроэнергией и решением вопросов, связанных с вредными выбросами в атмосферу.

5. Фактором, который Тайвань не может игнорировать, является стремительный рост научно-технологического потенциала материковой части Китая – ежегодные темпы роста расходов на НИОКР представляют собой двузначные цифры, а в абсолютном выражении Китай в последние годы занимает вторую строчку в глобальном рейтинге, уступая только Соединенным Штатам. Кроме того, торговое и политическое противостояние США и Китая усиливает напряженность в регионе.

6. Глобальным вызовом являются ограничения передвижений и нарушения цепочек поставок, связанные с пандемией COVID-19. Данные ограничения могут оказать серьезное негативное воздействие на экспортоориентирован-

ную экономику Тайваня, а также на обеспечение международной мобильности научных и исследовательских кадров.

Несмотря на замедление темпов роста мировой экономики, расходы Тайваня на НИОКР непрерывно росли в 2011–2019 гг. В 2015–2019 гг. средний темп роста расходов на НИОКР со стороны частных предприятий составил 7,5%, что говорит о том, что бизнес Тайваня в своем развитии делает акцент на прикладные научно-технологические инновации. При этом основная часть расходов на НИОКР инвестируется средними и крупными предприятиями острова. Правительство Цай Инвэнь сохранило преемственность в отношении направлений научно-технологического развития, однако они были дополнены новым содержанием, отвечающим глобальным технологическим тенденциям. В то же время министерство науки и технологий Тайваня одной из основных своих задач видит создание современной исследовательской инфраструктуры и привлекательных условий для тайваньских и зарубежных исследователей и инновационных предпринимателей. Кроме того, по мнению правительства Тайваня, в эпоху глобализации решение научно-технологических задач уже не может ограничиваться границами отдельно взятых государств: такие проблемы, как изменение климата, предотвращение природных катаклизмов и эпидемий, недостаток энергетических ресурсов и другие вопросы требуют широкого международного научно-технологического сотрудничества [1. Р. 6].

Литература

1. Taiwan Science and Technology Roadmap (2019–2022). Taiwan : Ministry of Science and Technology, 2019.
2. Taiwan Statistical Data Book 2019. National Development Council. Taiwan : Ministry of Economic Affairs, 2020.
3. Green Energy Innovation. Department of Information Services, Executive Yuan. Taiwan, 2018. URL: <https://english.ey.gov.tw/News3/9E5540D592A5FECD/16bd3a41-9c6a-485c-9498-b6b2b8240f6e>, свободный (дата обращения: 07.02.2021).
4. Indicators of Science and Technology: Summary Analysis. Taiwan : Ministry of Science and Technology, 2020.
5. Indicators of Science and Technology. Taiwan : Ministry of Science and Technology, 2020. URL: <https://wsts.most.gov.tw/stsweb/technology/TechnologyDataIndex.aspx?language=E>, свободный (дата обращения: 23.02.2021).
6. Annual Statistics 2019. Taiwan : Taiwan Intellectual Property Office, Ministry of Economic Affairs, 2020. URL: <https://www.tipo.gov.tw/en/lp-303-2.html>, свободный (дата обращения: 27.06.2021).
7. Tsai lauds Taiwan's biotech innovation and development // Taiwan Today. 2020. URL: <https://taiwantoday.tw/news.php?unit=6&post=181924>, свободный (дата обращения: 18.04.2021).
8. Taiwan's agricultural exports hit 20-year high // Executive Yuan. Taiwan, 2019. URL: <https://english.ey.gov.tw/Page/61BF20C3E89B856/eff4b44d-981d-4aa1-b4d0-dcde3c83259e>, свободный (дата обращения: 18.04.2021).

9. Action plan to develop the cybersecurity industry // Executive Yuan. Taiwan, 2018. URL: <https://english.ey.gov.tw/News3/9E5540D592A5FECD/53c7e9b6-bc30-47c3-9439-93e4f05c16dd>, свободный (дата обращения: 18.04.2021).

10. Yoshida J. Taiwan: Small Economy, Smart Strategy // EE Times. 2018. URL: <https://www.eetimes.com/taiwan-small-economy-smart-strategy/>, свободный (дата обращения: 21.03.2021).

11. Юаньци яньгэ. Чжу исэле дайбяочу кэцицизу [Краткое изложение истории развития. Создание представительства научно-технологической группы в Израиле]. Кэцибу, Тайвань : [Министерство науки и технологий Тайваня], 2018. URL: <https://www.most.gov.tw/israel/ch/list/27d2fa7f-08d1-4f5d-804b-616fec32cdc6>, свободный (дата обращения: 04.04.2021).

12. Taiwan-Israel Technology Exchanges Association founded // Taipei Economic and Cultural Office in Tel Aviv. 2018. URL: https://www.roc-taiwan.org/il_en/post/1150.html, свободный (дата обращения: 04.04.2021).

13. Interview: Minister says role is to be “trailblazer” for technology // Taipei Times. 2017. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2017/04/03/2003667988>, свободный (дата обращения: 04.04.2021).

14. TSMC’s 3 nm plant in southern Taiwan reaches construction milestone // Taiwan News. 2020. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/4061992>, свободный (дата обращения: 04.04.2021).

15. Global shortage in computer chips 'reaches crisis point' // The Guardian. 2021. URL: <https://www.theguardian.com/business/2021/mar/21/global-shortage-in-computer-chips-reaches-crisis-point>, свободный (дата обращения: 18.04.2021).

16. Nation’s most powerful supercomputer unveiled // Taipei Times. 2018. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2018/05/09/2003692762>, свободный (дата обращения: 04.04.2021).

17. Taiwan supercomputer ranked 20th fastest in the world // Taiwan Today. 2018. URL: <https://taiwantoday.tw/news.php?unit=2,6,10,15,18&post=145413>, свободный (дата обращения: 04.04.2021).

18. Dengue Fever // Taiwan Centers for Disease Control. Taiwan, 2020. URL: https://www.cdc.gov.tw/En/Category/ListContent/bg0g_VU_Ysrgkes_KRUDgQ?uaid=9_Oq7OYHa-l8B05iUwyVvQ#:~:text=In%202015%2C%20Taiwan%20battled%20one,most%20540%20cases%20in%202019, свободный (дата обращения: 23.02.2021).

Science and technology policy of Taiwan in 2016–2020: traditional and new directions

Troynina E.Y., LLC "April" (Novosibirsk, Russia). E-mail: shkrob_katya@mail.ru

doi: 10.17223/9785907442566/6

Abstract. Science and technology remain the main source of economic development of Taiwan. The administration of President Tsai Ing-wen basically formulated its S&T policy in Five plus Two Innovative Industries Plan, however, it contains both new and traditional science and technology development directions: intelligent machinery, “Asia Silicon Valley” plan, green energy, biomedicine, national defense, new agriculture, circular economy. During the period under review private industry continued to increase its contribution into applied innovations development, while the government has been emphasizing financial support of basic research and improving S&T infrastructure. At the same time, Taiwan faces substantial challenges such as research personnel shortage, lag of legislation upgrade, international competition, ecological problems, a lot of them require international cooperation to be solved.

Key words: Taiwan; economic development; science and technology

ЮЖНАЯ АЗИЯ

УДК 930.2:77

doi: 10.17223/9785907442566/7

*Надежда Сергеевна Белозерцева**

Современная этическая проблематика сериала «Махабхарата» 2013–2014 гг., связанная с трансформацией женских образов эпоса

Аннотация. Анализ трансформаций женских священных образов эпоса в сериале «Махабхарата» 2013–2014 гг. с позиции религиозного историзма позволяет увидеть, как индийские деятели культуры выявляют этические проблемы современного общества, а также предлагают пути решения, основанные на древних представлениях (о долге, праведности, смысле бытия и т.д.), благодаря чему архаичные смыслы актуализируются. Таким образом, индийские кинематографисты не только сохраняют религиозно-историческую память, но и демонстрируют миру варианты решения назревших идеологических и историко-культурных проблем.

Ключевые слова: Махабхарата; религиозно-историческая память; образ

Нет другой культуры в наши дни, которая могла бы открыть образы древности так же, как индийская. В ней до сих пор живы и функционируют постулаты, заложенные далёкими предками, которые позволяют индийцам самоидентифицироваться, благодаря чему и существует такая общность, как индийский народ. Несмотря на то что индийцы хранят древнюю традицию, общество этой страны нельзя назвать отсталым или стагнирующим, поскольку эта традиция, как птица феникс, возрождающаяся из пепла, каждый раз обновляется, когда того требует история, но при этом она не изменяется до неузнаваемости и не разрушается до основания, а лишь приобретает новое звучание. Такой образ мышления складывался в течение продолжительного времени с глубокой древности и стал частью каждого индийца и общества в целом. Ярким примером этого образа мышления стал древний эпос «Махабхарата», являющийся важнейшим источником древней традиции, где отразились представления людей не только разных племён, но и разных исторических эпох Индии. Этот эпос настолько почитаем и актуален в индийском об-

* *Белозерцева Надежда Сергеевна* – магистрант кафедры востоковедения, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: loveestlive@yandex.ru

ществе, что его называют Пятой Ведой. Поэтому исследования Махабхараты так актуальны, ведь в ней отражены принципы индийского мышления и то, как сами индийцы осознают себя в истории.

Для того чтобы понять, как индийцам удаётся сохранить свою религиозно-историческую идентичность, оставаясь при этом современными, необходимо проанализировать трансформацию индийских кинообразов Махабхараты. В Индии на данный момент существуют три киноверсии Махабхараты – 1965 г. (фильм), 1988–1990 гг. (сериал) и 2013–2014 гг. (сериал). Для изучения влияния древней индийской традиции на современность выбор пал на кинематограф, поскольку он является самым сильным инструментом воздействия на подсознание людей. Кино – «один из способов организации эмоциональной жизни общества, широких народных масс. За счет этого процесса одновременно решаются экономические, социальные, политические и идеологические задачи, которые ставят перед собой влиятельные институты общества» [1]. Также в кино художественные образы уже сформированы и преподносятся зрителю в готовом виде, что делает усвоение информационного посыла практически моментальным [2. С. 5] и таким, каким это нужно тому, кто эти образы преподносит.

Для наглядности в данной статье представлен анализ трансформации женских образов эпоса в сериале «Махабхарата» 2013–2014 гг., поскольку в последние два десятилетия во всём мире очень активно обсуждается положение и роль женщины, что, несомненно, нашло отражение в данной киноверсии. «Махабхарата» 2013 г. транслировалась во множестве стран, но, кроме Индии, она особую популярность получила в Индонезии. Помимо всего прочего, в России, хотя и располагающейся по преимуществу в азиатской части евроазиатского континента, но относящейся в основном к Европе и западному образу жизни и мышления, возникла новая волна «самиздата», только теперь это не книги далёкого «свободного зарубежья», как было в далёкие советские времена, а новая экранизация Махабхараты [3].

Надо отметить, что все образы данной экранизации ярко выражены и выпукло-эмоциональны, порой некоторые даже запредельно, гротескно вычурны и несдержаны. Подобные поведенческие образцы не характерны ни для людей древности, живших по ведийским законам, ни для предыдущих киноверсий эпоса, но очень хорошо отражают черты современного человека, а особенно модных героев нынешних сериалов, с которых многие независимо от возраста не задумываясь берут пример. Благодаря такого рода «окраске» чётко проводится линия различий в поведении каждого персонажа и особенно последствий этого поведения.

Уже не первый год в прессе муссируется проблематика интеллектуального уровня молодёжи наших дней, особенно той её части, которая связана с кли-

повым мышлением. Особенности передачи древнего послания в видеотексте «Махабхараты» 2013–2014 гг. таковы, что способствуют лучшей усвояемости материала именно для людей с таким восприятием информационного посыла. Также учитываются особенности менталитета человека потребительской культуры, уже отвыкающего обращать внимание на нюансы, какие-либо мелкие детали, раскрывающие глубину телевизионного образа. «Броское» поведение современных героев Махабхараты как раз для того, чтобы напомнить зрителю, что, независимо от эпохи, вся суть – в нюансах.

Итак, данная экранизация, способствующая сохранению индийской традиционной ментальности через трансформацию священных древних образов, осуществляет и нравственно-воспитательную, и дидактическую функции, и не только для общества Индии. Киноверсия Махабхараты 2013 г. адресована нашему современному поколению, а особенно молодежи, людям, во многом отступившим от истинных ценностей, определённых с древности. К тому же в этом фильме отсутствуют традиционные индийские танцы и драки в привычной и давно известной форме. Данная киноэпопея максимально приближена к людям разных культур и ценностей, подчёркивая единство общей человеческой цивилизационной основы.

Сериал начинается с представления Сатьявати. В амбициозной, дерзкой, желающей исполнения своих желаний любыми средствами эгоистичной красавице несложно узнать некоторых современных успешных женщин, самодовольных и властных. Конечно же, это не образ ведической Сатьявати из древнего текста эпоса и сериала 80-х, не знавшей ещё женских «свобод», ворвавшихся в сознание юных дам во время сексуальной революции. Современная Сатьявати точно знает, чего хочет, и умна, и последовательна в обосновании своей философии жизни. Из её разговора с царём Шантану в первой серии видно, насколько глубоко она понимает природу своих намерений, когда умудрённому жизненным опытом царю даже нечего возразить на логику её рассуждений. Сатьявати на протяжении всего фильма будет пытаться реализовать свои амбиции и разнообразные необдуманные, часто необоснованные и бессмысленные желания своих потомков. Во внешнем выражении данного образа прослеживаются черты современных женщин, стремящихся всеми силами иметь высокое положение в обществе и использующих для этого свою внешность, внимание к ним со стороны статусных представителей противоположного пола.

Осовремененная Сатьявати узнаваема и понятна зрительницам, воспитанным в обществе, которое неоднократно сотрясилось вихрями сексуальной революции, и поэтому так популярна. Я не говорю уже об эстетичности подачи облика нестареющей красавицы, что свойственно вообще индийскому

кино. Поведение знатной киногероини – родоначальницы родов Пандавов и Кауравов – не обременено догмами религии (против чего была направлена упомянутая революция). Сатьявати в дальнейшем, после смерти мужа – царя Шантану, становится правительницей Хастинапура, царицей в полном смысле слова, поменявшейся социальными ролями с Бхишмой, которому надлежало управлять государством по ведической традиции, что, собственно, и звучит в тексте эпоса.

Сатьявати практически управляет Бхишмой как марионеткой подобно старухе из пушкинской Сказки о рыбаке и рыбке. Мы видим, что она постоянно отдаёт приказы мужчине, специально подготовленному для управления столь могучим царством, каким был Хастинапур, как мальчику на побегушках, – сначала найти жён для сыновей, потом для внуков, в то время как в ведические времена этим занимались только мужчины, женщины в эти дела совсем не вмешивались. И в эпосе, и в предыдущей киноверсии эти вопросы решает сам Бхишма, как и обряд нийоги, который был проведён для овдовевших невесток Сатьявати. Однако в данном сериале действие организует царица, нарочито не обращая внимания на чувства молодых женщин, в чём в очередной раз отражается нездоровая властность Сатьявати (серия 5).

Таким образом, грубый, эгоистичный характер царицы-матери узнаваем в современном обществе – женщины, бесчувственной к истинным потребностям окружающих её людей и потакающей любым прихотям своих детей, при этом не утруждающей себя размышлениями о последствиях такого воспитания.

В то же время удивительно то, что этот образ Сатьявати, внешними поведенческими чертами так сильно разнящийся с героиней древнего текста и предыдущей киноверсии, воспитанной в ведической традиции, по сути, остаётся тем же самым. При всех различиях в событиях и поведении Сатьявати и её погибших потомков мораль сюжета остаётся той же, и в итоге мы наблюдаем схожие последствия. Предшествующая Сатьявати хоть внешне и ведёт себя пристойнее, соблюдая правила и требования этикета ведического общества, но внутренне она такая же, как «современная» дочь царя рыбаков. Во-первых, она не может остановить вожделиние брахмана Парашары и вступает с ним в связь, после которой её тело вместо запаха рыбы начинает источать аромат лотоса; во-вторых, она не отвергает брачное условие своего отца, ей льстит, что она может стать царицей. И всё это происходит под благочестивой маской послушания и боязни оскорбить то мудреца, то старшего мужчину в семье, в то время как внутренние качества личности такие же, как и у современного персонажа Сатьявати, разве что имеющие не такое сумбурное и грубое выражение.

Совершенно потрясающ образ царевны государства Каши Амбы, изменённый практически до неузнаваемости в сравнении с классическими верси-

ями текста и предыдущих экранизаций. Она предстаёт перед нами примерно такой же, как и Сатьявати, только ещё более агрессивной и безудержной в своих желаниях, что хорошо иллюстрирует невоздержанность современного молодого поколения, особенно элитной молодёжи, которой всё дозволено. Яркой иллюстрацией этого является поджог ею поля. В ведические времена такое преступление каралось сильнее, чем убийство человека. Тогда не было супермаркетов, напичканных хоть и генномодифицированными, но всё-таки продуктами, – то, что люди выращивали на своих полях, тем и питались, на то и жили. Сожжённое поле могло вполне себе гарантировать смерть от голода той семье, которой оно принадлежало. На недоумение по поводу её поступка Амба с апломбом отвечает фразой, адресованной современному зрителю, уставшему от произвола богатеев: «Кто сможет обвинить богатого в преступлении?»

Нам, знакомым с поступками нашей «золотой молодёжи», всё это очень напоминает многочисленные происшествия с участием элитных деток, где виновники неизменно остаются безнаказанными. Очевидно, что и в Индии происходят подобные события. Также немаловажный момент в характеристике Амбы – появление её в первых кадрах знакомства героини со зрителем после поджога поля, что она сделала для скорейшей встречи со своим возлюбленным Шальвой. Старшая царевна Каши появляется скачущей верхом на коне, а за ней шлейфом простирается пламя. Эта сцена очень напоминает стандартные голливудские фильмы, где герои и героини появляются в кадре подобным образом из огня. Безусловно, образ предельно осовременен и узнаваем. Таким образом, становится очевидно, что и индийская молодёжь, глобализируемая на западный манер, реагирует на подобные видеовоздействия.

В данной киноверсии сразу противопоставляются Панду и Дхритараштра, и это ярко показано в сценах, отражающих отношение Панду и Дхритараштры к своим жёнам. Кстати, в обоих случаях данных сцен нет в эпосе. Но, несмотря на противопоставление героев Панду и Дхритараштры, которое постепенно вырисовывает назревающий в роду царей Хастинапура будущий конфликт их сыновей, параллельно отслеживается линия общего падения этого рода, связанная с Сатьявати.

Очень примечателен образ второй жены Панду Мадри, некоторыми чертами также напоминающий свою свекровь. Панду привозит её в Хастинапур. Хотя по сюжету древнего текста Мадри появляется в Хастинапуре благодаря Бхишме, специально выбравшем её для молодого царя. В сериале конца 80-х гг. её предлагает в качестве подарка для Панду брат Шальва, в то время как в экранизации 2013 г. Мадри сама, узнав о доблестях молодого царя Хастинапура на войне, увлекается им и очень хочет замуж за такого необыкновенного героя.

Она просит отца организовать свадьбу, что также встретается в наши дни в поведении многих современных девушек, которые, увидев эффектного и состоятельного мужчину, готовы броситься ему на шею. По приезде в Хастинапур Мадри ведёт себя с Кунти хитро и вероломно – сначала плачет перед ней, а затем, воспользовавшись добросердечностью и без того расстроенной Кунти, унижает её (серии 21, 22), пытаясь показать своё превосходство. Это неприемлемое для девушки, воспитанной в ведийской традиции, поведение. Но данный образ героини хорошо иллюстрирует черты современных молодых женщин, особенно героинь бесконечных западных сериалов, которые плетут сеть интриг там, где они живут, считающих себя лучше, красивее, достойнее своих выдуманных или реальных соперниц.

Однако этим данный образ не ограничивается. Создатели сериала подчёркивают, что именно Мадри является причиной дальнейших смертоносных событий в роду Куру. Если в тексте самого эпоса Киндама проклиная Панду из-за его охотничьего азарта (причём отмечается, что, выпуская стрелу, молодой царь видел спаривающихся оленей и не пожалел их и будущую жизнь, которую они зачинали), то видеотекст сериала 2013 г. расставляет акценты совсем иначе. Мадри просит Панду убить оленя, чтобы у неё была его шкура. Кунти пытается её остановить, объясняя, что не следует убивать ни в чём не повинное животное просто из-за прихоти. Панду также не горел желанием исполнять просьбу младшей жены и не пошёл бы охотиться, но Мадри настояла. Панду идёт в лес, слышит стук оленьих копыт, стреляет на звук и попадает в мудреца Киндаму и его жену, спаривавшихся под видом оленей. Перед смертью Киндама проклиная царя Хастинапура, сказав, что в тот же момент, когда он будет в объятиях своей жены наполнен желанием близости, умрёт. Панду отрекается от трона Хастинапура и возвращается в лес, чтобы жить как отшельник. Жёны следуют за ним.

Спустя годы, после рождения или получения Кунти троих сыновей благодаря чудесной мантре, дарованной ей мудрецом Дурвасом за то, что угодила ему своим служением, а затем и после того, как Мадри, получает Накулу и Сахадеву от Ашвинов благодаря той же мантре Кунти, Панду поддаётся-таки влечению к Мадри и умирает. После смерти мужа Мадри раскаивается и признаёт, что она менее благочестива, чем Кунти, испускает дух и отправляется вслед за Панду. Все пятеро детей остаются на попечении Кунти.

Сюжетная линия, связанная с Мадри, говорит сама за себя, наглядно иллюстрируя несколько образов поведения современных женщин. Многие, выходя замуж, считают мужей добытчиками, обязанными доставлять им всё, что им в голову взбредёт и не несущими в своей похоти ответственность за жизнь близкого человека. Тупиковый путь безнравственности и отсутствие

понятия о благочестии, поиск видимых и ощущаемых наслаждений, свойственные современному состоянию общества потребления, неизбежно приводят к печальным последствиям. В данной ситуации все проблемы семьи, оставшейся без кормильца, легли на плечи Кунти, включая воспитание и содержание малолетних детей. Есть о чём задуматься. Такие женщины встречаются в России и, по всей видимости, есть и в Индии.

Теперь о маме Панчали или Драупади, вокруг образа которой происходит основное действие сюжета. После её рождения в сериале появляется Кришна как действующий персонаж. И такое совпадение неслучайно. Следует отметить, что в данной киноверсии Махабхараты, помимо нежных и трепетных отношений Арджуны и Кришны, возникают отношения, о которых ничего не сказано в предыдущих киноверсиях. Это отношения между Кришной и Сакхи (подруга), как ласково Кришна называл Драупади. Эта женщина является символом добродетели и осуществления предназначения женщины.

Драупади послушна, почтительна, справедлива, терпелива, добра, сострадательна. Она всегда смиренна – даже тогда, когда к ней был несправедлив собственный отец. Но её смирение не подобно иконописным образам, она борец за подлинную правду – истинное понимание дхармы. И Драупади готова отстаивать истину до конца. В беседах она рассудительна, спокойна и уважительна. Но когда возникает необходимость обличить злодея, эта женщина становится огненным орудием истины. Драупади во всех ситуациях не ищет для себя выгоды, во главу угла она ставит гармоничное существование общества. В этом состоит принципиальная разница между героинями Сатьявати и Драупади. Как через Сатьявати из-за её эгоизма приходят беды и разрушения в род Куру, так через Драупади, которой предстоит пройти через разрушения, созданные последствиями принимаемых Сатьявати решений, происходит очищение, восстановление и гармония.

Образ Драупади всецело раскрывает истинное предназначение женщины, даёт здоровое понимание подлинной роли и значения полной реализации женского потенциала во всех сферах общественной жизни. Через данный образ утверждается духовная сила женщины, равная силе мужчины, что в традиции является бесспорной истиной и находит отклик в сердцах многих женщин. Но при этом отмечается, что в обществе у неё независимая роль, что также соответствует татве (истине). Таким образом, даётся конкретный ответ на негативные последствия сексуальной революции, из-за идей которой женщины из одной несвободы перешли в другую, при этом уронив ещё больше своё достоинство.

Итак, образы Драупади и Кришны являются центральными в рассматриваемом сериале. Именно они проводят основную идею фильма – важность ис-

полнения дхармы, истинного понимания каждым своего человеческого предназначения на земле. Без этого нет смысла искать какие-либо формы правильного общественного устройства, ведь именно люди с их желаниями, надеждами, ожиданиями, амбициями составляют структуру любого общества. Их внутренняя направленность – движущая сила каждого общества. Желания человека определяют его жизнь, как утверждает Кришна в последнем сериале «Махабхарата».

В этой связи необычайно ярко звучит тема предназначения женщины в обществе. Никогда ещё в кинематографе с такой силой не поднимался вопрос о несправедливости по отношению к слабому полу. Практически именно отношение к женщине, судя по сюжету киноэпопеи (да и самому изначальному тексту Махабхараты), является той лакмусовой бумажкой, по которой можно судить о здоровье общества. Женщина представлена как лучшая половина человечества, за которую мужчины обязаны нести ответственность. В многочисленных сюжетах проговаривается и ответственность женщин за здоровье социума, особенно та её часть, где речь идёт о воспитании нового поколения. Но условия для реализации женского потенциала создают мужчины. И здесь главный вопрос – как они выполняют свой нравственный долг.

Предысторией ключевого события, ставшего причиной грандиозного семнадцатидневного сражения на Курукшетре (поле Куру), было происшествие с огнятием оружия (и небеспричинным) у Кауравов во время праздника в Индрапрастхе. Дурьодхана с братьями был оскорблён и бесконечно озлоблен на Пандавов из-за этого, что подстёгивалось его завистью к ним. Вместе с Шакуни они разработали план по ограблению, оскорблению, унижению и порабощению семьи своих двоюродных братьев через игру в кости, зная, что Юдхиштхира заинтересуется этим занятием. Они приглашают Пандавов вместе с Драупади в Хастинапур и реализуют свои замыслы.

Униженные Пандавы обращены в рабов, ведь Юдхиштхира проиграл всё: только что созданную ими империю, имущество, самого себя, своих братьев и Драупади, о чём последняя, конечно же, не знала. Для завершения картины своей победы и торжества над униженными братьями Дурьодхана приказывает своему единокровному брату Духшасене приволочь Панчали как рабыню в зал царского собрания, что тот и делает.

Нет необходимости в данном исследовании описывать все подробности, – хотя именно они производят на зрителя то колоссальное впечатление, которая трансформирует сознание, – коснусь лишь тех обстоятельств, которые важны для раскрытия основной идеи. Итак, избитая, растрёпанная и ошеломлённая таким обращением императрица Бхараты оказывается в центре зала царских собраний Хастинапура перед родственниками, разделившимися в

своих сердцах на два лагеря: поддерживающих Дурьодхану и ликующих, что зло восторжествовало, и практически ненавидящих его из-за того же. Надо сказать, вторые открыто страдали, видя происходящее.

Именно с этого момента ведётся вселенская борьба со злом. И начинает её женщина. Драупади не признаёт себя служанкой, открыто заявляет о своих правах жены и императрицы Бхараты, которые были попорчены. Чтобы окончательно унижить Панчали, Дурьодхана начинает повелевать ей, как наложнице. В ответ Драупади утверждает, что свобода – это внутренне состояние человека, её нельзя отнять, как одежду. И тогда одуревший от безнаказанности старший сын Дхритараштры приказывает Духшасене раздеть Панчали.

В зале начинается спор. Новоиспечённого благодаря нечестной игре императора пытаются остановить многие, включая Шакуни, советуя Дурьодхане умерить свой пыл. Но тот уже остановиться и внять даже наставлению своего заигравшегося дядюшки. Слеплённый гордыней и безнаказанностью Дурьодхана упивается властью, когда всё собрание, молитвенно сложив руки, просит его отменить приказ. Внутренняя злоба ведёт старшего сына Дхритараштры к его же концу. Даже слово Викарны, младшего брата, не останавливает его – Карна противоречит ему и поддерживает Дурьодхану, называя Драупади развратницей.

Панчали остаётся без защиты. И тогда звучит её обличительная речь: «Под видом праведности здесь совершают грех. Что хорошего в дхарме, если она превращает вашу силу в слабость? Что хорошего в истине, если она останавливает не грех, а решимость людей, осуждающих грех? Никто из вас так и не понял, что такое истинная дхарма! Огонь в глиняной лампе освещает комнату. Но когда огонь гаснет, эта лампа только пачкает вам руки. Дхарма, которой все вы служите, не даёт света».

Дочь Драупады предаёт себя в руки Бога и выходит на арену зала, как на эшафот, призывая Кришну. И тогда приходит Бог. Начавшийся сильный ветер делает её сари бесконечным. Духшасена запутывается в нём и падает от бессилия, намотав на себя значительную массу красного полотна. Со всех мужчин в собрании падают одежды и украшения – они стоят обнажённые до пояса. Драупади отрекается от мужей и всей династии Куру: «Я, как цветок, распустившийся в грязном месте. ...Я – смерть всех грешников, что присутствуют сегодня в этом зале собраний». Отвечая на призывы прибежавшей в зал Гандхари отменить проклятие, вырывающееся из уст невестки, Драупади провозглашает: «Обязанность жены – заботиться о чистоте дома. Обязанность любой женщины – заботиться о чистоте общества». Драупади останавливает Арждуну: «Только ты можешь защитить наши души, Панчали!» – взывает к отрёкшейся от него жене лучший в мире лучник и непобедимый воин.

Как быстро всё меняется в зале собраний Хастинапура! Куда-то исчезает надменная властность Дхритараштры, совсем недавно гордившегося нечестной победой своих сыновей. Теперь и он умоляет Панчали о прощении своих потомков. Гандхари просит её сделать одолжение Дхритараштре. Подумав мгновение, оскорблённая императрица Бхараты просит вернуть свободу и всё, что проиграно её мужьями. В результате разгоревшегося спора Панчали и её мужья отправляются на тринадцать лет в изгнание, при этом им ставится условие последний год провести неузнанными, после чего они должны быть восстановлены в правах.

Таким образом, в описанных даже столь кратко сценах несложно увидеть сходство и те самые смысловые и образные параллели, которые делают и Кришну, и Драупади сотрудниками в осуществлении божественного замысла и вершителями земных судеб. Именно они поворачивают вспять ход событий, открыто провозглашая принципы дхармы и определяя её значение в изменившихся исторических условиях. Несложно заметить, как тьма пользуется правилами, устанавливаемыми людьми, имеющими права и власть, а также обязательствами, которые накладывают на себя люди, исполняющие дхарму. Именно поэтому Панчали обличала странное понимание истинного земного пути, которое сделало могучих праведников слабее их противников, связанных низменными страстями. Она, несомненно, права, утверждая: «Когда творится беззаконие, молчание праведника считается большим преступлением, чем слова грешника. Запомните это, знатоки писаний! Дурьодхана несомненно будет наказан за свои грехи, но прежде все присутствующие на этом собрании будут наказаны за своё молчание. Это проклятие Драупади, рождённой из священного огня ягьи».

Почему этот образ так популярен у женщин? Потому что в каждой живёт такая вот Панчали, жаждущая справедливости и понимающая, что она имеет право на достойную жизнь, на реализацию своего человеческого потенциала. Но с чем сталкивается женщина? Кришна, исполненный сострадания, обличает общество: «В истории человечества женщины всегда страдали от эксплуатации, несправедливости и унижения. Посмотрите вокруг себя, посмотрите на всю историю. Вы увидите всё это. Мужская ревность, похоть, гордость, вражда, – от всех этих негативных эмоций страдают женщины. Мужчины ведут войны, принося страдания, прежде всего, женщинам побеждённых государств. ...Посмотрите, как много страданий в этом мире. И очевидно, что женщины страдают больше, чем мужчины».

В каком обществе вы живёте? Общество, в котором одна половина постоянно использует другую половину. Женщин эксплуатируют, при этом они дают жизнь следующему поколению людей. Посмотрите на природу. Семена, из которых вырастают новые растения, защищены лепестками. Это самая яр-

кая и ароматная часть цветка. То место, где зарождается будущее, должно быть окружено красотой и счастьем, удовлетворением и уважением. Разве не так? Но, заставляя женщин страдать, общество заставляет страдать будущее поколение. ... Следовательно, всякий раз, когда любая женщина подвергается унижению и эксплуатации, когда женщину тащат за волосы, на земле начинает прорасти семя войны. В том или ином виде начинается Махабхарата и её великая битва. Задумайтесь об этом! Вновь и вновь думайте над этим!»

Что же такое этот сериал? Несмотря на всю свою красочность, это не развлекательное кино, которое можно смотреть за чашкой чая и забыть через какое-то время. Это произведение искусства, способное изменять человека изнутри. Очевидно, что авторы экранизации обращаются к современным гражданам земли с требованием пересмотреть свои взгляды на исторический процесс, своё миропонимание, избрать путь осмысления и праведности, иначе неизбежны беды всемирного масштаба, ведь мы все – одна семья. Этот убеждающий призыв касается на самом деле не только индийцев, хотя в первую очередь, конечно же, их.

Неудивительна и дидактическая направленность экранизации, ведь сам древний эпос – это книга для наставления молодёжи, напоминания старшему поколению о вечных ценностях, пренебрежение которыми разрушает жизнь общества. Уникально то, как индийским мастерам кино удалось все образы, так сильно подвергнутые современной трансформации, оставить соответствующими урокам Махабхараты и её выводам. Также и интерполяции, связанные с современностью, введены в видеотекст эпоса настолько выверено, что это не разрушает и не нарушает общей дидактической работы древних установок религиозно-исторической традиции Индии.

Таким образом, через внешнее присвоение современных черт поведения людей, соответствующих сути самого древнего образа, происходит переосмысление Махабхараты, которое даёт ответ на современный исторический вызов, осуществляя связь с древним традиционным сознанием.

Литература

1. Кино как средство формирования социальных установок // stud24.ru. URL: <https://www.stud24.ru/sociology/kino-kak-sredstvo-formirovaniya-socialnyh/479572-1828701-page1.html> (дата обращения: 7.04.2020).
2. Зелинский С.А. Манипуляция массами и психоанализ. СПб., 2008. С. 5.
3. Беседа обо всём // beseda-obo-vsem.ru. URL: <http://beseda-obo-vsem.ru/topic4727.html> (дата обращения: 15.05.2020).

Modern ethical issues of the 2013-14 series Mahabharata associated with the transformation of female images of the epic

Belozertseva N.S., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: loveestlive@yandex.ru

doi: 10.17223/9785907442566/7

Abstract. This article analyses the transformations of the female sacred images of the epic in the TV series Mahabharata 2013-2014 from the standpoint of religious historicism. It allows us to see how Indian cultural figures identify the ethical problems of modern society, and also propose solutions based on ancient ideas (about duty, righteousness, the meaning of being, etc.), due to which archaic meanings are actualized. Thus, Indian filmmakers not only preserve their religious and historical memory, but also demonstrate to the world options for solving urgent ideological and historical and cultural problems.

Key words: Mahabharata; religious and historical memory; image

УДК 930.85

doi: 10.17223/9785907442566/8

*Светлана Михайловна Ожогина**

Мифологический базис архетипа индийской культуры

Аннотация. Рассматривается мифология индийской культуры и кратко анализируется трансформация её образов с известных науке древнейших истоков по окончание периода древности, когда было оформлено то религиозно-философское наследие Индии, которое мы теперь именуем индуизмом. Анализ мифологии произведён с точки зрения открытий К.Г. Юнга, автора «теории архетипов», позже развитой его последователями в концепт «культурный архетип», и может быть использован в исторических исследованиях.

Ключевые слова: Индия; культурный архетип; К.Г. Юнг; мифология

Не будет преувеличением сказать, что Карл Юнг попал под «волшебство» индийского культурного архетипа, сакральная власть которого настолько ярко себя проявляет вот уже несколько тысячелетий. После путешествия по Индии европейский психоаналитик записал в своих воспоминаниях: «Индия оставила во мне неизгладимый след: она открыла некий путь без начала и конца, бесконечный мир, другой мир, несоизмеримый ни с чем, что я знал и к чему привык... В Индии я впервые наблюдал вблизи совершенно иную высококоразвитую культуру» [1]. Изучение религиозно-философских основ индийской культуры привело учёного к замечательному выводу относительно процессов, протекающих в бессознательном, как индивидуальном, так и коллективном.

Он открывает «за или под миром личностных фантазий и влечений... ещё более глубокий слой бессознательного», который «наделён высшим порядком и гармонией». В нём «представлено всеохватывающее единство, символом которого является “бодхимандала” – чудесный круг просветления». Он назван коллективным бессознательным на том основании, что его «образы... имеют отчётливо мифологический характер», т.е. «...по форме и содержанию они совпадают с теми повсюду разлитыми, изначальными представлениями, которые лежат в основании мифов. Они имеют уже не личностную, но сверхличную природу и присущи всем людям. Поэтому они обнаруживаются

* *Ожогина Светлана Михайловна* – магистрант кафедры востоковедения, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: a70.2010@yandex.ru

во всех мифах и сказках всех времён и народов, а равно и у тех индивидов, которые не имеют ни малейшего представления о мифологии. ...Мифологические мотивы, наличие которых установлено исследованием бессознательного, многообразны, но они соединяются в концентрически-радиальном порядке, в центре, или в сущности, коллективного бессознательного. В силу удивительного согласия между воззрениями йоги и результатами психологического исследования я избрал для этого центрального символа санскритский термин “мандала”, что значит “круг”» [2. С. 29].

Итак, Юнг открывает внутреннюю структуру мира архетипа, его энергетическое ядро. И даже если «мифологический характер» явления не распознаётся, но мы сталкиваемся с «единообразно и регулярно повторяющимися способами “понимания”, мы имеем дело с архетипом» [3. С. 68]. Мифологический мир архетипа существует априори, «распознаётся он или нет». Он и есть «бодхимандала» – чудесный круг просветления, несущий в себе уникальную энергетическую созидания, обновления, просвещения, сохраняющий целостность мышления всех втянутых в зону его влияния индивидов и хранящий от разрушения общность этих индивидов. Вот как сам автор описывает проявление этой «бодхимандалы»: «Момент возникновения мифологической ситуации всегда характеризуется особенной эмоциональной интенсивностью: словно в нас затронуты никогда ранее не звеневшие струны, о существовании которых мы совершенно не подозревали. ...В такие моменты мы уже не индивидуальные существа, мы – род, голос всего человечества просыпается в нас. Потому и не в состоянии отдельный индивид развернуть свои силы в полной мере, если одно из тех коллективных представлений, что зовутся идеалами, не придет ему на помощь и не развяжет в нем всю силу инстинкта, ключ к которой обычная сознательная воля одна найти не в состоянии. Все наиболее ответственные идеалы всегда суть более или менее откровенные варианты архетипа...» [4].

В индийской религиозно-исторической традиции такими действенными идеалами, безусловно, являются мифологические образы. Сакральная («нуминозная», по Юнгу) власть [5. С. 125] этого действенного идеала (очередного варианта архетипа) усиливает роль традиции. В бесконечном ряду переживаний, вызываемых в умах и сердцах людей, такие идеалы приобретают известную трансцендентность, становятся необычайно вариативны. Таким образом, их сакральность является той самой «одной из причин воспроизводства смыслообразов в культуре» [6]. Именно сакральность архетипических представлений, складывающихся в сознании как индивида, так и социума, делает их наиболее ценными. Это усиливает роль архетипа в формировании культурной традиции, заставляет равняться на образы, вызываемые архети-

пом, поклоняться им, отождествляться с ними. Каждое поколение людей накладывает свои впечатления, переживания, своё восприятие, свои образы-анalogии на исходные праобразы, имеющие такую сакральную власть.

Вот что пишет в этой связи К. Юнг: «Праобраз, или архетип, есть фигура – будь то демона, человека или события, – повторяющаяся на протяжении истории везде, где свободно действует творческая фантазия. Соответственно, мы имеем здесь в первую очередь мифологическую фигуру. Подробнее исследовав эти образы, мы обнаружим, что в известном смысле они являются сформулированным итогом огромного типического опыта бесчисленного ряда предков: это, так сказать, психический остаток бесчисленных переживаний одного и того же типа. Усреднённо отображая миллионы индивидуальных переживаний, они дают таким путем единый образ психической жизни, расчлененный и спроецированный на разные лики мифологического пандемониума» [7]. Всё это как нельзя более очевидно в религиозных образах Индии.

В индийской традиционной культуре мы видим множество богов, героев, похожих вариаций (часто этнического характера) одного и того же праобраза. Мифологические персонажи одного божества имеют женскую и мужскую ипостаси одновременно. И мужские, и женские ипостаси имеют множество имён. И у каждого из них – своя история и почти равное всемогущество. Самый беглый взгляд на это разнообразие, кажущееся хаотичным, открывает систему, складывавшуюся тысячелетиями.

Например, Вишну охраняет и покровительствует, имеет множество воплощений, самые известные из которых – Рама, Кришна и Нарасимх. Он, Брахма и Шива составляют индийскую триаду богов – Тримурти. Вишну является в своих аватарах, чтобы спасти людей от демонов или стихийных бедствий. Супруга и одновременно аватар Вишну в женской ипостаси – богиня Лакшми. С ней тоже всё очень интересно. Когда Вишну был Ваманой, Лакшми была Падмой, когда Вишну пришёл в образе Рамы, Лакшми соответственно стала Ситой, стоило Вишну явиться Кришной, как Лакшми обратилась Рукмини, в других версиях – Радхой.

Соперничает по числу поклонников с Вишну только Шива. Шива считается разрушительно-восстановительным аспектом Брахмана. Его женская ипостась-супруга-аватара – Шакти. С ней всё ещё более интересно. Шакти – это женский принцип творения, Богиня-Мать. Основным именем Шакти, кроме собственно Шакти, является Дурга. Она также является Сати, Парвати, Амба, Кали, Бхавани, Ума. Махасарасвати и Махалакшми тоже поклоняются как Шакти. Дурга изображается в скульптуре убивающей демона Махишу четырёхрукой пышногрудой дамой с мечом, а в Ведах – десятирукой, крепко во-

оружённой самыми могущественными богами для битвы с этим демоном. Она также имеет ипостаси, самые значительные из них: Симхавахини, Виндхья-Васини, Шакамбхари, Джагат-дхатри.

Кали – разгневанная Богиня-Мать – самая жестокая женская ипостась Шивы, она уничтожила Калу (Время). Её изображают темнокожей многорукой (чаще четырёхрукой), также основательно вооружённой дамой с высунутым языком и ожерельем из человеческих черепов. Богиня, внушающая ужас, цвет её кожи (синий или чёрный) – символ смерти и вечного космического времени. Но и у этой богини есть положительные качества. И так далее. Всё это образы, актуальные в настоящее время. Традиция поклонения им сохраняется до сих пор.

Разнообразные исторические памятники дают достаточно обширный материал как об истоках этих образов поклонения, так и о длительном периоде их трансформации. Р.Н. Дандекар писал о таких древнейших истоках, относя их к культуре Хараппы, которую он концептуализировал как «протоиндуизм» [8. Р. 9–12]. Существование этой цивилизации относят обычно к 2600 гг. до н. э. Затем возникла встреча местных культурных субстратов с индоариями. Это подтверждается раскопками Дж.П. Джоши, который установил, что на «восточной периферии хараппской культуры» имел место контакт представителей позднехараппских поселений с «культурой серой расписной керамики», которую относят к индоарийской. Таким образом, было доказано, что «поздние хараппцы не только вступили в контакт с её носителями, но и взаимодействовали с ними в течение довольно продолжительного времени» [8. Р. 136].

С середины I тыс. до н. э. на территории Индии уже существует «сложный синтез арийских и местных этнокультурных традиций» [9. С. 138]. Имена Шивы, Куберы, Кришны, такие ритуальные объекты, как лингам, мусала (пестик-ступка для приготовления приношений божеству), пиппала (священное дерево, почитаемое в культовой практике), уже являются содержанием различных исторических источников, доносящих до нас мифологию тех архаичных времён. Формирующиеся и ортодоксальные и неортодоксальные религиозно-философские системы той поры уже включают в себя «представления неарийских этносов» [10. С. 28–30].

С конца II тысячелетия до н. э. начинается период образования государств в долине Ганга, который называют ведийским. Его ареал ограничивают Северной Индией, а его окончание – серединой I тыс. до н. э. Г.Ф. Ильин отмечает, что учёные получили впервые именно по этому периоду синхронные данные археологических раскопок и литературных произведений: ведийской литературы и эпоса [9. С. 143]. Можно отследить по текстам Атхарваведы (III. 16.3) и другим всё возрастающее значение скота для индийцев, которое

впоследствии приведёт к культу коровы, почитанию её как священного животного, поскольку она обеспечивала семью жизненно важными продуктами питания. Уже в «Ригведе» она указывается как «агнхья» – «не подлежащая убиению», а в тексте I. 91.23 этого же памятника отслеживается понятие «война» под термином «гавишти», что означает «желание коров». Влияние этого животного на бытие древних индийцев было настолько велико, что коровы считались изначально мерой стоимости, затем такую же функцию будут выполнять шейные украшения (Ригведа I. 126.2) и только в поздневедийский период – куски металла определённого веса (Шатапатха-брахмана V. 5.5.16).

Основным мифологическим образом этого периода индийской истории является образ обожествлённого человека-героя, каким стал бог войны Индра-Вритрахан [11. С. 23], что отражает возрастающую роль социального фактора вследствие преодоления человеком сложных обстоятельств и победы над природой, когда в сознании социума происходит «мифологизация истории» [11. С. 23] и возникает «религия героя» [11. С. 32]. В это же время заявляет о себе образ Вишну, который в то время был на периферии мифологических представлений индийцев. Р. Дандекар отмечает эволюционную «борьбу» образа Вишну за место в ведийском пантеоне [11. С. 67–84]. Совершенно отдельно от Вишну в древней Индии существовал культ Кришны, что отслеживается по материалам эпиграфики II в. до н. э. [9. С. 511]. Шива был практически незаметен в Ригведе и других источниках.

Приблизительно в VI в. до н. э. появляется Маурийская империя с центром в Магадхе. Самый яркий правитель этой эпохи – Ашока – становится выразителем чаяний многих сердец. Провозглашение им дхармы (комплекс правил поведения человека, формирующих праведный образ жизни) в качестве государственной политики в изданных им эдиктах носило этический характер с примесью политического практицизма – Ашока старался всеми способами укрепить империю. Г.М. Бонгард-Левин отмечает, что «понятия о земном и небесном счастье получили распространение в предмаурийскую и маурийскую эпохи и были близки приверженцам разных вероучений» [9. С. 243]. Например, I большой колонный эдикт провозглашает: «Вот правило – управление с помощью дхармы, принесение счастья с помощью дхармы и защита [империи] с помощью дхармы». Таким образом, «дхарма была как бы поставлена над религиозными системами и главными положениями тех или иных доктрин... она была призвана отвечать сущности всех вероучений, поскольку касалась общих этических норм» [9. С. 243]. Всё это определяется как известные нам из юнговской концепции «претензии» архетипа на *идеальное*.

Как известно, Ашока был приверженцем буддизма. Сама буддийская доктрина о чакравартине – могучем и справедливом правителе, «вращающем

колесо праведного могущества» [12. С. 147], видимо, вдохновившая императора на государственные реформы, была следствием уже состоявшейся эволюции религиозно-мифологических представлений предшествующих эпох, ведь буддизм – «плоть от плоти» брахманизма. О.О. Розенберг, например, ещё в начале XX в. писал об этом: «Точное разграничение брахманизма и буддизма, может быть, совершенно невозможно» [13. С. 258]. Вообще «брожение умов», приведшее к возникновению различных религиозных течений и значительно расширившее в итоге образное разнообразие индийской мифологии, имело свои корни ещё в гимнах Ригведы, где высказываются некоторые сомнения «в истинности ведийско-брахманистских идей» [12. С. 115].

По событиям периода правления Ашоки уже можно судить о характере проявляющегося культурного архетипа Индии. В частности, об известном «единстве в многообразии». Подтверждением тому служит потеря власти [10. С. 66] Ашокой при попытке отдать предпочтение только буддизму в ущерб другим сектам и течениям. Ашока выбрал ошибочный путь, из-за личных симпатий и неправильно понятой политической целесообразности, отвергнув основной вектор культурного развития страны [14. С. 75].

Следует отметить, что почти все божества Вед «перекочевали» в раннебуддийское учение, в чём можно убедиться, ознакомившись с древними сутрами. Эти небожители по-брахмански подвержены закону кармы и превращаются в людей. Шакра (Индра), например, много раз являлся в благочестивом человеческом облике, а «Будда в своих прежних рождениях был Индрой 36 раз» [14. С. 165]. В конечном счёте, ведийские божества «теряют индивидуальность и скорее напоминают обожествлённых героев, нежели представителей мира сверхъестественного» [14. С. 165].

Говоря о личности Будды, нельзя не коснуться проблемы его историчности, которая возникла вследствие сомнений из-за легендарных жизнеописаний, появившихся спустя «пять-шесть веков после предполагаемой даты его смерти» [9. С. 343]. Палийский канон, содержащий информацию о жизни Будды, не может рассматриваться абсолютно достоверным источником с точки зрения исторической науки вследствие того же многосотлетнего отставания его информации от реальных событий и фантастических рассказов вперемешку с достоверными. Э. Сенар поэтому писал в своё время, что жизнь Будды – это «солнечный миф» [15].

Надо сказать, мифологизированная индийская ментальность в древности (а не только в наши дни) проявляла чудеса изобретательности. Так, буддийские проповедники использовали авторитетность брахманизма (чтобы создать авторитет новой религии буддизма) также при помощи мифологических рассказов. Например, в одной из позднейших сутр описывается история

о том, как сам великий ведийский Брахма обратился к Будде с просьбой «распространить на земле новую веру для спасения мира», поскольку в Магадхе популярно «нечистое учение» [12. С. 155]. Так, не обрывая связь с ведийско-брахманистской традицией, как бы наследуя её основы, буддизм подчёркивает своё превосходство над ней, желая быть учением «для всех», решающим проблемы бытия, при этом действуя на той же мифологической основе.

Изменения в общественном сознании, присущие Магадхско-Маурийской эпохе, не обошли стороной и саму основополагающую ведийско-брахманистскую традицию – это учение было сильно преобразовано: «...главные ведийские божества отходят на второй план, чтятся и возвеличиваются новые, утрачивает своё прежнее самодовлеющее значение ритуализм, появляются новые “священные” тексты и пр.» [12. С. 331]. Но, тем не менее, брахманы остаются представителями ведущего религиозного направления, по словам Страбона (XV. 1.59) [12. С. 370]. Г.Ф. Ильин и Г.М. Бонгард-Левин отмечают, что в эту эпоху «основным течением, наиболее полно воплотившим в себе элементы ведийско-брахманистской традиции, был вишнуизм» [12. С. 371]. Культ, возникший в домаурийскую эпоху путём постепенного вовлечения неарийских божеств и отождествления их с брахманистским Нараяной-Вишну, затем слился с образом североиндийского Санкаршаны-Баладэвы, заметно увеличив свою популярность. При этом Санкаршана – аборигенное божество змей [16]. В «Махабхашье» Патанджали (II. 2.23) Санкаршана уже воспринимается как Васудэва, упоминается он и в других памятниках.

В этот момент исторического развития Индии встаёт один из важнейших вопросов о *значении культа* Вишну. Многие исследователи отмечали его незначительность. Но С. Джайсвал утверждает, что в IV–I вв. до н. э. культ Санкаршаны-Баларамы был ведущим [9. С. 372]. Примечательно также, что образ Васудэвы, отражённый в трудах Мегасфена, носит кшатрийские черты воинственности и бесстрашия до совмещения его образа с Кришной, после чего постепенно начинают преобладать черты последнего. С. Чаттопадхья считает, что «ко времени первого маурийского царя идентификация Нараяны, Вишну и Васудэвы была совершившимся фактом, по крайней мере, для какой-то части страны» [17]. С. Джайсвал отмечает, что одной из важнейших целей «Бхагавадгиты» было слияние старых представлений о Нараяне с новыми – о Васудэве-Кришне. Во II в. до н. э. это уже зафиксировано в эпиграфике (речь о Беснагарской надписи Гелиодора). На этом свидетельства значительности данного культа не исчерпываются.

Культ Шивы, относившийся к верованиям горных племён, также был в это время уже известен, «по крайней мере, в виде течения пашупата... и быстро

усиливал своё влияние» [9. С. 376]. Источники о нём в основном греческие – Мегасфен описывал этот культ, называя Шиву Дионисом.

Таким образом, Магадхско-Маурийский период, закончившийся I в. до н. э., имел огромное значение в становлении культурной основы индийской цивилизации. Именно в этот период образовалась крупная империя на территории Индостана. Вместе с процессом централизации государства продолжается становление новых культов, учений и сект при сохраняющейся доминанте ведийско-брахманистской традиции [18].

С I по IV в. н. э. Северной и Северо-Западной Индией правили поочерёдно индо-греческие и индо-сакские царьки, а затем эти земли были завоёваны Кушанами, проводившими самую разнообразную религиозную политику – на монетах встречаются в разные периоды: Шива, имена шиваитского божества войны (на монетах Канишки и Хувишки встречаются имена Махасены, Вишакхи и Скандакумара – все три имени относятся к воинственному сыну Шивы), эллинистические и иранские божества, изображения Будды и надписи, выражающие поклонение ему, в более позднее время Шива с его непременным символом – быком Нанди [9. С. 404–406]. самого яркого правителя этого периода Канишку буддийские сутры называют «вторым Ашокой» [19] за его ревностное предпочтение и покровительство буддизма. Образ Ашоки до сих пор имеет полумифический характер в Индии, ему также поклоняются.

Однако ни один правитель в индийской истории не сравнится с образами Вишну и Шивы, эволюция которых частично раскрывается при рассмотрении периодов исторического развития Индии. В наши дни историческая наука обогатилась новыми подходами для более глубоких и подробных исследований разнообразных феноменов развития стран, особенно связанных с их архетипическими основами. Одним из них является разработка томской историографической школы – анализ исторических явлений с позиций религиозного историзма [20. С. 145], т.е., как предлагал М. Элиаде, проведение анализа «универсальных образов независимо от временных обстоятельств» [21]. При этом выявляются гораздо более глубокие составляющие религиозного и философского характера, требующие внимания исследователя.

Итак, образ Вишну, как можно видеть, в частности, из исследования Р.Н. Дандекара, прошёл путь от народного бога плодородия в облике птицы до верховного божества индуистов-вайшнавов. Причём по этому пути можно проследить некоторую часть истории культурного развития Индии. Не принимаемый вначале «частью ведийских интеллектуалов-жрецов, а также верхушкой племён-покорителей» [11. С. 79], этот народный бог в эпоху тотального жреческого контроля находился «на задворках» брахманизма, прежде всего, из-за «его грубоватых, фривольных и в какой-то мере непристойных

обрядов плодородия» [11. С. 79]. Однако по причине, видимо, достаточно серьёзной влиятельности (или большой массовости) тех арийских групп, для которых он был особо почитаемым божеством, постепенно Вишну был введён в ведийский пантеон, где основными были мифы об Индре. Как утверждает Р.Н. Дандекар, «Вишну был, так сказать, иерархизирован путём искусственного и преднамеренного сближения его с Индрой, который в данном случае служил как бы “философским камнем”» [11. С. 79].

Примечательно, что эволюция образа божества происходила совместно с эволюцией понимания главных функций божеств. Например, Н.Р. Гусева отмечает, что, будучи в ведах персонификацией небесной, солнечной энергии, Вишну (а его атрибуты – «диск (чакра) и птица Гаруда тоже подтверждают это»), понятие высшего третьего шага Вишну, именуемое «парампада», стало «в более поздней литературе употребляться как определение прибежища душ предков, как “небо Вишну”, а термин “Вишну-пада” – “шаг Вишну” – как определение духовных устремлений верующих ввысь, к богу (в индуизме даже вершины гор часто называются “Вишну-пада”))» [22. С. 105]. В «Шатапатха-брахмане» три шага Вишну – это земля, воздух и небесная сфера. Затем бхагаватизм становится самостоятельным течением внутри брахманизма-индуизма (из чего в средние века разовьётся вишнуитское движение бхакти – любовь к богу). Три шага Вишну постепенно становятся символами проявления трёх «категорий духа: самоконтроль, самоотречение и мобилизация душевных сил как путь на небо».

Помимо постепенно увеличивающейся символизации древних образов (как и культов и ритуалов), свойственной вообще индийскому архетипическому сознанию, в эволюционирующих мифах можно увидеть события общественного характера – в частности, изменения отношений между различными социальными группами древнеиндийского общества. Например, восхождение Вишну на вершину индуистского пантеона открывает многое «...в отношениях между “высшими классами” и “массами” среди самих ведийских ариев. В послеведийскую эпоху, когда народная религия вновь вышла на передний план, Вишну стал высшим божеством» [11. С. 79]. Поведение этого персонажа «народной веры», повсюду устанавливающего справедливость и воздающего за несправедность и зло, приводит к тому, что «диск-чакра в одной из его рук стал поясняться уже только как оружие» [22. С. 105]. При этом в эволюционирующей мифологии индуизма всё чаще наблюдаются и элементы синкретизма. Так, Н.Р. Гусева пишет, что наивысшего расцвета вишнуизм-бхагаватизм достиг через включение в культ Вишну ряда культов доарийских народов [22. С. 105].

Ссылаясь на исследования А.Б. Кита, Р.Н. Дандекар отмечает, что Кришна также был изначально духом возрождающейся растительности, а если учесть,

что и Вишну сохранил «ряд характеристик, относящихся к гораздо более древним аспектам его образа», то процесс отождествления Вишну и Кришны, что мы уже наблюдаем в Бхагавадгите, был значительно облегчён [11. С. 80]. Таким образом, на время заглушивший народные верования культ жертвоприношений с ослаблением ведизма отступил, и они «вновь обрели силу» [11. С. 219].

Аналогичные преобразования наблюдаются и в образе Шивы, эволюционировавшем из древнего неарийского культа и занявшем почётное место в ведийском пантеоне через синкретизм с образом Рудры, также в культе Шакти, в философских системах, где процесс эволюции осложнился ещё и разного рода взаимопротеканиями идей.

Итак, окончание древнего периода индийской истории (VI в. н. э.) выразилось в становлении пантеона божеств, утверждении индуизма (шиваизма и вишнуизма) [23. С. 86–104] как синкретической религии Индии с системой божественной иерархии во главе с Тримурти. Самым ярким событием древности становится Бхагавадгита* (к этому времени уже сложившаяся как 6 глава известного эпоса «Махабхарата»), синтезировавшая в себе множество разнородных образов, культов, смыслов, превратившая всё это богатство в уникальную систему с ответами на важнейшие вопросы бытия. Основную роль в её функциональности играет скреплявшая индийское общественное сознание «архетипичность» индийского ритуала, простиравшаяся от древнейшего архаичного понимания единства с природой до осознания человека как части этого ритуала в качестве символической жертвы.

Таким образом, актуальность архаических образов и идей, их влиятельность, освящённость древними текстами, а потому «властность» всего, что на них опирается, приведшая к известному «единству в многообразии», является органичной для индийской культуры, сущностно выраженной в индуизме. В итоге возникает вопрос о том, что есть индуизм. Так, например, М.Ф. Альбедиль отмечает, что «эта религия ускользает от всяких чётких определений»

* Бхагавадгита, как явление древнеиндийской культуры, предположительно существовала в форме одной из Упанишад, по словам С.Д. Серебряного. Р.Н. Дандекар же отмечает развитие в ней многих идей шиваитской «Шветашватара-упанишад». Также существенна связь идей Бхагавадгиты и «Йога-сутр» Патанджали – одного из основных произведений шиваизма. Сама Махабхарата была изначально произведением устного творчества. В какой точно период времени и в каком именно качестве (устно или письменно) в текст была введена Бхагавадгита, неизвестно. Возможно, это проникновение было постепенным. Также возможно, что в какой-то период времени записывавшие Махабхарату мудрецы сочли необходимым ввести в повествование эпоса известный текст влиятельной упанишад, которую мы теперь именуем Бхагавдгитой. В любом случае, Бхагавадгита начинает религиозно-философскую часть Махабхараты, где повествование событий кшатрийской эпической драмы перемежается с дидактикой брахманического учения, раскрывая вселенский смысл борьбы сил добра и зла на поле Курукшетры.

[24. С. 13], что соответствует юнговскому пониманию архетипа. Возникает предположение, что индуизм и является неким соответствием культурному архетипу Индии, как нельзя лучше выражающим особенность индийского менталитета. Е.М. Щепановская в этой связи пишет: «Архетип предстаёт как символ, не ограниченный конкретностью образа, эпохой и культурно-исторической средой и обладающий потенциальной бесконечностью смысловых проявлений» [25]. Ссылаясь далее на К.Г. Юнга, определявшего основным свойством архетипа воспроизводство его в культуре [3. С. 125], Елена Михайловна отмечает, что «он содержит возможность разворота смыслов на современность» [25]. Всё это мы со всей очевидностью наблюдаем и сейчас в культуре Индии.

Итак, индийские древние тексты, как и другие памятники архаичной культуры этой страны, повествуют нам о грандиозной борьбе различных менталитетов, столкнувшихся на полуострове Индостан в борьбе за главенство в пантеоне идей, символов и образов, которым следует поклоняться. Итогом этой борьбы стало появление образно-символической системы Тримурти: Шива, Вишну, Брахма, а идейным выражением – хитросплетение религиозной философии индуизма, впитавшей в себя, как и подобает архетипу, множество форм и воссоздающей бесконечное количество их интерпретаций.

Литература

1. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Миф о Горе // yourdreams.ru. URL: <http://www.yourdreams.ru/biblio/pages/carl-gustav-jung-mdr-80.php> (дата обращения: 15.03.2021).
2. Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философий. М., 1994.
3. Юнг К.Г. Психологические типы. М., 1996.
4. Юнг К.Г. Психологические аспекты архетипа матери // Философия. URL: <http://jung.fillosoff.org/tvorchestvo/psixologicheskie-aspekty-arhetipa-materi/> (дата обращения: 15.03.2021).
5. Юнг К.Г. Личное и сверхличное или коллективное бессознательное. М., 1996.
6. Щепановская Е.М. Проблема определения архетипа. Древнейшие архетипы как способы мышления. Доклад на ДПФ-2011, статья для журнала «Обсерватория культуры» // Семиры и В. Веташа «Астролингва». URL: <https://astrolingua.ru/PHILOS/archenus.htm> (дата обращения: 01.03.2021).
7. Карл Густав Юнг. Архетип и символ. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству. Доклад «Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству», прочитан в мае 1922 г. на собрании цюрихского Общества немецкого языка и литературы // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4229/4237> (дата обращения: 04.03.2021).
8. Dandekar R.N. Insights into Hinduism. Delhi, 1979.
9. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. СПб., 2001.
10. Бэшем А.Л. Чудо, которым была Индия. М., 1977.
11. Дандекар Р.Н. От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. М., 2002.
12. Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. М., 2000.
13. Розенберг О.О. Проблемы буддийской философии. Пг., 1918.
14. К.А. Антонова, Г.М. Бонгард-Левин, Г.Г. Котовский. История Индии. М., 1979.

15. Радхакришнан С. Этический идеализм раннего буддизма // www.e-reading.club. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/47401/Radhakrishnan_-_Eticheskiy_idealizm_rannego_buddizma.html (дата обращения: 27.03.2021).
16. Древо индуизма. Ствол. Классическая триада: Брахма, Вишну, Шива. Часть 7 // Портал Восток. URL: <https://www.portal-vostok.ru/index.php/indiya/religy/induizm/drevo-induizma-stvol-klassicheskaya-triada-brakhma-vishnu-shiva/317-drevo-induizma-stvol-klassicheskaya-triada-brakhma-vishnu-shiva-chast-7> (дата обращения: 31.03.2021).
17. Индия и античный мир // Сайт исторической библиотеки. URL: <http://www.istmira.ru/http://istmira.ru/istdr/indiya-i-antichnyy-mir/page/116/#bookmark783> (дата обращения: 30.03.2021).
18. Вигасин А.А. Буддизм и держава Маурьев // История Древнего Востока. URL: <https://history.wikireading.ru/216156> (дата обращения: 31.03.2021).
19. Антонова Л. Кушанское царство // ВикиЧтение. Удивительная археология. URL: <https://history.wikireading.ru/86159> (дата обращения: 26.05.2021).
20. Хазанов О.В. Феномен религиозного историзма: некоторые подходы к пониманию еврейской и индийской традиций. Saarbrücken, Germany : LAP LAMBERT, 2011.
21. Элиаде М. Аспекты мифа // Библиотека электронной литературы. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%AD/eliade-mircha/aspekti-mifa> (дата обращения: 01.04.2021).
22. Гусева Н.Р. Индуизм. История формирования. Культурная практика. М., 1977.
23. Семенов В.С. К постановке вопроса о возрасте Бхагавадгиты // Классическая литература Востока. М., 1972.
24. Альбедиль М.Ф. Индуизм. Главная религия Индии. СПб., 2006.
25. Щепановская Е.М. Аксиологическое ядро архетипов. Конференция «Культура и ценности: новые подходы». СПбГУ, 2012 // Астролингва. URL: [https:// astrolingua.ru/PHILOS/cennosti.htm](https://astrolingua.ru/PHILOS/cennosti.htm) (дата обращения: 15.06.2021).

The mythological basis of the archetype of Indian culture

Ozhogina S.M., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: a70.2010@yandex.ru

doi: 10.17223/9785907442566/8

Abstract. The article examines the mythology of Indian culture with a brief analysis of the transformation of its images from the ancient sources known to science at the end of the antiquity period, when the religious and philosophical heritage of India, which we now call Hinduism, was formalized. The analysis of mythology is made from the point of view of the discoveries of Karl Gustav Jung, the author of the “Theory of archetypes”, later developed by his followers into the concept of “cultural archetype”.

Key words: India; cultural archetype; K.G. Jung; mythology

*Дмитрий Сергеевич Никитин**

Редьярд Киплинг и индийский национализм: «Исследование Конгресса» (1889 г.)

Аннотация. Рассматриваются воззрения Р. Киплинга на индийский национализм и деятельность Индийского национального конгресса в 1880-х гг. В ряде произведений Киплинга этого периода («Просвещение мистера Пэджета», «Исследование Конгресса») нашли отражение настроения англо-индийского сообщества, стремившегося сохранить свои привилегии и положение в Индии. Сделаны выводы о неприятии консервативной частью англо-индийского сообщества требований Индийского национального конгресса.

Ключевые слова: Редьярд Киплинг; англо-индийцы; Индийский национальный конгресс; Британская Индия; А.О. Юм

Установление британского господства в Индии открыло новую веху в истории Южной Азии. Помимо кардинальных политических и экономических перемен, трансформации подверглась и социальная структура индийского общества: британское завоевание страны привело к появлению англо-индийского и евразийского сообществ, игравших на протяжении колониального периода важную роль в общественно-политической жизни Индии.

Англо-индийское сообщество (британцы, родившиеся в Индии или жившие в ней на постоянной основе), будучи относительно немногочисленным в сравнении с остальными этническими группами Индии, обладало особым, привилегированным статусом. Англо-индийцы занимали административные посты, за исключением самых низших, командные должности в армии; часть сообщества, не занятая в структуре управления, была представлена плантаторами, торговцами, преподавателями учебных заведений, миссионерами англиканской и других церквей, сотрудниками печатных изданий, и т.д. Условия, в которых формировалось англо-индийское сообщество, способствовали его замкнутости и отрыву от коренного индийского населения, которые еще более усилились после народного восстания 1857–1859 гг., поставившего под угрозу само существование британского правления в Индии.

* *Никитин Дмитрий Сергеевич* – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: nikitds33@gmail.com

Патриотические ассоциации, массово возникавшие в Индии во второй половине XIX в., также воспринимались значительной частью англо-индийского сообщества как угроза. Распространение английского образования, осознание индийскими интеллектуалами преимуществ британского правления, манифест королевы Виктории (1858 г.), объявлявший равные возможности занимать должности на государственной службе для подданных «любой расы и вероисповедания» [1. Р. 157], способствовали тому, что эти ассоциации декларировали лояльность Великобритании, однако выступали за более широкое участие индийцев в управлении страной. В 1880-е гг. результатом развития патриотических ассоциаций стало появление Индийского национального конгресса (ИНК), объединявшего лояльных националистов со всех концов Индии. Хотя некоторые представители англо-индийского сообщества участвовали в его создании и деятельности, поддерживали его программу, большинство англо-индийцев отнеслось к возникновению подобной организации резко отрицательно. В сообществе было распространено мнение, что требования ИНК были преждевременными [2. Р. 65] или невыполнимыми [3. Р. 56], что Конгресс распространяет «анархические доктрины» [4. Р. 274], и правительству следует игнорировать его существование [5. Р. 90].

Противодействие индийскому национализму нашло отражение не только в многочисленных мемуарах, но и в творчестве молодого англо-индийского журналиста Редьярда Киплинга (1865–1936), впоследствии – знаменитого писателя и поэта.

Годы правления вице-короля и генерал-губернатора Индии Рипона, на которые пришлось творческое становление Киплинга, характеризовались бурным развитием общественно-политической, интеллектуальной, культурной жизни индийского общества. В это время появились романы Бонкимчондро Чоттопадхья «Радж Сингх» (1882), «Деви Чоудхурани» (1884), «Обитель радости» (1882), куда вошло и знаменитое стихотворение «Ванде Матарам», ставшее впоследствии гимном индийских националистов. В 1882 г. Е.П. Блаватская создала отделение Теософского общества в Адьяре; теософское учение объединяло как патриотически настроенных индийцев, так и их английских сторонников. В частности, некоторое время членами Общества были А.О. Юм, сыгравший важнейшую роль в создании ИНК, и А.П. Синнетт – редактор влиятельной англо-индийской газеты «Пионир» (Аллахабад). Наконец, при Рипоне в Британской Индии стало вводиться местное самоуправление, которое расценивалось индийскими националистами как важный, прогрессивный шаг в политическом развитии страны [6].

В англо-индийской среде правление Рипона вызывало недовольство. В 1883 г. англо-индийцы активно выступили против законопроекта Илберта,

предполагавшего уравнивать индийцев и англичан в правах перед судом. Англо-индийцы проводили акции протеста против принятия законопроекта, охватившие всю Британскую Индию [7], обращались с петициями об отмене билля Илберта к королеве, государственному секретарю по делам Индии и в парламент, а для защиты прав британских поселенцев была создана Англо-Индийская ассоциация за отмену акта о поправках к Уголовно-процессуальному кодексу. Посягательство на англо-индийские привилегии и развитие индийского национализма произвели большое впечатление и на Киплинга – исследователь творчества писателя Ч. Аллен отмечал, что Е.П. Блаватская, А.О. Юм (генеральный секретарь ИНК) и вице-король Рипон были в числе наиболее неприятных для Киплинга лиц [8. Р. 202]. В 1883–1884 г. лажорская «Сивил энд Милитари Газетт», сотрудником которой был Киплинг, опубликовала ряд его стихотворений, критиковавших политику Рипона и в особенности законопроект Илберта [9, 10]. В стихотворении «Мечты лорда Рипона» Киплинг обвинял вице-короля в создании «Утопии, питающей гордость бабу сказками о справедливости» [11]. В частной переписке Киплинг отмечал настроения англо-индийской среды: «Если произойдет восстание, то нынешнее правительство будет нести прямую ответственность, – по крайней мере, все так говорят» [12. Р. 35]. Таким образом, в стихах Киплинга нашло свое выражение мнение англо-индийского сообщества, которое считало Рипона «единственным слабым вице-королем, который когда-либо был в Индии» [13. Р. 79], тогда как среди индийской интеллигенции он, напротив, был очень популярен – митинги с выражением благодарности вице-королю в преддверии его отъезда из Индии приобрели общенациональный характер.

В 1886 г. в творчестве Киплинга появляется образ «Пэджета, члена парламента», высмеивающий британских либералов, критиковавших индийское правительство, но судивших о стране лишь из коротких поездок по ней. Киплинг описывает, как резко меняется Пэджет, столкнувшись с особенностями индийского климата:

Апрель принес нам пунку и лишаи от жары,
Был по вкусу москитам Пэджет, обедались им комары.
Он стал рябой и пятнистый, и с грустью я наблюдал,
Как он лупит арийских братьев, совсем не как либерал
(пер. А. Оношкович-Яцына) [14. С. 237–238].

Герой Киплинга стал наиболее известным в англо-индийской литературе примером «парламентария-туриста», обладающего большим самомнением, но ограниченного, совершенно не знакомого с индийскими условиями – «доверчивого, хотя и опасного клоуна» [15. Р. 91]. Хотя в первом появлении

Пэджет и является собирательным образом, в очерке 1890 г. «Просвещение мистера Пэджета» [16] Киплинг наделяет его чертами парламентария-либерала У.С. Кейна – друга А.О. Юма и активного деятеля Британского комитета ИНК, путешествовавшего по Индии зимой 1888–1889 гг. [17. Р. 28].

Очерк «Просвещение мистера Пэджета», в котором Киплинг попытался показать, что ИНК не имеет широкой поддержки в стране, стал идейным продолжением заметки «Исследование Конгресса» [18. Р. 55–62] – первой статьи писателя, критиковавшей и высмеивавшей главную организацию индийских националистов того времени.

Четвертая сессия ИНК в Аллахабаде (1888), ставшая основной темой «Исследования Конгресса», проходила в условиях ухудшения отношений лидеров Конгресса с колониальной администрацией. Вице-король Индии в 1884–1888 гг. Дафферин, прежде благосклонно относившийся к ИНК, в 1886–1887 гг. перестал его поддерживать. Этому способствовала публикация А.О. Юмом серии памфлетов, в которых вице-король представал бюрократом, сочувствующим индийскому народу только «теоретически» [19. С. 55]. В то же время в Индии начала формироваться мусульманская оппозиция Конгрессу. Ее центром стал Мусульманский англо-восточный колледж в Алигархе, а лидером – его основатель, просветитель Саид Ахмад-хан. Странники Саида Ахмад-хана нашли поддержку в лице видных представителей индусской аристократии и англо-индийских чиновников, а в прессе главными выразителями ее взглядов были «Алигарх институт газетт» и аллахабадский «Пионир», который после увольнения с поста редактора А.П. Синнетта стал, по выражению А.О. Юма, «оголтелым анти-индийским органом» [19. С. 54]. В ноябре 1887 г. сотрудником газеты стал переехавший из Лахора Киплинг.

В Северо-западных провинциях, столицей которых был Аллахабад, проживало множество мусульман, и решение провести здесь сессию ИНК преследовало цель привлечь их в национальное движение, однако обострило антиконгрессистскую агитацию. В марте Саид Ахмад-хан выступил в Мируте с речью, где подверг Конгресс резкой критике [20. Р. 29–53], а несколько месяцев спустя противники ИНК основали Объединенную индийскую патриотическую ассоциацию, чтобы создать ему противовес и представлять британской общественности иную, нежели у Конгресса, точку зрения. Нападкам в прессе подвергались британские сторонники Конгресса – так, создатель знаменитого «Имперского газеттира Индии» историк У. Хантер стал героем насмешливых стихов Киплинга. В письме Э. Хилл (25–27 мая) писатель сообщал, что приготовил для Хантера «маленькую бандерилью, которая появится в „Пи“ и слегка ранит его» [21. Р. 193]. В этом стихотворении [22] Киплинг обвинял Хантера в погоне за дешевой славой и советовал ему вме-

сто рассуждений о государственных делах заняться написанием романов. Наконец, против Конгресса выступил вице-губернатор северо-западных провинций О. Колвин, который в полемике с А.О. Юмом доказывал, что памфлеты последнего «грубо выставляют в ложном свете британскую администрацию в Индии» [19. С. 228]. Типография «Пионера» в течение года печатала многочисленные брошюры, осуждавшие ИНК и его требования.

Несмотря на препятствия, сессия Конгресса открылась 26 декабря 1888 г. На ней – в качестве обозревателя «Пионера» – присутствовал Киплинг; впечатления от увиденного и легли в основу заметки «Исследование Конгресса», опубликованной спустя несколько дней после завершения сессии.

Описание сессии Киплинг открывает портретами делегатов, «представителей городов, которые никогда не слышали о них» [18. Р. 55]. Они, согласно Киплингу, совершенно не понимали выдвигаемых Конгрессом требований. Один из делегатов, который «из всех имеющихся у него средств не смог бы собрать тысячу рупий», сообщил писателю, что первым делом Конгресс расширит законодательный совет, особенно за счет земледельцев [18. Р. 56]. Делегат считал, что ИНК представляет «людей, которые сейчас присутствуют на Конгрессе», и «если земледельцы прислали своих делегатов на Конгресс, тогда он представляет их» [18. Р. 56]. На вопрос Киплинга, знает ли он что-нибудь о законах, регулирующих работу кули на чайных плантациях, делегат сообщил: «Нет, не знаю, но поэтому я и хочу, чтобы мы вошли в законодательные советы – затем, чтобы знать законы» [18. Р. 56]. Из гротескных диалогов Киплинг делает вывод, что собравшиеся на сессию индийцы не имели представления о работе государственного аппарата. Однако еще большее возмущение у него вызвал тот факт, что многие из делегатов сессии слабо владели английским языком или не говорили на нем вовсе: «Если дюжина джентльменов, выбранных наугад из двенадцати сотен, не говорит по-английски, будет ли несправедливым предполагать, что, быть может, сотня из толпы столь же невежественна? И не следовало ли большой, богатой и умной стране в начале своих маленьких экспериментов устроить так, чтобы все ее представители, по крайней мере, могли сказать по-английски „бу“ английскому гусю?» [18. Р. 57].

Особый акцент Киплинг делает на этническом составе собравшихся. Признавая, что Конгресс собрал «образцы всех провинций Индии», он отмечает, что каждый третий делегат представляет Бенгалию: «...бенгалец с радужным шарфом на шее, или бенгалец с огромным животом и выпуклым лбом, или худощавый бенгалец с тканью, обернутой вокруг головы и шеи» [18. Р. 57]. Эта зарисовка отражает характерные для англо-индийцев 1880-х гг. представления о том, что Конгресс не может быть «национальным», поскольку

число мусульманских и парских делегатов было незначительным, а большинство его деятелей составляли «бенгальские бабу» [19. Р. 64] – узкая прослойка получивших европейское образование жителей Калькутты и столичного региона, в наибольшей степени подверженного английскому влиянию. Кроме того, Киплинг отмечал, что за бенгальцами стоят английские основатели, которые и играют главную роль в организации: «Поскольку Конгресс „представлял“ ремесленников и умелых рабочих, его декорации были жалкими, безвкусными и неумелыми; поскольку он „представлял“ культуру страны, он обозначил свой диспансер как „диспенсер“, и поскольку он представлял Индию и только Индию, его общественные манифестации были спроектированы англичанами второго сорта: и последующие события показали – хорошо, что англичане взяли дело в свои руки» [18. Р. 57–58]. Причина этого, согласно Киплингу, заключалась в том, что за тридцать мирных лет, прошедших после народного восстания 1857 г., несмотря на все попытки Великобритании, в Индии не появилось «ни одного инженера, художника, механика, писателя, поэта или историка» [18. Р. 58].

Заседания сессии описаны Киплингом в не менее уничижительной манере: президент ИНК Дж. Юл был «очень похож на нервного попугая», порядок на Конгрессе поддерживался исключительно «репрессивным воздействием возглавлявших его англичан», а речи участников «были умеренно логичными и умеренно разумными, потому что были сказаны для того, чтобы о них сообщили [в прессе]» [18. Р. 59]. Обсуждаемые на сессии вопросы и предложения также не нашли у писателя одобрения, поскольку делегаты ИНК, по его мнению, требовали привилегий, но не были готовы нести ответственность за управление, и «только влияние белых или бело-коричневых людей, что вели их, удерживало их от раскола на сотню кучек и клик» [18. Р. 60]. Характерно, что из всех прений по резолюциям Киплинг подробно останавливается на требовании об отмене закона об оружии. За выступлением англо-индийского делегата Э.У. Хирси, предупреждавшего об опасности неограниченного владения оружием, последовала речь «чрезвычайно довольного собой» С. Банерджи в поддержку резолюции; Киплинг, опустив приводимые Банерджи аргументы, заключает, что «просвещенная Индия... хочет оружия!» [18. Р. 61]. По его мнению, только из-за присутствия на сессии А.О. Юма никто из индийцев не осмелился «отвергнуть брошюры, призывающие арийцев „не убивать бедных европейцев“» [18. Р. 61]. Таким образом, несмотря на активно распространяемую Конгрессом литературу, освещавшую цели и требования ИНК (включая цитируемую Киплингом «Беседу Фариаддина с Рамбакшем» А.О. Юма [19. С. 187]), писатель полагал, что английские руководители ИНК не смогут держать организацию под контролем. В 1886–1888 гг. на

страницах «Пионера» неоднократно появлялись статьи, в которых конгрессистская агитация описывалась как опасная для страны, чреватая вооруженными мятежами [23–25], и Киплинг в своей заметке следовал редакционной политике издания.

Подводя итоги сессии, Киплинг подчеркивает, что ««национализмом» тщательно руководили иностранцы», а программа Конгресса была намеренно урезана для того, чтобы не вызывать подозрения властей [18. Р. 62]. Конгресс в его описании предстает несамостоятельной, мало к чему способной, но оттого не менее опасной организацией. В отличие от многих британских современников Киплинг не видел в деятельности ИНК ничего полезного для Индии, считая ее результатом бесплодных усилий «англичан второго сорта» и поддерживающих их «парламентариев-туристов». Таким образом, в «Исследовании Конгресса» нашли отражение взгляды наиболее консервативной части англо-индийского общества, расценивающей Индию как неотъемлемую часть Британской империи и отторгающей любые попытки поставить под сомнение ее право владеть южно-азиатскими колониями.

Вероятно, «Исследование Конгресса» осталось бы всего лишь одной из многих критических стрел в адрес ИНК, однако этой статье было суждено сыграть в жизни молодого писателя заметную роль. Спустя три недели после ее публикации в «Пионире» капитан Э.У. Хирси заявил редактору газеты Дж.М. Чесни о том, что статья Киплинга оскорбила его, и избил его хлыстом [26. Р. 40]. На фоне поднявшейся шумихи в прессе Киплинг 9 марта 1889 г. навсегда покинул Индию, отправившись в долгое путешествие. Индийский период жизни молодого журналиста был закончен – начиналась карьера всемирно известного писателя.

Литература

1. Proclamation by the Queen in Council to the Princes, Chiefs and People of India, November 1, 1858 // Morley J. Indian Speeches (1907–1909). London, 1909. P. 155–159.
2. Beck T. Essays on Indian topics. Allahabad, 1888. 127 p.
3. Fraser A. Among Indian rajahs and ryots. London, 1911. 383 p.
4. Crawford A.T. Reminiscences of an Indian police official. Westminster, 1897. 303 p.
5. Cox E.C. My thirty years in India. London, 1909. 306 p.
6. Amrita Bazar Patrika. 1882. 23rd November.
7. The Pioneer. 1883. 28th February.
8. Allen Ch. Kipling Sahib: India and the Making of Rudyard Kipling, 1865–1900. London, 2007. 448 p.
9. Civil and Military Gazette. 1883. 29th March.
10. Civil and Military Gazette. 1883. 17th April.
11. Civil and Military Gazette. 1884. 15th September.
12. To Cornell Price, 1 June 1883 // The Letters of Rudyard Kipling. London ; Iowa, 1990. Vol. 1. P. 35–36.

13. Crawford A.T. Our troubles in Poona and the Deccan. Westminster, 1897. 273 p.
14. Киплинг Р. Избранные стихотворения. Л., 1936. 272 с.
15. Brasted H.V., Douds G. Passages to India: Peripatetic MPs on the grand Indian tour 1870–1940 // *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 1979. Vol. 2, № 1–2. P. 91–111.
16. *The Pioneer*. 1890. 11th September.
17. Ayers R. The original of «Pagett, M. P.»? // *The Kipling Journal*. 2003. Vol. 77, № 307. P. 27–28.
18. Kipling R. A study of the Congress // *The Kipling Journal*. 2020. Vol. 94, № 381. P. 55–62.
19. Юм А.О. Избранные произведения об индийском национальном движении (1886–1894). Новосибирск, 2019. 375 с.
20. Sir Syed Ahmed on the Present State of Indian Politics. Allahabad, 1888. 79 p.
21. To Edmonia Hill, [25–27] May 1888 // *The Letters of Rudyard Kipling*. London ; Iowa, 1990. Vol. 1. P. 189–196.
22. *The Pioneer*. 1888. 1st June.
23. *The Pioneer*. 1886. 1st March.
24. *The Pioneer*. 1888. 14th May.
25. *The Pioneer*. 1888. 16th May.
26. Maidment R. The man who would horsewhip Kipling: Andrew Harsey and the 1888 National Congress // *The Kipling Journal*. 2020. Vol. 94, № 381. P. 39–53.

Rudyard Kipling and Indian nationalism: «A study of the Congress» (1889)

Nikitin D.S., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: nikitds33@gmail.com

doi: 10.17223/9785907442566/9

Abstract. Rudyard Kipling's views on Indian nationalism and the activities of the Indian National Congress in the 1880s are considered. Some of Kipling's works of this period (“Enlightenments of Pagett, M. P.”, “A study of the Congress”.) reflected the sentiment of the Anglo-Indian community, which sought to preserve its privileges and position in India. Conclusions are drawn about the rejection of the requirements of the Indian National Congress by the conservative part of the Anglo-Indian community.

Key words: Rudyard Kipling; Anglo-Indians; Indian National Congress; British India; A.O. Hume

УДК 1 (091)

doi: 10.17223/9785907442566/10

*Татьяна Григорьевна Скороходова**

Генезис социальной идентичности в модернизирующейся Индии: наследие общественной мысли Бенгальского Возрождения

Аннотация. Вопрос о социальной идентичности как сердцевина процесса самоопределения общества модернизирующейся Индии впервые был поднят представителями интеллектуальных элит Бенгальского Возрождения. В статье описан процесс конструирования социальной идентичности для населения Индии – «воображаемого сообщества» (Б. Андерсон), которое мыслится объединяющим началом для всего многообразия народов и общин субконтинента. Динамика процесса показывает развитие теоретического понимания «большого общества» Индии как культурно-цивилизационного и социального «единства в многообразии». Однако различия в подходах к определению общей основы единства порождают противоречия между религиозной, гражданской и культурной идентичностями при их трансляции в практику социальной жизни.

Ключевые слова: самоопределение; социальная идентичность; Бенгальское Возрождение; «воображаемые сообщества»

Вхождение незападного общества в многостороннее взаимодействие с Западом в Новое время и начало сложных и нелинейных процессов модернизации в интеллектуальной, культурной, социальной и политической сферах жизни поднимают в общественной мысли множество вопросов и создают проблемные поля в интеллектуальной, культурной, социальной и политической сферах жизни, также поднимают в общественной мысли множество вопросов и создаёт проблемные поля интеллектуального поиска. Среди этих вопросов и тем – самоопределение общества, страны, цивилизации и культуры, сердцевинной которого является вопрос об идентичности. Богатый материал для анализа генезиса социальной идентичности предоставляет интеллектуальная деятельность индийских мыслителей XIX – начала XX в., которые фактически взяли на себя труд и ответственность определения комплекса представлений о принадлежности всех и каждого живущего в Индии человека к «большим» социальным общностям. Это определение идентичности по явному замыслу предназначено представителями образованных элит, по сути, для народа и от его имени и впоследствии транслируется на большую общественную аудиторию.

* *Скороходова Татьяна Григорьевна* – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Пензенский государственный университет (Пенза, Россия). E-mail: skorokhod71@mail.ru

Для понимания содержания процесса генезиса социальной идентичности методологически важен подход конструктивизма, позволяющий увидеть в разного рода используемых терминах интеллектуальные артефакты – результаты конструирования. В нашем случае таким конструированием заняты интеллектуалы Индии, определяющие большие социальные общности, в которые входит каждый индивид – коренной житель страны. Результат их работы обозначим ёмким термином Бенедикта Андерсона «воображаемые сообщества», входящим в название его знаменитой книги [1]. Говоря в ней о нациях, он определил признаки подобных конструкторов. Они *воображаемые*, так как каждый индивид не знает большинства своих собратьев по общности, представляемой им как *образ*; они *ограниченные*, так как имеют социальные границы, отделяющие их от других подобных; они *суверенны* (или, по крайней мере, «мечтают быть свободными» от зависимости в собственном государстве), и они *воображаются* как *сообщество*, понимаемое как «глубокое горизонтальное товарищество» [1. С. 46–49]. С этих методологических позиций и будет рассмотрен процесс осознания идентичности мыслителями Бенгальского Возрождения.

Идентичность как *проблема* самоопределения, самостоятельного отнесения себя к конкретным социальным общностям и одновременно определения места своей группы в более широких социальных образованиях, на мой взгляд, возникает только с вовлечением традиционных обществ в процессы модернизации. В этих обществах идентичность в виде отождествления себя с группой / общностью дана человеку вместе с его аскриптивным статусом, а её пересмотр возможен вследствие приобретения маргинального статуса (например, участия в неортодоксальном религиозном движении). Так, в доколониальной Индии решающей была этнокастовая и религиозная идентичность по направлениям и культам, в сравнении с которой региональная или политическая имела намного меньшую значимость, так как была связана с варново-джатным и этнотерриториальным статусом [2]. При этом вторжения извне и войны, возникновение и распад государств и империй не меняли аскриптивной идентичности и не превращали её в проблему, требующую осмысления.

С установлением в Индии британского колониального правления и поверхностным и неравномерным вовлечением традиционного общества разных регионов в процессы модернизации ситуация меняется. Во-первых, складываются условия для постепенного формирования новых видов идентичности, прежде не свойственных социуму (гражданской, социокультурной, общецивилизационной) и трансформации прежних. Во-вторых, идентичность становится *проблемой*, так как новые потенциальные её виды начинают конкурировать с традиционными на фоне целого спектра социальных, культур-

ных, экономических и политических проблем, требующих осмысления и решения со стороны местного населения.

Вызов западной цивилизации обществу Индийского субконтинента актуализирует вопрос «кто мы?»; но для большинства населения ответ однозначно обусловлен их религиозным и этнокастовым статусом, а для прежних и формирующихся новых элит, напротив, ответы неоднозначны и входят в общее проблемное поле, стержнем которого стала проблема «мы и Запад» (Е.Б. Рашковский) [3. С. 134–135]. Из-за привычного социального, культурного и интеллектуального разрыва между элитами и народом первые стали играть доминирующую роль в формировании новых теоретических представлений об идентичности и в их распространении в обществе. Со временем в социальной и политической жизни, особенно в ходе развёртывания массового национально-освободительного движения, обозначенные интеллектуалами виды идентичности становились частью его идеологии.

Истоки формирования представлений об идентичности я связываю с эпохой Индийского Возрождения XIX – начала XX в., обозначая этим общим термином национально-культурные ренессансы в различных регионах Индии, вызванные попытками «творческого меньшинства» (А. Бергсон) дать адекватный Ответ на Вызов Запада и найти пути синтеза собственной социокультурной традиции с наследием и достижениями западной цивилизации. Среди других регионов ведущую и по-своему уникальную роль в этом движении мысли и практики играет самая развитая провинция Британской Индии Бенгалия, и именно в мысли Бенгальского Возрождения [4, 5] наиболее удобно проследить истоки и основные векторы ответа на вопрос о содержании и видах идентичности.

Творческое меньшинство Бенгалии объединило представителей нового формирующегося слоя *бходролок* (букв. «благородный человек», «джентльмен») – людей, получивших английское образование наряду с традиционным (или без последнего) и / или связанных с британцами в управленческой, правовой и экономической сферах. В отличие от ортодоксальных высококастовых индуистских элит, сделавших ставку на приспособление к изменившейся политической ситуации ради сохранения своего статуса, представители творческого меньшинства обладали гибким адогматическим мышлением и способностью критически анализировать изменяющуюся реальность. Именно они генерируют идеи, прямо или косвенно связанные с генезисом новой идентичности, причём делают это с позиций *должного*, продиктованного их новым, неортодоксальным представлением об идеалах и ценностях, которые позволяют обществу преодолеть упадок и начать развиваться, т.е. идти по пути возрождения. Эти *должные* идеи о требующейся народу идентичности ока-

зываются основанием критики современными мыслителями ситуации и выбора целей и перспектив социокультурного и политического развития и уже в этом качестве интегрируются в программы и практику, в том числе политических и иных общественных организаций.

Однако прежде чем представить содержание процесса создания основ идентичности, нельзя не учесть повлиявшие на него факторы. Первый – встреча элит с Западом и его культурой (в том числе благодаря английскому образованию), открытие Другого-дальнего в лице западной культуры и европейцев и преодоление характерной для индийского традиционного общества ксенофобии, замкнутости, закрытости и безразличия к *млеччха* [6. Р. 186–187]. Вторым фактором было знакомство с британской политической системой и обосновывающей её философией и сопоставление с нею политической практики традиционного общества в Индии и британской колониальной политики. Третий фактор – диалог индуизма, ислама и христианства, выстроенный в сознании творческого меньшинства, и благодаря этому открытие универсальности человеческого мира и – Другого-иноверца, что позволило осмыслить полирелигиозный характер индийского общества [7]. Особым фактором оказалось становление и развитие нового исторического сознания, позволившего установить общекультурное и историческое единство субконтинента и обозначить перспективы дальнейшего развития.

Процесс создания основ идентичности в бенгальской мысли являет собой творческое конструирование представлений о принадлежности живущего в Британской Индии человека к некоторому социальному целому и её критериях. Творческий характер задан новизной предлагаемых критериев и их обоснованием; множественность их вариантов, с одной стороны, порождает проблемы, связанные с возможностью бесконфликтного сочетания видов идентичности, с другой – позволяет предвидеть негативное воздействие некоторых трактовок на социокультурные процессы.

Первый этап конструирования (1815–1859 гг.) условно обозначу как время выбора подходов к определению ответа на вопрос «кто мы?». Истоки этого процесса я вижу в трудах родоначальника Бенгальского Возрождения, «отца современной Индии» Раммохана Рая (1772–1833). В 1831 г. в «Кратком очерке древних и современных границ и истории Индии», предварявшем его ответы на вопросы «Избранного комитета» британского парламента о судебной и налоговой системах Индии, он показал как данность *цивилизационное* единство Индии, «в древности называвшейся *Бхарата-Варша*» (букв. «Земля потомков Бхараты») и отделённой от других стран естественными границами гор и океанов. Это единство, по Раммохану, обусловлено религией и культурой: «...обширные пространства управлялись различными властителями, ко-

торые хотя и были *политически независимы* и враждебны друг другу, но придерживались одних и тех же религиозных принципов и в целом соблюдали общепризнанные обряды и церемонии, получали образование на санскрите» [8. Т. I. P. 231]. Однако разнообразные касты и секты «ломали структуру социального и политического единства» и тем самым делали различные области страны уязвимыми со стороны иноземных завоевателей, в том числе мусульманских и английских. Раммохан беспощадно констатировал, что Индия – это «страна, в которой понятие патриотизма никогда не возникало» [8. Т. I. P. 233].

В этой и других работах Раммохан активно употребляет слово «Индия» для обозначения *всего* субконтинента, а не только британских владений, и слово «индийцы» – для его населения (вариант: «народ Индии»); при этом философ имеет в виду и индусов (основную массу населения), и мусульман (см., напр., [8. Т. II. P. 295–298, 389]). Следовательно, он формирует исток подхода к Индии как к культурно-цивилизационному целому, и, соответственно, каждый в ней живущий идентифицируется как индеец, а термины «индус» и «мусульманин» адекватны для религиозной идентификации. Причём разобщённость любого толка не вызывает симпатий Раммохана; признавая многоцветие социальной жизни, он первым поднимает вопрос о любви к стране как основе идентичности.

Его младший современник евразиец Г.В.Л. Дерозиио (1809–1831) в поэзии стал первопроходцем патриотического чувства в *общеиндийском* масштабе (сонеты «Индии – моей родной земле», «Арфа Индии») и определял себя как индеец во времена, когда и региональный бенгальский патриотизм ещё не возник [9. P. 9]. В своих учениках-студентах Хинду Колледжа, входивших в группу «Академическая ассоциация» («Молодая Бенгалия»), Дерозиио видел патриотов, которые смогут направить Индию в будущее. В журналах, редактором которых он был, поднимались вопросы о недопустимости противопоставления друг другу разных религиозных общин Индии, которое присутствует в британской политике, и перспектива объединения в «единую политическую общность» местного населения на основе общих интересов независимо от кастовой или религиозной принадлежности [10. P. 113–115].

Младобенгальцы в русле либерализма развивают патриотически ориентированные представления об Индии как стране, о её истории, говорят об интересах основной массы населения и социально-политических проблемах, употребляя термин «индийцы». На фоне англофильских настроений умеренно-либеральных элит группа выступала с критикой британского правления, исходя из актуальных нужд и страданий многомиллионного народа субконтинента. Идентичность здесь возникает из сопоставления местного населения с

правителями-иностранцами и осознания отсутствия свободы. На открытии «Дешохитойшони Шобха» (бенг. «Общество заботящихся о благе родины», 1841 г.) Шародапрошад Гхош заявил: «Политика наших сегодняшних правителей лишила нас блага политической свободы... Эти джентльмены устанавливают законы для управления миллионами человеческих существ, которые признаны подчинёнными Британской Власти, – не принимая во внимание их мнения о том, какова направленность этих законов, цель которых – способствовать их благосостоянию» [10. Р. 266–267]. Отсутствие свободы и участия народа в управлении наметило *политический* подход к формированию новой идентичности: согражданство, а не британское подданство должно стать основой единства, на котором, по словам Ш. Гхоша, «может быть выстроено могучее здание гражданского и политического величия. Союз необходим для существования нации как политического тела так же, как и для сохранения жизни» [10. Р. 270]. Насколько мне известно из источников по истории индийской мысли, здесь впервые употреблен термин «нация» в европогенном значении согражданства. Императивный проект такой нации, а с нею и идентичности, у Шародапрошада Гхоша включает союз всех жителей страны без различия цвета кожи, вероисповедания, касты, на основе общих политических прав и патриотизма.

Наконец, ещё один подход к социальной идентичности обозначил молодой религиозный реформатор Дебендронатх Тагор, возглавивший реформаторское общество «Брахмо Самадж» («Общество [поклонения] Брахмо (единому Богу)»). По его мнению, проповедь реформированного, строго монотеистического индуизма (религии Брахмо) по всей Индии позволит устранить разногласия и объединить всех в общем братстве (единой религии), благодаря чему «прежние слава и сила Индии возродятся и она... вернёт себе свободу» [11. Р. 40]. Здесь налицо воздвижение сообщества на основе *горизонтального* братства верующих (практически по исламскому образцу), идеи, отвергающей социальную иерархию кастовой системы, однако этот религиозный подход объективно ограничивал формирование общеиндийской идентичности рамками идентичности индуистской, а условием объединения было признание религии Брахмо, которая была незнакома и непонятна основной массе населения и недоступна в силу её изначальной элитарности, заданной основателем Брахмо Самаджа Раммоханом Раем.

Итак, на первом этапе были обозначены подходы к определению самого широкого горизонта идентичности – культурно-цивилизационный, политико-гражданский и религиозный, а в их рамках – критерии общности социокультурной, национально-гражданской (политической) и духовной.

На втором этапе конструирования (1860–1905 гг.) развёртываются смыслы, связанные с новой идентичностью, и обозначение идентичности

здесь становится частью развития индийского национализма – культурного, политического и отчасти религиозного. Оробиндо Поддар специально говорит о появлении в этот период у вестернизированных элит чувства утраты идентичности, осознанной как связь со своим народом и стремление обрести эту идентичность [12. Р. 21]. На вопрос «кто мы?» бенгальские мыслители отвечают: «Мы – нация», поскольку усвоили и приложили прежде неизвестную европогенную категорию к своим реалиям – вместе с соответствующими концепциями, раскрывающими её содержание. Теперь в построениях бенгальских интеллектуалов *национальная* идентичность приобретает основное значение; расхождения касаются содержательной наполненности термина «нация». Здесь проявились все три обозначенных на первом этапе подхода, причём третий сработал неожиданным образом, добавив к двум основным значениям слова «nation» (народ / нация и страна / государство, или же, говоря современным языком, этнонация и согражданство) третье, которого в западной мысли не было в помине, – по религиозному критерию, т.е. в качестве нации – религиозной общности, соотношенной с территорией континента, на котором она обосновывалась с древности.

Если значение «нация-согражданство» уже чётко обозначили представители либеральной мысли младобенгальцы, то с развитием в последние десятилетия XIX в. консерватизма бенгальские элиты всё более гордятся индийской культурой и историей, также среди них наблюдается повышенное внимание к собственным ценностям и институтам, при этом последние преимущественно связаны с индуизмом. Так, основанное брахмоистом Раджнарайоном Бошу в 1867 г. общество «Хинду (Джати) мела» («Индусское (Народное) собрание») стало одним из проявлений растущего культурного национализма, который возник в ответ на множественные влияния европейской культуры на бенгальские элиты. «Это была, пожалуй, первая попытка воплощения идеи Матери-Индии как идеи национально-религиозной, – вспоминал Р. Тагор. – ...Пение песен, возвеличивающих родину, декламация патриотических стихов, выставка произведений национальных искусств и ремёсел, поощрение национальных талантов – вот что составляло программу этой Мела» [13. Т. XII. Р. 88]. Сходные процессы шли и в мусульманской общине («Национальная мусульманская ассоциация» в Бенгалии (1877)) [14]. Однако чётко определить содержание термина бенгальцы не стремятся.

Писатель и учёный Бонкимчондро Чотгопаддхай (1838–1894), как замечает Партха Чаттерджи, не пытался определить границы индийской нации изнутри: он использует термины «бенгальцы», «индусы» и «индийцы» (*бхаротборшийо*) [15. Р. 69]. В его публицистике и исторических романах термины «индийцы» и «индусы» встречаются как синонимы, и главным изъяном

соотечественников он полагает недостаток стремления к свободе – отсюда их безразличие к тому, кто ими правит, и неразвитое национальное сознание. Он указывает в качестве порока индуистского общества отсутствие солидарности из-за кастовой системы и дискриминации высших каст в отношении шудр, из-за многочисленных национальных языковых и религиозных различий в Индии. «Мы – нация, находящаяся в подчинении», – говорит Бонкимчондро и считает возможной солидарность и интеграцию по образцу британской нации [16. Р. 58, 68]. Благодаря английскому образованию индийцам стало известно и стремление к свободе (*шотонтонприято*), и становление национальности (*джатинпротиштво*) [5. Р. 113]. Впоследствии в романе «Обитель радости» («Анондоматх») писатель воздвиг индуистски окрашенный символ идентичности – Родину-мать в облике богини Дурги и создал песню, ставшую национальной песней Индии, – «Банде Матарам» [5. Р. 120–124].

Другой писатель и социолог Бхудеб Мукхопадхай, несмотря на консервативные воззрения, был сторонником нациестроительства по модели нации-государства. У него объединяются признание сочетания религиозной идентичности представителей разных общин с их принадлежностью к духу и культуре Индии, даже если по вере и социальным ценностям они не-индусы [17. Р. 99–100]. Идентичность, которая должна со временем выработаться у народов Индии, – это идентичность гомогенной нации. Сходная идея нации-государства присутствует и у брахмоистов; их лидер Кешобчондро Сен постоянно говорил об индийском единстве в политическом аспекте и предпочитал термин «индийский» всем другим при определении идентичности.

В 1881 г. Раджнарайон Бошу использовал термин «нация» в религиозно-территориальном значении, чем отдал приоритет общинной идентичности: «Мы должны взаимодействовать с мусульманами и другими индийскими *нациями* в политических и других делах, насколько это полезно, подобно фермеру, обрабатывающему определенный участок, а не всю страну, *у нас должно быть индусское общество как наше частное поле*» (здесь и далее курсив мой. – Т.С.) [18. Р. 475]. В этом смысле, отождествляя религиозную общину (очень неоднородную в масштабах субконтинента) с обществом, Р. Бошу оказался предтечей печально знаменитой «теории двух наций» и индусского национализма и экстремизма XX в.

Спустя десятилетие философ Свами Вивекананда (1863–1902) термином «нация» (а также «раса») стал обозначать различия народов по идеалу, преобладающему действию и методу [19. Р. 171, 179, 181, 314] и иногда говорить об «индусской нации», отождествляя национальную и религиозную идентичность [19. С. 248]. Её идеал – религия, «одно-единственное занятие в жизни», идеал, построенный на отречении, бесстрашии и любви [19. Р. 177–178, 204–205]; так-

же это исток энергии и силы для решения насущных социальных проблем и развития в будущем: «Индус может понять даже политику, если она дана ему через религию; социология должна прийти через религию, всё должно прийти через неё» [19. Р. 314] – это для него единственное основание и метод действия, и Вивекананда не видел опасности в том, что любая деятельность в полирелигиозной стране будет иметь религиозную форму. Само конструирование нации по религиозному признаку по умолчанию проводит социорелигиозную границу между «воображаемым» религиозным сообществом и общинами иноверцев и тем самым исключает их из общего «горизонтального» товарищества.

Между тем идея нации как общности социальной, гражданской и, возможно, политической, объединяющей всех жителей субконтинента, впервые обозначенная Р. Раем и младобенгальцами, во 2-й половине XIX в. получила оформление в идеях созданного в 1885 г. Индийского национального конгресса. Факт появления этой партии сыграл значимую роль в конструировании либерального политического общиндийского национализма на секулярной основе и соответствующей ему идентичности.

Ещё до её основания один из будущих отцов-основателей партии Сурендронатх Банерджи (1848–1925), выступая на собрании Индийской студенческой ассоциации в Калькутте 16 марта 1878 г., размышлял об индийском единстве. Последнее должно свершиться в современную ему эпоху – не без деятельного участия Англии, чья миссия – «помочь движению к осуществлению индийского единства, примирить неприятные конфликты разных индийских национальностей и сблизить их, вызвать в них чувство братства» [20. Р. 214]. Заведомо называя всех индийцами и говоря о «нашей стране», С. Банерджи указывал и на разобщённость, различия и неумение объединяться ради общих интересов её народов. С одной стороны, индийское единство как «интеллектуальный, моральный и социальный союз индийских народов» – это «мечта, химера, призрак взволнованного *воображения*», и её нетрудно опровергнуть обращением к истории страны и общей картиной народов, разделённых языками, религией, образом жизни, обычаями и т.п. [20. Р. 216]. Особенно примечательно, что молодой политик подчёркивал *условность и искусственный характер* понятия «индийское единство», но при этом был убеждён, что говорить о нём возможно и *полезно* в практическом смысле, так как многие современные страны (европейские!), населённые столь же различающимися друг с другом народами, *создали* это единство – как Швейцария, Бельгия, Германия, Италия. Поэтому, с другой стороны, предлагаемое С. Банерджи «национальное единство» – единство большого общества с религиозными, лингвистическими, национальными и иными различиями, которые не только

в перспективе могут объединиться, но и объективно вовлечены в этот процесс техническими, экономическими, образовательными и иными каналами коммуникации. По сути, С. Банерджи описывает обстоятельства, при которых мысленный артефакт «воображаемого сообщества» становится реальностью в эпоху модернизации, и в него входят разнoverующие и говорящие на разных языках народы регионов. Он акцентирует социальную, правовую и политическую пользу объединения, поскольку у народов есть общие интересы, потребности, проблемы и «обиды» (в колониальных условиях), но не менее важно объединение и в интересах прогресса нации [20. Р. 228].

Сурендронатх предложил тогда и решение проблемы различия религиозных общин внутри, как он сам назвал, «большого Индийского сообщества» [20. Р. 230]. Речь идёт об основном «принципе индийского единства», который «нет нужды заново изобретать» – он уже создан основателем сикхизма гуру Нанакм, проповедовавшим эту доктрину для объединения индусов и мусульман под знаменем новой веры; этот успешный опыт «мира и доброй воли» следует освоить всем общинам и группам внутри сообщества [20. Р. 229–230]. Он заключает: «Между нами возможны религиозные различия. Между нами могут быть различия социальные. Но есть и общая платформа, где мы могли бы собраться, платформа благосостояния нашей страны. Есть общее дело, которое может связать нас вместе, – дело Индийского прогресса ... Во имя общей страны все мы – индусы, мусульмане, христиане, парсы – члены большого Индийского сообщества – предадим забвению наши обиды и разногласия прошедших лет и соединимся в братской любви и чувстве, и будем жить и трудиться во благо любимого Отечества» [20. Р. 230].

Светский и надобщинный характер этой концепции особенно важен, и С. Банерджи впоследствии всячески её защищал и немало способствовал продвижению её в идеологии Конгресса. По его мнению, последний свидетельствует о величии нации, а значит – всей Индии, в которой собраны вместе все элементы индийской национальности. Политик подчёркивал светский характер партии («Конгресс объединённой Индии») [20. Р. 15] и мыслил его как общую политическую платформу для всех индийцев, стремящихся отстаивать свои интересы.

Множественность трактовок идентичности, связанная с пониманием термина «нация», на втором этапе конструирования отразила неоднозначность и потенциальную конфликтность формирования социальной идентичности «сверху», от интеллектуальных элит и, по сути, поставила вопрос о возможности их сочетания как проблему социокультурную и политическую. Интеллектуалы уже привычно мыслят Индию как большое общество; это её географические, социальные и культурные границы вмещают «воображаемое

сообщество», важнейшим социальным смыслом которого фактически оказывается постоянное соотнесение с живущими в ней Другими. Вопрос только в том, чтобы найти общность, конституирующую основу «большого общества» Индии, и чаще всего за неё принимается религиозная общность индуистов, хотя проблема и слабое место этого допущения – в искусственной природе сообщества индуистов / индусов, которую столь же легко оспорить, как и подтвердить, а также в исключительном разнообразии всех групп, объединяемых под именем одной религии.

На **третьем этапе конструирования** (1905–1919 гг.) интеллектуалы выстраивают своеобразную модель должной социальной идентичности и представление об обществе, на которые следует ориентироваться каждому жителю Индии. Этот процесс происходит в контексте подъёма национально-освободительного движения после раздела Бенгалии (1905 г.) во всех регионах Индии и усиления радикально настроенных групп в ходе борьбы за самоуправление (*сварадж*). Движение *свадешии* (букв. «своя земля», движение за развитие местного индийского производства) особенно ясно обозначило и обострило конкуренцию двух представлений об идентичности – общеиндийской гражданской и религиозно-националистической, иногда с их отождествлением. Религиозная идентичность восходит к построениям Бонкимчондро Чоттопаддхая и идее Вивекананды о выражении политики языком религии в Индии – «земле индусов».

Вместе с тем раздел Бенгалии обострил и региональную бенгальскую идентичность, воплощённую в протестном движении 1905–1911 гг. Показательно, что в поэзии Р. Тагора тех лет сосуществуют два образа: Матери-Бенгалии и Матери-Индии (в этом он продолжает линию бенгальского поэта М.М. Дотто), сочетая региональную и общекультурную идентичности.

В ходе создания модели обозначилось три вектора конструирования идентичности (по критерию убывания в неё религиозного компонента).

Первый вектор – преобладание индусской религиозно-политической идентичности, символом которой стало поклонение богине-матери, отождествлявшейся с Родиной – прежде всего в радикальных тайных обществах, использующих тактику террора. Вектор имеет традиционалистский характер с чёткой тенденцией ревайвализма – возрождения веры. Проникновение этой идентичности в идеологию *свадешии* сработало на отчуждение мусульман от индусов и на возможность для колониальной власти обозначить движение как сугубо индусское и угрожающее благополучию мусульманской общины. Этот вектор как широко распространённый среди участников политического движения отметил политик и философ Абул Калам Азад, которому в начале XX в. в Бенгалии приходилось доказывать соратникам по тайному обществу,

что мусульмане в целом не являются их врагами и их надо привлечь на свою сторону, чтобы не вызвать затруднений в борьбе за политическую свободу. «Фактически все революционные группы, – пишет Азад, – были тогда настроены активно антимусульмански. Они видели, что правительство Великобритании использовало мусульман в целях подавления освободительной борьбы в Индии, и мусульмане играли на руку правительству», которое из-за пробуждения политического сознания среди индусов не могло «полностью доверять ни одному чиновнику-индусу в борьбе против революционной деятельности» и привезло из других провинций чиновников-мусульман для пополнения разведывательного отдела полиции. В результате у индусского населения Бенгалии создалось впечатление, что мусульмане как таковые были противниками политической свободы и настроены против индусской общины [21. С. 37–38]. В ответ у мусульманских элит Восточной Бенгалии возникает лозунг «сваджати» («своя община»), призывающий к противостоянию с индусами.

В попытке выстроить общенациональную индийскую идентичность по образцу индуистской, но на основе любви к общей Матери-Индии проявился **второй вектор**. Эта внутренне противоречивая позиция ярко выражена у политика, поэта и впоследствии философа Ауробиндо Гхоша (1872–1950). «Страна – это основа национализма (jātiyata), а не народ (jāti), не дхарма (религия), не что-либо ещё – только страна, – начинает он статью “Страна и национализм” (1909). – Остальные составляющие подчинены ей и служат поддержкой, и только страна важна и существенна» [22. Р. 124]. Создание единства, сильной нации на этой основе – это и постоянное стремление, и цель; ей препятствуют региональные различия, индо-мусульманский конфликт и отсутствие восприятия страны как Матери для всех, кто в ней живёт, но не иллюзорного образа Матери индуистов или индуистского национализма [22. Р. 125]. А. Гхош говорит о гражданах Индии / индийцах, о национальном возрождении, но содержание последнего трактует как возрождение арийского знания, образования, идеала, характера и отношения к жизни [22. Р. 107–108], упуская из вида, что всё это может не быть близко мусульманам, христианам, населению дравидского Юга.

Третий вектор представляет идею синтеза множественных идентичностей в одной общеиндийской, объединяющей культурные, политические и социальные аспекты. Наиболее обоснован этот вектор у бенгальцев-конгрессистов, как «умеренных» (Сурендронатх Банерджи), так и «крайних» (Б. Пал). Пример Пала Бипинчондро особенно показателен: отдав дань индуистским символам единства и идентичности в ранних трудах (так, вождя маратхов Шиваджи он называл «истинным националистом»), он предложил концепцию «новой индийской нации», где подчеркнул, что новая Индия отличается от древней

своим поликультурным характером. В ней сосуществуют пять великих общин, представляющих пять великих мировых культур – индусы, зороастрийцы, буддисты, мусульмане и христиане. Поэтому нациестроительство подразумевает конвергенцию всех народов страны на основе «современного идеала» при сохранении самобытности культур [23. Р. 261]. Показательно, что эту концепцию он предлагает в работе «Брахмо Самадж и национализм» постулирует её связи с идеалами Раммохана Рая, который «желал ...получить для индийского народа право войти в широкий мир современного человечества, на основе его законных прав и высокого достоинства» [23. С. 260].

С этого времени появляется важная идея об Индии как «единстве в многообразии». Подобный термин ещё в XIX в. предложил Кешобчондро Сен, говоря о духе Азии, которая противится единообразию (uniformity), но объединяет разнообразное и несходное (unity in variety), – им мыслитель предложил описать «отсутствие ограниченности» [24. Р. 503]. Затем Свами Вивекананда обозначил «поиск единства в многообразии» (unity in diversity) как открытие мудрецов древней Индии [19. Т. V. Р. 519]. В 1904 г. об этом «внутреннем убеждении Индии найти единое во многом» заявил Рабиндранат Тагор (1861–1941), как о способности не доводить различия до конфликта и признавать всё, что есть великого в любой культуре и народе [25. Р. 65]. Именно поэтому индуисты и буддисты, мусульмане и христиане нашли гармонию на земле Индии.

Эти три вектора, равно как и социально-политические процессы, происходившие в Индии, показали противоречия и опасности, связанные с некритическим перенесением индийской идентичности на одну – крайне неоднородную, хотя и составляющую большинство – религиозную общность, в полирелигиозной стране, которая находится в колониальной зависимости. С предупреждением об опасности выступил Р. Тагор и в беллетристике (романы «Дом и мир», «Четыре части»), выступлениях и публицистике.

Тагор выдвинул идею «Большой Индии» (Greater India), которая, с одной стороны, уже существует в истории как родина для всех, кто в ней жил и кто в неё пришёл извне, и как место встречи народов и культур, а также цель для всех: такую Индию нужно построить и развивать [25. Р. 131, 139, 140]. Его позиция объединяет несколько ключевых положений.

1. Основой идентичности должно стать развитие сознания того, что «мы живём в единой стране и представляем собой единый народ, что и в радости и в горе судьба наша едина, и мы не будем процветать, пока не станем считать друг друга близкими и не сплотимся» [13. Т. IX. С. 171].

2. Сознанию общеиндийского единства всех рас, народов и культур препятствует религиозный национализм, который Тагор называет «возрождением индуизма», чреватым не только консервацией традиционных форм жизни

и поведения и страданием людей, но и межобщинным расколом [13. Т. IX. С. 199–200, 165–167].

3. Главная опасность на пути к единству – сепаратизм по всем направлениям: и между общинами, и между социальными слоями, что не позволяет объединить усилия в конструктивной социальной, культурной и политической деятельности [13. Т. IX. С. 183–187].

4. Основное средство достижения единства национального сознания, по Тагору, – только конструктивная деятельность на благо людей и страны, объединяющая элиты и народ, группы с различными позициями, разноверующие общины.

Обращаясь к идеям Р. Тагора при рассмотрении проблем современной индийской идентичности, Амартья Сен называет его вместе с М.К. Ганди выразителем общей идеи всеобъемлющей и всепринимавшей индийской идентичности, в которой есть место всем: «Полезно помнить замечательное требование Рабиндраната Тагора, сделанное в письме Ч.Ф. Эндрюсу в 1921 г. о том, что сама “идея Индии” свидетельствует “против жгучего отделения одного нашего народа от других”, так как противостоит и представлению об Индии как смешении разделённых и отчуждённых культур и общин, жёстко разграниченных религией, или кастой, или классом, или языком и местом проживания, и, во-вторых, против чувства отдалённости индийцев от других народов». Это требование Тагора включает в себя послание интеграции – внутренней и внешней – и предлагает инклюзивную форму для самой идеи индийской идентичности» [26. Р. 349].

Динамика процесса конструирования социальной идентичности бенгальскими мыслителями показывает, что с самого начала утверждается и развивается её широкое понимание как принадлежности к большому сообществу в масштабах субконтинента с осознанием социокультурной и религиозной неоднородности его областей и регионов. Проблема идентичности решается приложением имён «индийцы», «народ Индии» и «нация» к большим социальным общностям – и эти имена представляют собой «артефакты» – образы, наполняемые содержанием. Фактически эти термины заимствованы из-за отсутствия в традиционном обществе максимально широкого самоназвания, однако их содержание являет собой синтез полученного в сопоставлении с Западом представления о народе, населяющем субконтинент, как общности культурно-цивилизационной, с образами собственной культуры, общества, истории, традиций, религий. Внешние термины «нация» и «народ» творчески прилагаются к «большому» сообществу, отличному от других подобных и объединённому общими идеалами. Однако на вопрос о содержании этих идеалов однозначного ответа бенгальские интеллектуалы не дали: одни выводили

ли их из духовной традиции индуизма, другие – из цивилизационно-исторического опыта разных народов, выработавших способность к сотрудничеству и гармонии, третьи – из особенностей духовной культуры.

Теоретическая концепция социальной идентичности для всей Индии – результат конструирования, который мыслители Бенгальского Возрождения выстроили с позиций должного. Доминирующим подходом к определению идентичности утвердился культурно-цивилизационный и гражданский («мы – индийцы»), однако была постулирована важность духовного единства людей, воспитанных в духовно-культурной среде субконтинента. Первоосновой национальной идентичности должна быть нация как согражданство, в котором объединены разные расы, народы, культуры, религиозные общины. Методом критического исключения теоретически отвергается индуистская религиозная идентичность как основа общеиндийской идентичности, но как исторический исток и основа индийской культуры, духовности и толерантности она остаётся – вместе со скрытой тенденцией политизации религиозной идентичности на практике. Задачей общеиндийского масштаба становится развитие общекультурной идентичности на основе единства, через конструктивную деятельность всех групп, общин и народов.

Вместе с тем остаются нерешённые вопросы практического свойства.

1. Как должны сочетаться разные идентичности (религиозная, этническая, региональная и др.)?

2. Как избегать опасности религиозного национализма в политической и социальной жизни?

3. Каким образом транслировать созданную модель общеиндийской идентичности и воспитывать в этом духе народы страны при имеющемся разрыве между элитами и народом? Последняя зависит не только от умения элит донести этот идеал до масс, но и от уровня их образования и развития вместе с преодолением традиционных установок сознания, что было и остаётся насущной проблемой Индии. Но эти вопросы представляют собой одновременно уроки, данные в наследии бенгальской мысли. Так или иначе, именно к наследию Бенгальского Ренессанса восходит концепция общеиндийской секулярной гражданской идентичности, которая при всех противоречиях была интегрирована в идеологию и политику ИНК и позже – в основу светской Конституции Индии.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева; под ред. С.П. Баньковской. М., 2016. 416 с.

2. Успенская Е.Н. Антропология индийской касты. СПб., 2010. 558 с.
3. Рашковский Е.Б. На оси времен. Очерки философии истории. М. : Прогресс-Традиция, 1999. 208 с.
4. Dasgupta Subrata. Awakening: The Story of the Bengal Renaissance. L. : Noida, 2011. 484 p.
5. Dasgupta Subrata. The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore. Delhi, 2012. 280 p.
6. Halbfass W. India and Europe. An Essay of Philosophical Understanding. Albany, 1988. 604 p.
7. Скороходова Т.Г. Триалог индуизма – ислама – христианства в сознании мыслителей Бенгальского Ренессанса: процесс и результаты // Восток. Афро-азиатские сообщества: история и современность. 2016. № 2. С. 73–83.
8. Roy Raja Rammohun. The English Works : in 4 v. / ed. by J.C. Ghose. New Delhi, 1982. 978 p.
9. Kar Samit. The Legacy of Derozio, a Messiah of Bengal Renaissance // West Bengal. May 2008. P. 8–16.
10. Bengal: Early Nineteenth Century. Selected Documents / ed. by G. Chattopadhyaya. Calcutta, 1978. XIX, 281 p.
11. Tagore Devendranath. The Autobiography. Transl. from Original Bengali by Satyendranath Tagore and Indira Devi. Calcutta, 1909. 195 p.
12. Poddar A. Renaissance in Bengal. Search for Identity. 1860–1919. Simla, 1977. 252 p.
13. Тагор Рабиндранат. Собрание сочинений : в 12 т. / пер. с бенг. и англ. М. : Худож. лит., 1961–1965.
14. De Amalendu. Roots of Separatism in Nineteenth Century Bengal // Essays in Honour of Professor Susobhan Chandra Sarkar. New Delhi, 1976. P. 319–357.
15. Chatterjee Partha. Culture and Power in the Thought of Bankimchandra // Political Thought in Modern India / ed. by T. Pantham, K.L. Deutch. New Delhi, 1986. P. 67–91.
16. Chatterjee Bankim Chandra. Sociological Essays; Utilitarianism and Positivism in Bengal / ed. by S.N. Mukherjee, M. Maddern. Calcutta, 1986. 206 p.
17. The Bengali Intellectual Tradition: From Rammohun Roy to Dhirendranath Sen / ed. by A.K. Mukhopadhyay. Calcutta, 1979. VIII, 288 p.
18. Studies in the Bengal Renaissance / ed. by A. Gupta. Calcutta, 1958. 620 p.
19. Vivekananda Swami. Complete Works : in 9 v. 12th ed. Mayavati, Almora, 1998–2001.
20. Banerjea Surendranath. Speeches and Writings. Madras, (n. d.) [between 1917–1925].
21. Азад Абул Калам. Индия добивается свободы / пер. с англ. М., 1961. 248 с.
22. Aurobindo Sri. The Complete Works. Vol. 9: Writings in Bengali and Sanskrit. Pondicherry, 2017. 715 p.
23. Saggi P.D. Life and Work of Lal, Bal and Pal. Delhi, 1962. VI, 463 p.
24. Sen Keshub Chunder. Lectures in India. Calcutta, 1954. XI, 551 p.
25. Tagore Rabindranath. Towards Universal Man. Bombay etc., 1961. IX, 387 p.
26. Sen Amartya. Argumentative Indian. Writing on Culture, History and Identity. L., 2005. 409 p.

The genesis of social identity in a modernizing India: the legacy of social thought of the Bengal Renaissance

Skorokhodova T.G., Penza State University (Penza, Russia). E-mail: skorokhod71@mail.ru

doi: 10.17223/9785907442566/10

Abstract. The question of social identity as the core of the process of self-determination of society in modernizing India was first raised by representatives of the intellectual elites of the Bengal Renaissance. The article describes the process of constructing a social identity for the population of India as the “imaginary community” (according to Benedict Anderson), which is thought to be the unifying principle for the entire diversity of peoples and communities of the subcontinent. The dynamics of the process shows the development of a theoretical understanding of India's “big society” as a cultural, civilizational and social “unity in diversity”. However, differences in approaches to determining the common basis of unity give rise to contradictions between religious, civil and cultural identities when they are translated into the practice of social life.

Key words: self-determination; social identity; Bengali Renaissance; “imaginary communities”

Ольга Валерьевна Устюжанцева *

Развитие стартапов в Индии

Аннотация. Успехи Кремниевой долины США в генерировании прибыли за счет бурно развивающихся стартап-компаний уже многие годы привлекает внимание правительств различных стран. Стартапами могут быть небольшие компании, но они играют важную роль в экономическом развитии страны. Они создают больше рабочих мест, что означает увеличение занятости, а также способствуют экономическому динамизму, стимулируя инновации и конкуренцию. Стартапы являются индикатором инновационности экономики, отражающим потенциал инновационного роста. Многие развитые страны уже сформировали свои стартап экосистемы, к этим процессам подключаются и развивающиеся страны. Начиная с 2000-х гг. Индия приступила к формированию национальной инновационной системы, развивая инновационную инфраструктуру и формируя необходимые для создания новых технологий и инноваций связи между промышленностью и научно-образовательным сектором. Однако стартапы появились в фокусе инновационной политики правительства Индии недавно, с приходом к власти нового правительства Бхаратия Джаната Парти с Нарендрой Модии во главе. Новое правительство активно включилось в создание стартап системы страны, преследуя основную цель – развитие инновационного предпринимательства во всех отраслях экономики. Одной из важнейших задач правительство Модии видит масштабирование успеха Индии в сфере информационных и телекоммуникационных технологий на такие области, как медицина и здравоохранение, строительство и сельское хозяйство. Тем самым правительство рассчитывает обеспечить устойчивый экономический рост страны и крупномасштабную занятость. Правительство Модии взяло на себя роль основного драйвера формирования стартап экосистемы, выделяя существенные средства на развитие венчурного финансирования, обеспечение эффективного взаимодействия вузов и промышленности в инновационной сфере, а также создания физической инновационной инфраструктуры, включая инновационные парки, бизнес-инкубаторы и центры передовых технологий. Различные регионы Индии также включились в данные процессы и разработали свои программы по созданию и развитию стартапов. Данный материал дает обзор состояния стартап-индустрии Индии, основных программ по развитию стартапов в различных областях экономики. В статье очерчен круг основных проблем, с которыми сталкивается Индия в процессе создания стартап-экосистемы. Несомненно, феномен быстрого роста стартапов Индии требует более глубокого исследования, особенно ввиду довольно долгой истории инновационного развития Индии, насчитывающей уже почти тридцать лет.

Ключевые слова: стартап; инновационная политика; Индия

* *Устюжанцева Ольга* Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: olgavust@gmail.com

Первые стартапы появились в Индии в 1990-х гг. в период либерализации индийской экономики. Это связывают с обратной миграцией профессионалов в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые возвращались из США и Европы, приобретая опыт работы в стартапах Кремниевой долины, а также связи и контакты в этой сфере. В начале 2000-х гг. началась вторая «волна» стартапов, которая пришлась на эру доткомов¹. Стартапы Индии стали работать не только в сфере производства программного обеспечения (ПО), но и в электронной коммерции, логистике и рекламном бизнесе.

Научно-технологическая и инновационная политика Индии, принятая в 2013 г. [1], была одобрена новым правительством Моди, пришедшим к власти в 2014 г. А в январе 2016 г. был объявлен запуск крупномасштабной программы «Стартап Индия, Стэнд ап Индия» [2], цель которой – создать стартап-экосистему в Индии, обеспечить устойчивый экономический рост и крупномасштабную занятость. Авторы программы утверждают, что молодежь сама по себе склонна к рисковому предпринимательству и все, что нужно для имплементации ее идей, это эффективная экосистема.

Одним из основных направлений программы является распространение стартап-движения из сферы ИКТ в другие сектора – в сельское хозяйство, производство, социальный сектор, здравоохранение, образование и т.п. Осуществить это предлагается через упрощение процедур регистрации стартапов, обеспечение финансовой поддержки и инкубации стартапов через сотрудничество академического сектора и промышленности.

В рамках программы были предприняты меры по обеспечению налоговых льгот для стартапов. Важным нововведением стала разработка схемы релокации капитала и ресурсов в случае провала стартапа, чтобы предприниматель мог продолжать работать по возможным новым идеям. Вводится система страхования венчурного инвестирования, чтобы стимулировать банки инвестировать в стартапы. Планируется создание Фонда фондов с начальным капиталом 375 млн долл. и ежегодным наращиванием капитала фонда в течение четырёх лет также по 375 млн долл. Финансирование будет осуществляться Фондом совместно с другими венчурными фондами, зарегистрированными в Индии. В создании институциональной инфраструктуры стартап-экосистемы² планируется вовлекать индийский частный бизнес и вузы. Инфраструктура будет включать в себя частные бизнес-инкубаторы, стартап-центры и технологические бизнес-инкубаторы, созданные на базе национальных вузов, а также исследовательские парки, открытые на базе индийских технологических вузов. Все эти меры призваны обеспечить кооперацию вузов и промышленности.

Всего к концу 2016 г. было внесено семь предложений о создании исследовательских парков, 15 предложений по открытию технологических и инно-

вационных парков и 14 предложений создания стартап-центров. При этом информация о том, кто инициатор этих предложений – частный бизнес, вузы или государственные организации, в отчете по итогам реализации программы не уточняется.

Кроме правительства Индии свои программы развития стартапов опубликовали другие различные организации. Программа Департамента по науке и технологиям – Национальная инициатива по развитию и использованию инноваций (NIDHI, National Initiative for Development and Harnessing Innovations) [3]. Ее цель – превращение идей и инноваций в успешные стартапы. Для этого планируется проведение конкурсов (скаутинг-идей), поддержка превращения идеи в прототип (через специальные центры развития и акселерации инноваций, а также фаблабы³). На создание прототипа планируется выделять грант по 1 млн рупий), помогать выпускникам становиться предпринимателями (через систему наград и поощрений талантливых идей), стимулировать студентов создавать стартапы (через акселераторы и начальную финансовую поддержку), конвертировать инновации в стартапы на базе технологических бизнес-инкубаторов и там же осуществлять продвижение стартапов для прохождения всех фаз привлечения венчурного финансирования. Кроме того, предполагается создание центров передовых технологий, которые будут обеспечивать стартапы оборудованием и технологиями для улучшения продукции и доведения ее до мирового уровня. Участниками программы являются индийские правительственные организации и министерства, академические и финансовые учреждения и крупные ТНК.

Всеиндийский совет по техническому образованию также запустил программу «Стартап политика 2016» [4]. Цель программы – выявлять креативных студентов и превращать их в стартап-предпринимателей. Достигнуть этой цели планируется посредством реорганизации учебных планов с фокусом на стартап-индустрии с привлечением экспертов из бизнеса, венчурных фондов и правительства для выработки этих образовательных программ. Студенты будут проходить интенсивное обучение не только в кампусе, но и в различных организациях, бизнес-инкубаторах, курсах МООС⁴. Предполагается, что выпускники этой образовательной программы смогут вместе со степенью получить места в технологических парках и инкубаторах для дальнейшего развития своих инноваций. Однако получить все это студенты смогут не только сдав экзамены и написав выпускную работу, но и обеспечив выполнение по крайней мере двух из нижеперечисленных требований: привлечение 100–500 тысяч рупий венчурных инвестиций; обеспечение по крайней мере пяти рабочих мест; 500 тысяч рупий кумулятивной прибыли; студенческий стартап должен подать на регистрацию индийского или международного патента.

Несколько штатов также разработали программы по развитию стартапов в своих регионах. Например, Раджастан объявил о создании 500 стартапов в следующие пять лет, для чего планируется открытие 50 инкубаторов во всем штате. Для этих целей штат собирается выделить 5 млрд рупий в следующие пять лет [5]. Карнатака планирует создать как минимум 25 технологий для решения социальных проблем штата, а также 2 000 стартапов, занимающихся технологическими инновациями, и 600 стартапов, основанных на разработке новых продуктов. Планируется создать 1,8 млн рабочих мест в штате [6].

Агрегирование и оценка результатов разработанных программ – задача для комплексного исследования, что выходит за рамки данного информационного материала.

Венчурное финансирование

В 1990-х гг. правительство Индии создало Комитет по развитию технологий для инвестирования в компании, развивающие местные технологии или адаптирующие иностранные технологии. Комитет обеспечивал также посеваемыми фондами инкубационные технологические компании. 80% средств шло на займы, 13% – на гранты, 5% – на участие в Программе индийских технологических венчурных компаний и 1% – в акции венчурных компаний. За период с 1996 по 2010 г. было подписано 233 соглашения на общую проектную стоимость 34,12 млрд рупий [7].

В настоящее время Комитет занимается также венчурным финансированием через сотрудничество с другими венчурными фондами. Участие государственной организации в венчурном финансировании придает частным инвесторам уверенности в работе с инкубационными компаниями. В 2014–2015 гг. Комитет сотрудничал с 12 венчурными фондами и обеспечил инвестиции в размере 3,1 млрд рупий. Фонд посевного финансирования, которым распоряжается Комитет, поддерживает 15 технологических бизнес-инкубаторов и научно-технологических предпринимательских парков. Комитет работает практически во всех отраслях экономики и фокусируется на поддержке микро-, малого и среднего бизнеса (ММСБ).

В 2005 г. Комитет начал реализовывать Систему посевной поддержки, предоставляя финансовую поддержку стартапам в 36 технологических бизнес-инкубаторах и научных и технологических предпринимательских парках. Тем не менее в структуре финансовых инструментов Комитета преобладают займы (8 560 млн рупий в 2015 г. было предоставлено в качестве займов, 2 130 млн – в качестве венчурных инвестиций). Основные отрасли инвестирования – медицина и здравоохранение, инжиниринг, дорожный транспорт.

В год по всем перечисленным программам тратится около 100 млн долл., которые распределены между множеством компаний и проектов, в связи с чем финансирования хватает только на проекты средней технологичности [8].

Государственное финансирование в рамках представленных программ централизовано и по пути к компании проходит массу бюрократических этапов, что особенно затрудняет доступ к ним со стороны компаний ММСБ. Зачастую процедуры по получению финансирования способны пройти только дочерние компании крупных концернов (как, например, дочерние компании концерна Tata). Таким образом, государственная поддержка технологической деятельности ММСБ и стартапов, в частности в период до 2014 г., была недостаточна по объему финансирования.

Бизнес-ангелы также финансируют инновационные проекты стартапов, но кроме финансовой поддержки, оказывают еще менторскую и консультационную помощь. Согласно данным Сети индийских ангелов, в Индии действуют 200 бизнес-ангелов. В 2011 г., будучи ограниченными регулированием, затрудняющим для них инвестирование и выход из проекта, бизнес-ангелы инвестировали на сумму примерно 20 млн долл. в 50 проектов (для сравнения: в Канаде в тот же год было инвестировано 390 млн долл.). Инвестирование на начальной стадии составило 7% от всех проектов (в США – 75%). Венчурное инвестирование проектов на ранних стадиях в 2010 г. составило 240 млн долл. (для сравнения: в Китае – 700 млн долл.). Около 90% венчурных фондов – не индийские, хотя по количеству зарегистрированных в Индии фондов преобладают индийские [9].

Венчурные частные инвестиции увеличились с 500 млн долл. в 1998 г. до 19 млрд долл. в 2008 г. Однако менее 5% таких инвестиций идут в стартапы на ранней стадии. Сам объем стартапов в Индии был невелик – около 100 стартап-компаний общей стоимостью 17 млн долл. Если в США стартапы поддерживают свыше 1 млн бизнес-ангелов, то в Индии – не более 300 активных бизнес-ангелов (данные на 2011 г.) [10]. Статистика по количеству венчурных инвесторов до 2014 г. не доступна, но, согласно данным NASSCOM количество активных инвесторов выросло более чем в 2 раза за год: с 220 в 2014 г. до 490 – в 2015 г. Основными инвесторами являются глобальные компании и фонды. Иностранные инвесторы остаются самым крупным источником венчурного финансирования в Индии.

За весь период с 2010–2014 гг. финансирование стартапов составило всего 3,2 млрд долл. За год, с 2014 по 2015 г., финансирование выросло на 125%, с 2,2 млрд долл. в 2014 г. до 4,9 млрд долл. в 2015 г. (таблица) В 2014 г. финансирование получило 179 стартапов, в 2015 г. – 390. В 2015 г. было совершено 65 сделок по слиянию и приобретению (M&A) на общую сумму почти 800 млн долл. [11].

Венчурное финансирование в Индии по фазам

Год	Посевное финансирование (средний размер сделки), млн долл.	Ранняя фаза (средний размер сделки), млн долл.	Фаза роста (средний размер сделки), млн долл.	Фаза расширения (средний размер сделки), млн долл.
2014	15 (0,2)	90 (1,6)	289 (5,4)	1 707 (45)
2015	99 (0,7)	186(2)	664 (5,8)	3 756 (36)

Источник: составлено автором по данным NASSCOM.

В 2015 г. в Индии насчитывалось 4 200 стартапов. 65% всех стартапов страны сосредоточено в Бангалоре, Мумбаи и Дели (Национальном столичном округе). Остальные стартапы распределены между Хайдерабадом, Ченнаи, Пуной, Джайпуром и Ахмедабадом. Основной сегмент деятельности стартапов – B2C⁵, рост инвестиций в этот сектор составил 95% (2014–2015 гг.); в секторе B2B⁶ рост инвестиций составил 250%.

В 2015 г. стартапы Индии стали динамично осваивать три новые сферы: технологии в медицине (80 млн долл. инвестиций за год), интернет вещей⁷ (75 млн долл. инвестиций за год) и электронные / мобильные платежные системы (145 млн долл. инвестиций за год без учета стартапа Paytm, который привлек в 2015 г. 635 млн долл.). 35% стартапов, работающих в этих сферах, используют мобильные телефоны / смартфоны как платформу для реализации своих проектов. Этот показатель будет расширяться, поскольку увеличивается количество людей, пользующихся мобильными телефонами (213 млн человек) и смартфонами (140 млн человек с ежегодным ростом 35%). В Индии 300 млн пользователей интернета, размер рынка онлайн-коммерции – 22 млрд долл. [12].

Согласно рейтингу стартап-экосистем на 2015 г. Индия находилась на 15-м месте из 20, поднявшись за год на четыре пункта в основном за счет быстрых темпов роста объемов венчурного финансирования (посевого в частности). Выделяют несколько проблем индийской стартап-экосистемы. Это качество человеческих ресурсов (которые, впрочем, значительно дешевле, чем в других странах рейтинга) и низкий уровень посевого финансирования. При этом темпы роста венчурного финансирования в стране в целом самые высокие среди участников рейтинга. Многие стартапы пытаются копировать западные бизнес модели, для которых в Индии нет рынка [13]. Поскольку доступ к раннему финансированию ограничен, стартапы часто не могут получить инвестиции без уже действующего / готового продукта. Это является причиной фактического игнорирования инноваторами сектора производства (разработки инновационного продукта). Таким образом, стартапы Индии все еще сфокусированы на сфере услуг с использованием программ-

ного обеспечения⁸, нежели на, скажем, разработке оборудования. Венчурные инвесторы предпочитают инвестировать в работающий бизнес относительно большие суммы, чем небольшие инвестиции в стартапы на стадии разработки идеи или прототипа.

Примечания

¹ Доткомы (англ. dotcom, dot-com, также dot.com; от англ. .com) – термин, применяющийся по отношению к компаниям, чья бизнес-модель целиком основывается на работе в рамках сети Интернет. Возник и получил распространение в конце 1990-х гг. в момент бума интернет-бизнеса.

² Экосистема – комплексная сеть акторов, взаимосвязанных в рамках единой системы.

³ Фаблаб – Fabrication Labs – это небольшие мастерские, где есть возможность изготавливать необходимые детали на станках с ЧПУ.

⁴ Массовый открытый онлайн-курс (сокр.: МООК; англ. Massive open online courses, MOOC) – обучающий курс с массовым интерактивным участием с применением технологий электронного обучения и открытым доступом через интернет, одна из форм дистанционного образования.

⁵ В2С – электронная коммерция, агрегаторы, гиперлокальная e-коммерция, потребительские услуги (появилось в Индии в 2015 г.).

⁶ В2В – платформы для электронной коммерции, корпоративное программное обеспечение, аналитика (появилось в Индии в 2015 г.).

⁷ Интернет вещей (Internet of Things, IoT) – межсетевые взаимодействия физических устройств («вещей»), средств передвижения, домов / зданий и другого посредством встроенной электроники, программного обеспечения, сенсоров, сетевого подключения.

⁸ Например, самые успешные стартапы Индии – Flipkart (интернет-магазин) и Ola – онлайн-агрегатор по вызову такси.

Литература

1. Science, Technology and Innovation Policy 2013 // Department of Science and Technology, Government of India. 2013. URL: <http://www.dst.gov.in/sti-policy-eng.pdf> (access date: 24.09.2013).

2. Action Plan of Startup India // Government of India. 2017. URL: <http://startupindia.gov.in/uploads/pdf/Action%20Plan.pdf> (access date: 20.05.2017).

3. National Initiative for Development and Harnessing Innovations // Government of India. 2016. URL: http://www.nstedb.com/New_Programmes/Startup-NIDHI.pdf (access date: 20.05.2017).

4. Start-Up Policy AICTE-2016 // Government of India. 2016. URL: <http://www.aicte-india.org/downloads/Startup%20Policy.pdf> (access date: 20.05.2017).

5. Rajasthan Start-Up Policy 2015 // Government of Rajasthan. 2015. URL: https://foodprocessingindia.co.in/state_pdf/Rajasthan/rajasthan-startup-policy-2015.pdf (access date: 20.05.2017).

6. Karnataka Start-Up Policy // Karnataka State Government. Government of India. 2015. URL: http://www.startup.karnataka.gov.in/docs/Startup_Policy_Karnataka.pdf (access date: 20.05.2017).

7. Technology Development Board // Department of Science and Technology. 2012. URL: <http://www.tdb.gov.in/WebContent.aspx?id=10&type=homemore> (access date: 15.01.2012).

8. Micro, Small and Medium Enterprises in India // Overview, Government of India. 2010. URL: http://www.dcmsme.gov.in/ssiindia/MSME_OVERVIEW09.pdf (access date: 28.04.2013).
9. Ridhima Meyer. Venture capital: challenges and scope ahead in India // CH Institute of Management and Commerce. 2012. URL: <http://www.chimc.in/Volume1.2/Volume1Issue-2/RidhimaMeher.pdf> (access date: 28.04.2013).
10. Report to People 2013 // National Innovation Council. 2013. URL: <http://www.innovation-council.gov.in/images/stories/report/rpt2013/english.pdf> (access date: 25.11.2013).
11. Indian Start-up Ecosystem Maturing – Edition 2016 // NASSCOM. 2016. URL: <http://www.nasscom.in/indian-startup-ecosystem-maturing—edition-2016> (access date: 20.05.2017).
12. Global Startup Ecosystem Ranking // Compass. 2015. URL: <https://startup-ecosystem.compass.co/ser2015/> (access date: 20.05.2017).
13. Suparna Dutt D'Cunha. India's Startup Ecosystem Scales Up With Widespread Government Initiatives 9/13/2016 // Forbes. URL: <http://www.forbes.com/sites/suparnadutt/2016/09/13/indias-startup-ecosystem-scales-up-with-widespread-government-initiatives/#76266e695de7> (access date: 20.05.2017).

Development of startups in India

Ustyuzhantseva O.V., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: olgavust@gmail.com

doi: 10.17223/9785907442566/11

Abstract. The success of the US Silicon Valley in generating profits from booming start-up companies has attracted the attention of governments of various countries for many years. Since the 2000s India has embarked on the formation of a national innovation system, developing an innovation infrastructure, and creating the necessary links between industry and the scientific and educational sector to create new technologies and innovations. However start-ups have recently come to the fore in the innovation policy focus of the Indian government, with the coming to power of the new government of Bharatiya Janata Party, headed by Narendra Modi. This study provides an overview of the condition of the startup industry in India, the main programs for the development of startups in various areas of the economy. The article outlines a range of major challenges faced by India in the process of building a startup ecosystem.

Key words: startup; innovation policy; India

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

УДК 327 (73+569.4)

doi: 10.17223/9785907442566/12

*Владимир Петрович Румянцев**

На пути к «особым отношениям»: сенатор Линдон Б. Джонсон и Израиль, 1948–1960 гг.

Аннотация. Америко-израильские отношения стали именоваться в дипломатической и правительственной переписке двух стран «особыми», т.е. союзническими, имеющими высокую степень важности приблизительно с начала 1960-х гг. Но история формирования этих особых отношений началась раньше. В этой истории отдельное место занимает деятельность сенатора Линдона Б. Джонсона. В статье анализируются причины и характер про-израильских симпатий этого известного американского политика в период его сенатской карьеры, делается вывод о том, что отношение Джонсона к Израилю формировалось на основе его моральных, религиозных и политических соображений.

Ключевые слова: Линдон Б. Джонсон; Израиль; сенат США; Ближний и Средний Восток; внешняя политика США

До тех пор, пока Белый дом в Вашингтоне не возглавил в 2017 г. республиканец Дональд Трамп, «лавры» самого про-израильского президента США почти безоговорочно принадлежали демократу Линдону Бэйнсу Джонсону. Газета «Джерусалем пост» отзывалась о 36-м президенте Соединенных Штатов как об «истинном друге Израиля» [1]. «Президентом, наиболее дружелюбно расположенным к Израилю», называл своего однофамильца профессор истории Бруклинского колледжа Роберт Дэвид Джонсон [2. Р. 10]. Американская исследовательница Оливия Сонс охарактеризовала его как «самого про-израильского президента США в XX веке» [3. Р. 57].

В мировой истории не редкость, когда политики симпатизируют какому-либо государству в силу сложившихся традиций, личных пристрастий и предпочтений. Например, многие американские и британские политики декларируют особые отношения, существовавшие между их странами. Но обычно привязанность главы государства к той или иной стране стараются не проявлять публично, чтобы сохранить свободу маневра в области

* *Румянцев Владимир Петрович* – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: rumv@mail.ru

внешней политики. Л. Джонсон, став в 1963 г. президентом США, тоже был осторожен в своих публичных высказываниях, касавшихся Израиля. Вместо слов за него говорили его дела. Он санкционировал поставки в Израиль наступательной военной техники, включая танки «Паттон» и штурмовые истребители «Скайхок», тем самым значительно способствуя усилению израильской армии. В результате Израиль смог одержать победу в Шестидневной арабо-израильской войне 1967 г., а Соединенные Штаты спокойно отреагировали на территориальные приращения еврейского государства по результатам этой войны. Импонировало лидерам Израиля и то, что Джонсон, в отличие от своих предшественников – Дуайта Эйзенхауэра и Джона Ф. Кеннеди, не заострял тему ядерной программы этого государства. При Джонсоне израильский премьер-министр, которым на тот момент являлся Леви Эшколь, впервые смог посетить Соединенные Штаты с официальным визитом.

Выявление истоков подобных завуалированных пристрастий государственных деятелей представляет собой интересную научную задачу, решение которой позволяет лучше понять мотивы действий, предпринимаемых на самом высоком уровне главами мировых держав. Можно ли утверждать, что у Л. Джонсона существовала особая эмоциональная привязанность к Израилю и если да, то что могло повлиять на ее появление? Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться к периоду становления Джонсона как политика и особенно ко времени его 12-летней карьеры в качестве сенатора от штата Техас.

Знаковым совпадением стало то, что Л. Джонсон впервые был избран в высшую палату американского парламента в 1948 г. – в год образования Государства Израиль. До этого момента можно говорить лишь об отношении тexasского политика к сионизму, еврейскому вопросу в целом и его связях с еврейской общиной США.

Насколько можно судить, у Л. Джонсона не было ни капли еврейской крови. Среди его предков были англичане, ирландцы, немцы и ольстерские шотландцы [4]. По материнской линии одним из его предков был Джордж Вашингтон Бэйнс, один из первых баптистских проповедников, появившихся в Техасе после американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. Именно религия и стала первым звеном, связующим Л. Джонсона с евреями.

Большинство членов семьи Джонсона принадлежали к христодельфийцам, одному из ответвлений американской евангелистской церкви. Еще в XVII и XVIII вв. тщательное изучение библейских пророчеств убедило евангелистских богословов и верующих в том, что второму пришествию Христа будет предшествовать возвращение евреев на Святую землю. Само существование еврейского народа рассматривалось евангелистами как достаточно сильный аргумент в пользу существования Бога и его роли как творца истории. В со-

бытиях мировой истории первой половины XX в., таких как преследование евреев в нацистской Германии, Холокост, создание Государства Израиль и его победа в первой арабо-израильской войне, евангелисты усматривали аналогии с ветхозаветными сюжетами. Эти события, по их мнению, служили еще одним доказательством того, что Бог есть, а роль еврейского народа в Божьем замысле непреходяща [5].

Когда Л. Джонсон делал первые шаги в политике, то его поддержали многие видные члены еврейской общины в Техасе. Супруга Л. Джонсона, Клаудия Альта Тэйлор («леди Бёрд», как ее называли друзья) позже вспоминала: «С самого нашего знакомства у него было много хороших друзей-евреев, например, семья Нови в Остине. Они были готовы горой стоять за него, а он за них» [6]. Речь шла о Джиме Нови (Шимоне Новодворском), польском ортодоксальном еврее, юношей переехавшим в 1913 г. в США. На сближение Л. Джонсона с техасской еврейской общиной могло повлиять совпадение их взглядов на проблемы социального неравенства, прав меньшинств и народного благоденствия. Подавляющее большинство его друзей из числа американских евреев были убежденными демократами, как и сам Линдон. Вполне возможно, что Джонсон рассчитывал на поддержку этих его влиятельных друзей, когда задумывался о начале политической карьеры.

В 1937 г. Л. Джонсон стал членом палаты представителей американского конгресса. После избрания в конгресс США он расширил круг своих знакомств среди представителей еврейской общины Соединенных Штатов. Самым ближайшим другом молодого техасского конгрессмена стал Эбе Фортас, выдающийся прокурор, который будет неофициальным советником Джонсона на протяжении всей его политической карьеры. Э. Фортас был известен как активный сторонник создания еврейского государства в Палестине [7. Р. 10–11].

Поднаторев в политике, обзаведясь необходимыми связями и знакомствами, Джонсон решил перебраться в верхнюю палату американского парламента – сенат. Можно сказать, что когда он был избран в качестве сенатора, то его отношение к Израилю складывалось из нескольких компонентов: морально-этических, политических и стратегических. Морально-этические соображения формировались на основе его знакомства с влиятельными представителями еврейской общины США и религиозными убеждениями, бытовавшими в его семье. В политическом плане Л. Джонсон являлся одним из первых американских политиков, которые осознали важность и возможности поддержки со стороны еврейского электората, широко представленного среди владельцев американских газет, журналов, кинокомпаний, а также в бизнесе и юриспруденции. Немаловажным фактором стали стратегические соображе-

ния. Израиль довольно быстро оказался на передовом крае американо-советского противостояния на Ближнем Востоке.

Именно этот фактор, как представляется, и стал решающим в стремлении Л. Джонсона поддерживать Израиль. На самом деле, как позже признавал помощник техасского политика Джеймс Риди, его патрон, оказавшись в сенате, не очень хорошо знал положение дел на Ближнем Востоке. Но, уверял Риди, «Джонсон был хорош тем, что быстро схватывал детали любой проблемы, которая возникала перед ним», придерживаясь теории хартленда, изложенной британским географом Х. Макиндером [8. Р. 3–4]. Правда, Дж. Риди ошибочно приписал авторство этой теории другому известному основоположнику геополитики, немцу Карлу Хаусхофферу. Исходя же из концепции хартленда, существует некий неизменный географический центр современной истории – «сердцевидная земля, который приблизительно совпадает с территорией бывшей Российской империи. В 1919 г. Х. Макиндер сформулировал политическую аксиому: «Кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует “хартленд”, кто контролирует “хартленд” – управляет Мировым островом (Евразией и Африкой), кто управляет Мировым островом – управляет миром» [9. С. 17].

Таким образом, для политической философии правительственных кругов Соединенных Штатов стала аксиомой необходимость контроля над периферией Евразии и Ближним Востоком, в первую очередь. Придерживался этой аксиомы и Л.Б. Джонсон. «Не то, чтобы Джонсон призывал к контролю над хартлендом, – признавал Дж. Риди, – скорее, он не хотел, чтобы контроль над хартлендом оказался в руках недружественной Соединенным Штатам силы» [10. Р. 4].

В этом плане позиция Л. Джонсона была ближе к исполнительной, чем к законодательной власти, к которой он сам и принадлежал. В конгрессе США все еще сильны были изоляционистские настроения, и отнюдь не все конгрессмены разделяли убежденность госдепартамента или министерства обороны в необходимости активной политики на Ближнем и Среднем Востоке. Население Соединенных Штатов тоже в большей степени интересовали внутренние проблемы. В этих условиях Л. Джонсон примкнул к числу тех американских политиков, которые считали неизбежным противостояние с Советским Союзом в различных регионах планеты. Во время избирательной кампании в сенат в 1948 г. он заявлял, что «Америка должна оставаться сильной перед лицом коммунистической угрозы... Мы не должны забывать о наших обязательствах перед свободным миром точно так же, как мы не можем и отгородиться от остального мира» [3. Р. 64].

Среди стран «свободного мира» для Л. Джонсона особое место занимал Израиль. Друг техасского сенатора, известный американский адвокат еврейского происхождения Моррис Абрам подтверждал, что с самого начала своей

сенатской карьеры Джонсон рассматривал поддержку Израиля как моральное обязательство США и стратегический императив [11. Р. 14].

Если с ближневосточными реалиями Л. Джонсон был знаком пока довольно поверхностно, то, в отличие от многих своих коллег в Капитолии он уже обладал определенным набором знаний об арабо-израильском конфликте. Правда, эти знания были несколько односторонними. Все, что он знал об этом конфликте, исходило от израильтян, уверял американский исследователь Эдвард Тивнан [12. Р. 59].

Карьера Л. Джонсона в верхней палате американского парламента быстро шла в гору. Уже в 1951 г. он был избран заместителем лидера демократов в сенате, а в 1955 г. стал лидером демократического большинства. Будучи партийным руководителем, Джонсон активно занимался вопросами финансирования партии. Эта деятельность привела его к знакомству с влиятельными американцами еврейского происхождения, например с профсоюзным лидером Дэвидом Дубинским и руководителем кинокомпании «Юнайтед Артистс» Артуром Кримом [2. Р. 17]. Личным юридическим советником тexasского сенатора стал Эдвин Вейсл-старший, нью-йоркский атторней, известный своими про-израильскими взглядами [13. Р. 11].

Среди его избирателей в Техасе было не так уж много евреев, но они, как подметил Дж. Риди, были весьма влиятельные персоны, да и антисемитизм в Техасе не был столь распространен, в отличие от других южных штатов [14. Р. 8]. Помощник Л. Джонсона, говоря о «100%-ной поддержке тexasских евреев» сенатора от своего штата, вспоминал: «Я до сих пор помню характеристику, которую Дэйв Дубинский дал ему однажды. Дэйв сказал: “Это очень молодой конгрессмен. Мы вот все эти годы ездили в Вашингтон и с кем только не разговаривали. Нам много чего обещали, но тот человек, с которым я собираюсь вас сегодня познакомить, не обещал нам многого, но зато всегда выполнял то, что обещал”» [15. Р. 27].

И, наконец, сильное влияние на формирование взглядов Л. Джонсона на Израиль оказал Исаяя Кенен, американско-канадский журналист еврейского происхождения, фактически основавший про-израильское лобби в США, создав в 1954 г. Американский сионистский комитет по связям с общественностью. И. Кенен стал инициатором знакомства с тexasским сенатором, видя в нем многообещающего политика, который может способствовать тому, чтобы связи между США и Израилем стали теснее. В августе 1951 г. И. Кенен написал письмо Л. Джонсону, поблагодарив его за инициирование в комитете сената по внешней политике вопроса об американской помощи еврейским беженцам и тем, кто смог пережить Холокост и желал бы перебраться в Израиль. Но, кроме того, И. Кенен считал необходимым, «зная о сочувственном

интересе» Джонсона к Израилю, познакомить его с меморандумом, разъясняющим «почему мы считаем безопасность Америки и защиту свободного мира тесно связанными с усилением программы помощи нашей стране в этом стратегически важном регионе мира» [3. Р. 64].

Помимо вопроса о беженцах Л. Джонсон в 1951 г. активно поддержал расширение экономической помощи Израилю. Его давний друг Дж. Нови отправил послание в вашингтонский офис сенатора: «Я уверен, что вы понимаете, что вся еврейская община Техаса и я лично весьма благодарны вам за то, что вы сделали» [3. Р. 64]. Подобного рода признательности поступали Джонсону из разных уголков Соединенных Штатов, например, от президента «Парамаунт пикчерз» Барни Балабана.

Важным этапом в формировании взглядов Л. Джонсона на Израиль стало его знакомство с израильским послом Аббой Эвеном. Этот дипломат был хорошо знаком американской общественности. Он получил образование в Кембридже, великолепно говорил на английском языке, был обаятельным собеседником и острословом. Его нередко приглашали на американское радио и телевидение, а в авторитетном американском журнале «Форин эфферс» часто появлялись статьи Эвена. В одной из таких публикаций посол Израиля отмечал: «Независимость и поддержка демократических институтов – вот те ценности, за которые израильские граждане готовы бороться до конца» [16. Р. 432–433]. Эту мысль о единстве интересов и ценностей между США и Израилем А. Эвен будет отстаивать на протяжении всей своей дипломатической карьеры.

Идеи А. Эвена прекрасно сочетались с тезисом об иудео-христианской цивилизации, которая противостоит «безбожному коммунизму», нередко звучавшему из уст американских политиков и общественных деятелей в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Этот тезис соответствовал и убеждениям Л. Джонсона.

В 1952 г. состоялось знакомство тexasского сенатора с израильским послом. В своей автобиографии А. Эвен так вспоминал об этом событии: «У меня сложилось впечатление, что ему не так-то просто было прийти к пониманию наших проблем... В сопровождении своего друга из Хьюстона Джима Нови, который и познакомил нас, Линдон Б. Джонсон пришел в мою квартиру в Вашингтоне в 1952 г. и попросил меня вкратце рассказать все самое важное об Израиле» [17. Р. 355]. Ответ А. Эвена был прост – Израиль является бастионом либеральной демократии, современным государством на Ближнем Востоке, естественным союзником Запада в холодной войне.

Любопытен факт, на который одной из первых обратила внимание американская исследовательница Кэтлин Кристисон, – Л. Джонсон даже не попытался завязать знакомства среди выходцев из арабского мира или хотя бы

арабских дипломатов, чтобы получить альтернативную информацию о ближневосточном конфликте [18. Р. 109–110]. Добавим, что подобное отношение было характерно не только для Л. Джонсона, но и для значительной части американского истеблишмента. В своих мемуарах Джонсон, однако, отмечал, что понимал «глубокое негодование арабских лидеров в связи с появлением Израиля как независимого государства», но также и понимал, что эти лидеры «использовали израильский вопрос и трагическое положение беженцев для реализации собственных амбиций» [19. Р. 303–304].

Увеличение числа американских политиков, которые поддерживали бы Израиль, стало еще более очевидным для руководства еврейского государства и его дипломатов после победы на президентских выборах 1952 г. республиканца Дуайта Эйзенхауэра. Риторика официальных властей США в адрес Израиля стала заметно прохладнее. В частном порядке представители республиканской администрации могли позволить себе пооткровенничать. Так, госсекретарь Джон Ф. Даллес в разговоре с британскими коллегами открыто называл Израиль «камнем на наших шеях» [20. Р. 204]. А в беседе с министром иностранных дел Великобритании Гарольдом Макмилланом он посетовал на то, что израильтяне, дескать, слишком уповают на свою роль в холодной войне, считая, что им обеспечена помощь Запада, которая нужна им на самом деле в другой войне – с арабами [21. Р. 796].

В 1955 г. Л. Джонсон стал лидером сенатского большинства и, по свидетельству его ближайших помощников, сразу же задумывался о том, чтобы выставить свою кандидатуру на ближайших президентских выборах. Однако на съезде Демократической партии в Чикаго в июле 1956 г. партийные лидеры предпочли поддержать кандидатуру Эдлая Стивенсона, а не Джонсона [22. Р. 810]. Становилось очевидным, что тexasскому сенатору, если бы он и впредь рассчитывал на нечто большее, чем пост лидера большинства в сенате, нужно было укреплять свой авторитет как эксперта по широкому кругу проблем, включая внешнеполитические. Идеальную возможность для этого предоставил Суэцкий кризис 1956 г.

Этот кризис возник, когда 26 июля 1956 г. президент Египта Гамаль Абдель Насер объявил о национализации компании Суэцкого канала, основным держателем акций которой было британское правительство. На следующий день Д. Эйзенхауэр попросил заместителя государственного секретаря Герберта Гувера-младшего уведомить на условиях строжайшей секретности лидеров обеих палат в конгрессе, что ситуация может оказаться настолько серьезной, что нельзя исключать созыва чрезвычайной сессии конгресса. Американское руководство знало, что в Лондоне полны решимости начать военную операцию против Египта. Политика республиканской администрации заключалась в том, чтобы не до-

пустить начала этой операции во время избирательной кампании в США, используя дипломатические методы разрешения Суэцкого кризиса.

Л. Джонсон участвовал на всех встречах представителей исполнительной и законодательной ветвей власти, посвященных разгоравшемуся кризису на Ближнем Востоке. На этих встречах он неизменно проявлял инициативу, выдвигая различные варианты разрешения кризиса. Так, 11 августа 1956 г. он предложил создать некий международный орган, который смог бы управлять Суэцким каналом, выкупив права на это у Египта [23. Р. 195–196]. И хотя эту идею сначала отвергли, но через месяц Дж.Ф. Даллес официально выступил с предложением создания Ассоциации пользователей Суэцким каналом, фактически воспользовавшись замыслом Джонсона.

Планы американской дипломатии по мирному разрешению Суэцкого кризиса провалились, когда их ближайшие союзники по НАТО – Великобритания и Франция, а также Израиль, напали на Египет. Это случилось за неделю до президентских выборов в США, и теперь уже задачей Вашингтона стало скорейшее прекращение военных действий на Ближнем Востоке. 5 ноября 1956 г. тройственная агрессия против Египта была прекращена, а на следующий день Д. Эйзенхауэр был переизбран на второй президентский срок. Теперь усилия Вашингтона были направлены на вывод иностранных войск с египетской территории, который позволил бы дать старт новой ближневосточной инициативе Соединенных Штатов. Она состояла из трех компонентов, которые в совокупности должны были принять форму резолюции конгресса. Согласно первому разделу резолюции президенту должно было быть предоставлено право оказания экономической помощи ближневосточным государствам по просьбе нуждавшихся в ней стран. Для этого следовало создать специальный фонд в 200 млн долл. Вторая часть должна была быть посвящена поддержанию военного баланса сил в регионе, для чего американское правительство оставляло за собой право продажи оружия ближневосточным государствам. И в последнем, наиболее принципиальном разделе речь должна была идти о предоставлении президенту права использовать американские вооруженные силы для борьбы с распространением «международного коммунизма» в регионе [24. Р. 177–178].

Эта инициатива получила название «доктрина Эйзенхауэра». Но прежде ей предстояло еще получить одобрение конгресса. Вот тут и настал один из «звездных» моментов для сенатора Л. Джонсона. Как лидер сенатского большинства он оказался в самой гуще событий, связанных с обсуждением «доктрины Эйзенхауэра». В этих событиях одной из центральных проблем стало нежелание Израиля выводить свои войска с территории Синайского полуострова, занятой в результате тройственной агрессии. Израиль оговари-

вал свой уход из Египта предоставлением ему гарантий безопасности от западных стран. США пригрозили применением санкций со стороны Организации Объединенных Наций (ООН) в отношении еврейского государства в случае отказа эвакуировать войска из Синая.

23 января 1957 г. 75 конгрессменов-демократов подписали письмо государственному секретарю США, в котором требовали предоставить Израилю гарантии свободного плавания его судов через Суэцкий канал и Акабский залив. Египет не пропускал суда под израильским флагом, следовавшие вдоль берегов Синайского полуострова, с конца 1940-х гг. При активном участии влиятельных произраильских организаций, таких как «Американский чрезвычайный сионистский комитет», «Комитет по американо-израильским общественным делам», сенаторы США приняли 29 января резолюцию, призывающую администрацию предоставить гарантии израильской безопасности [25. Р. 256–257].

Возмущение многих американских политиков вызывало то, что, угрожая санкциями Израилю, американское правительство не решалось столь же решительно протестовать против действий Советского Союза, подавившего мятеж в Венгрии осенью 1956 г. 11 февраля 1957 г. Л. Джонсон отправил Дж.Ф. Даллесу письмо, в котором говорилось: «ООН не может устанавливать одни правила для сильных, а другие для слабых; не может обрушивать экономическое давление на маленькое государство, если ранее даже не попыталось хотя бы сделать вид, что собирается сделать то же самое в отношении большого государства». Кроме того, Л. Джонсон убеждал госсекретаря США восстановить дружеские отношения с Израилем «без всяких разговоров о санкциях или иных мерах давления». Но самое важное место в этом письме занимало предупреждение, что прохождение «доктрины Эйзенхауэра» через сенат будет заблокировано до тех пор, пока США и Израиль не договорятся по вопросу вывода израильских войск из Египта [3. Р. 68; 25. Р. 300].

Чтобы публично обозначить свое несогласие с политикой правительства, Л. Джонсон, по всей видимости, организовал «утечку информации» в американскую прессу. Его письмо было напечатано в «Нью-Йорк Геральд Трибюн». А помощники Л. Джонсона разослали копии этого письма лидерам еврейских общин США, от которых поступили восторженные отклики. Израиль Голдштейн, президент Американского еврейского конгресса телеграфировал свои поздравления Джонсону: «Вы заслуживаете признательности всей страны за Ваше проникательное видение несправедливости, безнравственности и глупости введения экономических санкций против Израиля» [26. Р. 1005].

Возможность Израиля влиять на внешнеполитический курс США зависела от связей среди политического истеблишмента. Посол Израиля в Вашингтоне в 1959–1968 гг. Авраам Харман в свое время откровенно признавал: «Один из

наиболее эффективных способов оказывать влияние, особенно в такой большой стране, как Соединенные Штаты, это возможность урвать минутку-другую внимания важной персоны. Если есть кто-то вроде Эйба Файнберга (близкого друга президентов Трумэна и Джонсона), который вхож в близкий круг к президенту, но не злоупотребляет этим, а бережет эту возможность для решения действительно важных вопросов, тогда появляется шанс привлечь внимание президента к этому вопросу» [27. Р. 167].

Проблема для Израиля была в том, что такого человека в окружении Д. Эйзенхауэра у них не было. Приходилось действовать обходными маневрами. «Тогда нужен некто Мистер Икс, – продолжал откровенничать А. Харман, – который пользуется доверием президента... и он, например, время от времени встречается с президентом в неформальной обстановке, и тогда американские евреи могут обсудить насущные израильские проблемы с этим человеком, а тот обмолвится о них в беседе с президентом, и, глядишь, дело может сдвинуться» [27. Р. 167].

Таким Мистером Икс для Израиля стал Уолтер Бедель Смит, служивший с Д. Эйзенхауэром во время Второй мировой войны, а в 1950–1953 гг. возглавлявший Центральное разведывательное управление. На него смог выйти Дэвид Сарнофф, глава совета директоров телерадиовещательной корпорации «Ар-си-эй», который во время войны служил консультантом по вопросам коммуникаций при штабе Д. Эйзенхауэра в непосредственном подчинении у У.Б. Смита. Бывшие сослуживцы обсудили возможность компромиссного решения, которое устроило бы и США и Израиль. Это решение предусматривало заявление американского руководства о гарантиях со стороны США свободного прохода судов через Акабский залив в израильский порт Эйлат. Очевидно, что У.Б. Смит смог переговорить с Д. Эйзенхауэром [27. Р. 160–161].

Надо понимать, что канал «Сарнофф-Смит-Эйзенхауэр» не был единственной линией коммуникации с Белым домом, через который прорабатывался вариант вывода израильских войск в обмен на гарантии судоходства через Акабский залив. В конечном счете, сработал план, изложенный прибывшим в Вашингтон премьер-министром Франции Ги Молле. Согласно предложению французской стороны, Израиль должен заявить об окончательном уходе своих войск из сектора Газа, исходя из того что контроль над сектором перейдет к миротворческим силам ООН. При этом за Израилем сохранялось бы право на самооборону либо в случае нарушения Египтом этого условия, либо если Каир откажется выполнять свои международные обязательства. В отношении Акабского залива действовали бы гарантии судоходства, представленные Вашингтоном [28. Р. 285–289].

Позиция Л. Джонсона в связи с ликвидацией последствий Суэцкого кризиса привела к росту его популярности среди еврейской общины США. Он получал сотни писем с выражением благодарности за поддержку Израиля от своих избирателей. Одному из авторов таких писем он ответил, что его позиция была продиктована исключительно моральными соображениями: «Единственная вещь, которой человеку следует руководствоваться – это поступать согласно велениям его совести... Наша страна не совершила ничего такого, о чем бы потом пришлось горько сожалеть» [3. Р. 73].

Признательность Джонсону выходила и далеко за пределы его родного Техаса. Благодарственные письма отправили, например, Еврейский трудовой комитет, Антидиффамационная лига, сотни бизнесменов, юристов и судей. Президент Совета еврейских федераций и благотворительных фондов Герберт Абель в своем послании Л. Джонсону заверил того, что его голос был услышан миллионами американцев, а то, что он сделал, важно не только для Израиля, но и для Соединенных Штатов [3. Р. 72–73].

Такой популярности Л. Джонсона активно содействовал И. Кенен, всюду расхваливавший деятельность лидера сенатского большинства среди своих многочисленных знакомых и друзей, таких как Г. Абель. Имя Л. Джонсона звучало во всех синагогах США, которые И. Кенен предусмотрительно снабдил информацией об усилиях техасского политика по поддержке Израиля.

Было бы наивно полагать, что за действиями Л. Джонсона совсем не скрывалось никаких политических расчетов. Его знаменитое письмо Дж.Ф. Даллесу подтверждало наличие скрытых мотивов. Об этом откровенно говорил Дж. Риди: «Я думаю, что политическая выгода, которую он извлек из этого письма, была настолько велика, что он никогда не сожалел, что написал его» [14. Р. 7]. Отказ в поддержке кандидатуры Л. Джонсона на национальном конвенте Демократической партии в Чикаго убедил техасского политика в необходимости более активной и заметной позиции по вопросам внешней политики.

Лидер сенатского большинства всячески демонстрировал свое несогласие с действиями Белого дома. Стремление дистанцироваться от политики администрации Д. Эйзенхауэра приводило к комичным ситуациям. 22 февраля Дж.Ф. Даллес отправил ответ на письмо Л. Джонсона, в котором он объяснял необходимость оказания давления на Израиль опасениями пропагандистской кампании Советского Союза. Это письмо госсекретарь попросил вручить из рук в руки своему помощнику Роберту Хиллу. Узнав из своих источников в государственном департаменте о визите Р. Хилла, У. Джонсон поспешил покинуть свой офис в Капитолии, но столкнулся с эмиссаром Даллеса на выходе из здания. Сославшись на неотложные дела, Л. Джонсон уклонился от разговора на бегу, предложив Хиллу

зайти попозже. Но и в последующие дни он под разными предложениями избегал встречи с помощником госсекретаря [29. Р. 343].

После Суэцкого кризиса Л. Джонсон продолжил свою линию критики действовавшей администрации, попутно закрепляя в сознании американских евреев свой имидж защитника Израиля. В июне 1957 г. он выступил на общенациональной конференции, созванной «Объединенным еврейским призывом», благотворительной организацией, которая была создана в 1939 г. для оказания помощи евреям, пострадавшим от нацизма. В частности, Л. Джонсон заявил: «Нас связывают многие гуманистические ценности, и одна из них – это создание убежища для угнетенных» [26. Р. 1005]. После этого выступления Л. Джонсон получил от посла Израиля в Вашингтоне А. Эвена приглашение посетить его страну. Извинившись, что не может воспользоваться этим приглашением из-за плотного рабочего графика, Джонсон, в свою очередь, пригласил израильского дипломата на свое ранчо в Техасе [3. Р. 73].

Именно фамильное ранчо к западу от г. Остина, где Л. Джонсон проводил свой отдых, и стало тем местом, в котором лидера сенатского большинства застал очередной ближневосточный кризис. В 1958 г. президент Ливана Камиль Шамун, опасаясь государственного переворота в стране, обратился за помощью к Соединенным Штатам в надежде на отправку американских войск. Основная угроза К. Шамуну исходила от проегипетских националистических сил, за которыми, как без особых на то оснований считалось, стоял СССР. Ситуация была нетривиальной. Отказ в отправке американского десанта мог подорвать доверие к США со стороны их союзников в странах третьего мира. Отправка же была чревата опасностью втягивания в гражданскую войну в Ливане с непредсказуемыми последствиями. В итоге было решено провести высадку ограниченного контингента американской морской пехоты в целях демонстрации силы [30. С. 91].

Американскому правительству нужно было одобрение конгресса для проведения десантной операции на Ближнем Востоке. Чтобы заручиться поддержкой ставшего в последнее время несговорчивым Л. Джонсона, Дж.Ф. Даллес предложил отправить в Техас, где на своем ранчо отдыхал лидер сенатского большинства, генерала Джо Келли и сенатора Пола Дугласа, к мнению которых обычно прислушивался техасский политик [10. Р. 4–6]. Лидер сенатского большинства поддержал идею отправки американских войск в Ливан [31. Р. 105]. Его, как и многих других конгрессменов, убедила антисоветская риторика Белого дома. Оправдывая отправку десанта на Ближний Восток, Д. Эйзенхауэр утверждал, что американское руководство «убеждено, что коммунисты несут принципиальную ответственность за этот кризис и что президент К. Шамун руководствовался исключительно глубоким чувством патриотизма» [24. Р. 266].

Начало гражданской войны в Ливане совпало с празднованием 10-летия создания Государства Израиль. В связи с этим событием Л. Джонсон предложил сенату принять резолюцию, выражающую поддержку Израилю в этот юбилей. А. Эвен в ответ на эту инициативу отправил Л. Джонсону письмо с выражением глубокой признательности от лица израильского правительства и народа за «неуклонную демонстрацию дружбы» со стороны техасского сенатора. И. Кенен отозвался о принятой резолюции сената как эталоне приветственных обращений в честь независимости Израиля [3. Р. 74].

Расхождения с курсом ближневосточной политики администрации Д. Эйзенхауэра стали еще более очевидными по мере укрепления авторитета Л. Джонсона в высших эшелонах американской власти. На выборах в конгресс в 1958 г. демократам удалось еще больше упрочить свое положение в сенате. Если в 1953 г. им принадлежало только 48 мест из 100, то спустя пять лет демократическое большинство составило уже 70 мест [2. Р. 12]. Этот успех во многом стал возможен благодаря эффективному руководству Л. Джонсона. Неслучайно именно в этот период за ним закрепилось прозвище «хозяин сената».

Поддержка Израйля со стороны лидера сенатского большинства стала усиливаться по мере приближения президентских выборов. В 1959 г. Л. Джонсон выступил за расширение военной помощи Израилю вразрез ближневосточной политике Белого дома [32. С. 205]. Правительство республиканцев же остерегалось крупных поставок вооружений в еврейское государство. Максимум, чего удалось добиться Израилю от Соединенных Штатов на этом этапе, – это поставок 106-мм безоткатных орудий, которые относились к категории оборонительного вооружения [33. Р. 90].

Во время избирательной кампании 1960 г. у Л. Джонсона были, казалось, неплохие шансы номинироваться кандидатом в президенты от Демократической партии. Однако на съезде партии в Лос-Анджелесе большинство голосов было отдано Дж.Ф. Кеннеди. Периодический печатный орган еврейской общины Северной Каролины «Кэролайна израилите» напомнил своим читателям, что это Л. Джонсон, а не массачусетский сенатор занял жесткую позицию против санкций в отношении Израйля в 1957 г. По мнению газеты, обойти Кеннеди ему помешала география – Джонсон был южанином, а партийной машиной «управляла элита из северо-восточных штатов» [3. Р. 74–75].

Дж.Ф. Кеннеди предложил Л. Джонсону войти в его команду в качестве кандидата на пост вице-президента. Считается, что тем самым он должен был обеспечить Кеннеди голоса выборщиков южных штатов [34. С. 61]. Но Джонсон оказался полезен не только в деле обеспечения поддержки партийных боссов демократов Юга США. Он сыграл значительную роль в привлечении голосов еврейских избирателей в пользу Кеннеди на президентских выборах.

Как вспоминал Дж. Риди, у Л. Джонсона в 1960 г. было гораздо больше сторонников среди американских евреев, чем у Дж.Ф. Кеннеди. Ирландец, католик, сын бывшего посла Соединенных Штатов в Лондоне Джозефа П. Кеннеди, открыто выступавшего за политику умиротворения Гитлера, сенатор из Массачусетса не был популярен у еврейской общины США [14. Р. 8]. Именно поэтому было решено отправить не его, а Л. Джонсона на съезд Либеральной партии.

Эта партия была основана в 1944 г. профсоюзными лидерами Д. Дубинским и Алексом Роузом. Дж. Риди охарактеризовал ее как «почти на 100% еврейскую партию», объединявшую рабочих швейных мастерских женской одежды и производителей головных уборов. Либеральная партия редко выдвигала собственных кандидатов в президенты. Чаще всего она предпочитала поддерживать кого-либо из демократов или республиканцев.

Изначально планировалось почти все выступление Л. Джонсона на съезде Либеральной партии посвятить Израилю и вопросам внешней политики. Но по ходу выступления кандидат в вице-президенты решил немного поменять акценты и сделать упор на необходимость поддержки людей, выполняющих штучную работу, занятых нелегким физическим трудом: «Вы против потогонной системы производства и я против потогонной системы производства. Вы за достойный труд, выполняемый достойными людьми, и я за достойный труд, выполняемый достойными людьми. Мы вместе!» Когда Л. Джонсон закончил свою речь, то, по воспоминаниям Дж. Риди, «народ бесновался, все орали, вскочив на стулья. Это было невероятно!» [35. Р. 69]. Либеральная партия решила поддержать кандидатуру Дж.Ф. Кеннеди, и 14 сентября 1960 г. об этом было объявлено официально.

За несколько недель до выборов президента США в офис Л. Джонсона в Вашингтоне поступило письмо от американца по фамилии Кук, который просил кратко обрисовать позицию кандидата в вице-президенты в отношении Израиля. Л. Джонсон ответил, что он не склонен «выпячивать свою репутацию сторонника Израиля, потому что... это создает видимость поиска голосов» избирателей. В действительности же, уверял техасский политик, он руководствуется побуждениями его совести и поддерживает Израиль, потому что только там нашли прибежище сотни тысяч евреев из Европы, переживших гитлеризм. Но израильский опыт в области сельского хозяйства, промышленности, строительства и социальной сферы напоминает ему также о «героизме нашей собственной эры первопроходцев в ранние периоды американской истории» [3. Р. 75].

Конечно, трудно удержаться от соблазна приписать про-израильские симпатии Л. Джонсона исключительно политическим соображениям и расчетам.

Но, пожалуй, тexasский сенатор был откровенен, отвечая на письмо мистера Кука. Он искренне считал Израиль оплотом западной демократии на Ближнем Востоке, заслоном от продвижения советского влияния, страной, чей опыт появления и развития был близок с американскими реалиями освоения фронта. Вряд ли можно всерьез утверждать, что деятельность Л. Джонсона по поддержке Израиля искусно управлялась его друзьями и знакомыми, такими как Дж. Нови, Д. Дубинским или И. Кененом. Правда, следует отметить, что к завершению сенатской карьеры Л. Джонсона лидеры еврейской общины и про-израильского лобби могли сказать, что не ошиблись, поставив в свое время на тexasского сенатора как на политика, который может стать одним из наиболее последовательных сторонников Израиля. Необходимо учитывать, что американские евреи все активнее включались в борьбу за гражданские права, а это был «конёк» Л. Джонсона. Таким образом, можно говорить о наличии взаимовыгодного сотрудничества между лидером сенатского большинства и еврейской общиной США, которое вкупе с убеждениями и жизненными ценностями Л. Джонсона сделало его еще в 1950-е гг. одним из самых надежных сторонников Израиля.

Литература

1. Ben-David L. A Friend in Deed // The Jerusalem Post. 2008. September 9.
2. Johnson R.D. Lyndon Johnson and Israel: The Secret Presidential Recordings. Tel Aviv: The S. Daniel Abraham Center for International and Regional Studies, 2008. 97 p.
3. Sohns O. The Future Foretold: Lyndon Baines Johnson's Congressional Support for Israel // Diplomacy & Statecraft. 2017. Vol. 28, № 1. P. 57–84.
4. Lyndon B. Johnson, 36th U.S. President 1963–1969. URL: <https://web.archive.org/web/20131113124726/http://hoover.archives.gov/exhibits/cottages/middleclass/johnson>
5. Мид У.Р. Божья страна? // Россия в глобальной политике. 2006. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bozhya-strana/>
6. Lyndon B. Johnson Library (LBJL). Oral History Interview (OHI). Lady Bird. Interview #9.
7. Caro R. The Years of Lyndon Johnson. Means of Ascent. N.Y. : Vintage, 2002. 592 p.
8. LBJL. OHI. James Reedy. Interview #11.
9. Пелипась М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке (1945–1956 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 364 с.
10. LBJL. OHI. James Reedy. Interview #11.
11. LBJL. OHI. Morris Abram.
12. Tivnan E. The Lobby. Jewish Political Power and American Foreign Policy. N.Y. : Simon & Schuster, 1987. 304 p.
13. LBJL. OHI. Edwin Weisl, jr.
14. LBJL. OHI. James Reedy. Interview #10.
15. LBJL. OHI. James Reedy. Interview #17.
16. Eban A. Israel: The Emergence of Democracy // Foreign Affairs. 1951. Vol. 29, № 3. P. 430–442.
17. Eban A. An Autobiography. N.Y. : Random house, 1977. 628 p.

18. Christison K. Perception of Palestine: Their Influence on U.S. Middle East Policy. Berkeley : University of California Press, 1999. 379 p.
19. Johnson L.B. The Vantage Point: Perspectives of the Presidency, 1963–1969. N.Y. : Holt, Rinehart and Winston, 1971. 636 p.
20. Shlaim A. The Iron Wall. Israel and Arab World. N.Y. : W.W. Norton & Company, 2001. 704 p.
21. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1955–1957. Vol. XIV. Arab-Israeli Dispute, 1955. Wash. : GPO, 1989. 874 p.
22. Caro R. Master of the Senate. N.Y. : Vintage, 2002. 1232 p.
23. FRUS. 1955–1957. Vol. XVI. Suez Crisis. July 26–December 31, 1956. Wash. : GPO, 1990. 1423 p.
24. Eisenhower D.D. The White House Years: Waging Peace, 1956–1961. N.Y. : Doubleday, 1965. 741 p.
25. Alteras I. Eisenhower and Israel. US-Israeli Relations 1953–1960. Tampa : Univ. Press of Florida, 1993. 387 p.
26. Walker Jr., P.A. Lyndon B. Johnson's Senate Foreign Policy Activism: The Suez Canal Crisis, a Reappraisal // Presidential Studies Quarterly. 1996. Vol. 26, № 4. P. 996–1008.
27. Bick E. Transnational Actors in a Time Crisis: The Involvement of American Jews in Israel-United States Relations, 1956–57 // Middle Eastern Studies. 2003. Vol. 39, № 3. P. 144–168.
28. FRUS. 1955–1957. Vol. XVII. Arab-Israeli Dispute, 1957. Wash. : GPO, 1990. 892 p.
29. Gaskin T. Senator Lyndon B. Johnson, the Eisenhower Administration and U.S. Foreign Policy, 1957–60 // Presidential Studies Quarterly. 1994. Vol. 24, № 2. P. 341–361.
30. Румянцев В.П.Д. Эйзенхауэр и решение об отправке американских войск в Ливан в 1958 г. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 88–92.
31. Donovan J.U.S. and Soviet Policy in the Middle East. N.Y. : Facts on File, 1972. 282 p.
32. Эпштейн А. Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений. Т. I: Эпоха межгосударственных войн: от Второй мировой до Войны Судного дня. 1945–1973. М. : Институт Ближнего Востока, 2014. 312 с.
33. FRUS. 1958–1960. Vol. XIII. Arab-Israeli Dispute; United Arab Republic; North Africa. Wash. : GPO, 1992. 958 p.
34. Громыко А.А., Кокошин А.А. Братья Кеннеди. М. : Мысль, 1985. 480 с.
35. LBJL. OHI. James Reedy. Interview #16.

Towards a “Special relationship”: Senator Lyndon B. Johnson and Israel, 1948–1960

Rumyantsev V.P., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: rumv@mail.ru

doi: 10.17223/9785907442566/12

Abstract. American-Israeli relations began to be called "special" in diplomatic and government correspondence between the two countries since early of the 1960s. But the history of the formation of these special relationships began earlier. Senator Lyndon B. Johnson had a special place in this history. This article analyzes the reasons and nature of the pro-Israeli sympathies of this famous American politician during his Senate career. It is concluded that Johnson's attitude towards Israel was formed on the basis of his moral, religious and political considerations.

Key words: Lyndon B. Johnson; Israel; U.S. Senate; Middle East; U.S. Foreign Policy

*Вадим Александрович Кузьмин**

Кэмп-Дэвидский мирный процесс в оценках арабской историографии

Аннотация. В 2021 г. исполняется 40 лет со времени убийства президента Египта Анвара Садата. Покушение было совершено группой военных египетской армии, представлявших исламистские силы в арабском мире, недовольных политикой Садата, выразившейся в подписании им в марте 1979 г. мирного договора с Израилем на основе соглашений, заключенных руководителями Египта и Израиля в резиденции президента США Д. Картера Кэмп-Дэвид при его посредничестве. Соглашения представляли собой программу мирного урегулирования ближневосточного конфликта. 17 сентября 1978 г. президент Египта Анвар Садат и премьер-министр Израиля Менахем Бегин в присутствии президента Картера подписали два документа – «Рамки мирного урегулирования на Ближнем Востоке» и «Рамки заключения соглашения о мире между Израилем и Египтом». С тех пор журналисты и политики разных стран стали называть результаты состоявшегося саммита «Кэмп-дэвидский мирный процесс». Автор показывает, как этот «мирный процесс» освещен в арабской историографии, какие оценки ему дают египетские исследователи.

Ключевые слова: Анвар Садат; Египет; Израиль; Кэмп-Дэвид; арабская историография

Военные действия 1973 г., известные как Война Судного Дня, показали неспособность арабов вернуть оккупированные Израилем территории силой. Для египетской стороны наиболее важной задачей было возвращение утраченной в 1967 г. в ходе Шестидневной войны территории Синайского полуострова. Наряду с данной целью Анвар Садат преследовал и другую – ему было необходимо показать арабскому миру, что он старается учитывать интересы палестинского народа, ради которого и продолжается борьба с Израилем. Израильская сторона, в свою очередь, была заинтересована в сохранении своего контроля над Западным берегом реки Иордан и сектором Газа, а также в выведении из противостояния наиболее сильной в военном отношении арабской страны – Египта посредством заключения с ним мирного договора. Решив эту задачу, Израиль рассчитывал минимизировать вероятность каких-либо новых крупных войн с арабами, тем самым значительно укрепив свои позиции в регионе.

* *Кузьмин Вадим Александрович* – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: kuzmin16@yandex.ru

Кэмп-Дэвидский мирный процесс стал своего рода поворотной точкой в многолетнем ближневосточном конфликте, разделив его на до и после. Первые лидеры противоборствующих сторон сели за стол переговоров и начали обсуждать возможность мирного решения проблемы, результатом чего были подписанные в 1978 г. соглашения, следствием которых стал египетско-израильский мирный договор 1979 г.

Очевидно, что этот процесс оказал огромное влияние на арабскую сторону. Ведь то, что еще совсем недавно казалось невысказанным, стало реальностью. Непримируемая вражда с «сионистским врагом», которого еще недавно было необходимо «сбросить в море», сменилась желанием заключить мира, который предотвратит дальнейшее кровопролитие и обеспечит арабским странам благополучие и процветание. И подвела их к этому миру не безысходность, а, как утверждал А. Садат, «славная победа» в войне 1973 г., благодаря которой он должен был участвовать в мирном процессе на правах сильного.

Очевидно, что пропаганда садатовского режима предпринимала огромные усилия для продвижения этих идей. Однако достичь данной цели полностью не удалось: если Садат и смог частично убедить своих соотечественников в правильности своих действий, то подавляющее большинство других арабских стран, в том числе некогда главный союзник – Сирия, отнеслись к мирному процессу однозначно отрицательно.

В целом заключение мирного договора между Израилем и Египтом ознаменовало начало нового этапа арабо-израильского противостояния, которое продолжается до сих пор и проблему которого, очевидно, в ближайшее время решить не удастся. Во многом дальнейшее развитие событий на Ближнем Востоке зависит от состояния израильско-египетских отношений, основой которых стал мирный договор 1979 г., а это, в свою очередь, указывает на важность анализа «Кэмп-Дэвидского мирного процесса» в арабской историографии. Внимание арабских авторов в основном концентрируется на трех важных сюжетах этого «процесса»: визит президента Египта Анвара Садата в Иерусалим и его выступление перед депутатами израильского парламента (кнессета), соглашения, достигнутые в ходе переговоров в Кэмп-Дэвиде, и ставший их логическим завершением египетско-израильский мирный договор.

Необходимо особо подчеркнуть, что имеющаяся научная литература по данной проблематике весьма обширна и разнообразна, причем не только в арабских странах, но и в США, в Израиле, во многих европейских странах и в России. За прошедшее с конца 1970-х гг. время исследователями из разных стран было написано и опубликовано огромное число статей, аналитических обзоров, политологических эссе, научных монографий, посвященных анализу

«мирного процесса», различным аспектам Кэмп-Дэвидских соглашений и мирного договора Египта с Израилем.

При этом следует отметить, что, несмотря на обилие исследований, существенной полярности мнений не наблюдается, особенно это характерно для трудов советских и арабских авторов. Большинство авторов в той или иной форме констатируют крайне невыгодный для арабской стороны характер заключенных соглашений и активно критикуют действия Анвара Садата. Те же работы, в которых сделана попытка представить противоположную точку зрения, весьма малочисленны.

Из литературы на русском языке в первую очередь следует выделить книгу академика Е.М. Примакова «История одного сговора» [1]. Уже из ее названия становится очевидной точка зрения автора: занимая антиамериканские позиции, он подробно раскрывает внутренние пружины Кэмп-Дэвидских соглашений, начиная с прихода к власти в Египте Анвара Садата и заканчивая его убийством в 1981 г. Во многом его идеи созвучны настроениям арабских исследователей, рассматривающих действия Египта как некую сделку и даже сговор с Соединенными Штатами и Израилем.

Схожим образом дело обстоит с трудом А.А. Агарышева «От Кэмп-Дэвида к трагедии Ливана» [2]. Книга отличается достаточно резкими оценочными суждениями в адрес как Израиля, так и Анвара Садата, которого автор рассматривает не иначе как предателя, способствовавшего геноциду палестинского народа. Особо подчеркивается антиарабская природа внешней политики США.

Тема Кэмп-Дэвидских соглашений затрагивается в монографии научного сотрудника Института изучения Израиля и Ближнего Востока В.П. Юрченко «Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.)» [3]. В соответствующей главе автор анализирует причины перемен во внешней и внутренней политике Египта в период президентства Садата и дает взвешенную оценку мирному договору с Израилем 1979 г., затрагивая крайне важный вопрос о том, была ли у Египта возможность альтернативного решения проблемы деокупации Синайского полуострова.

Среди других работ отечественных авторов, заслуживающих внимания, можно отметить книгу А.М. Захарова «Кэмп-Дэвид: политика, обреченная на провал» [4], статьи Н. Суркова «За кулисами Кэмп-Дэвида» [5], С.М. Абрамова «Кэмп-Дэвидский мирный договор как остановка между войной и миром» [6], С.М. Гасратяна «Отношения Израиля и Египта в контексте арабо-израильского конфликта» [7], работу С.Е. Гуцало «Лига арабских государств и проблемы Ближневосточного урегулирования (1978–1989 гг.)» [8]. Названия некоторых из них достаточно откровенно говорят об отношении авторов к рассматриваемым событиям.

Анализ американской историографии «Кэмп-Дэвидского мирного процесса» не входит в задачи автора настоящей статьи. Тем не менее следует указать на весьма интересную публикацию ЦРУ, посвященную роли разведки в процессе выработки Кэмп-Дэвидских соглашений [9], а также исследование американского профессора палестинского происхождения Ш. Телхами, работавшего в Центре ближневосточной политики Брукингского института [10].

Переходя к анализу публикаций арабских авторов, посвященных различным аспектам «Кэмп-Дэвидского мирного процесса», следует обратить внимание на одну характерную деталь – те публикации, в которых дана положительная оценка политической деятельности президента Египта Анвара Садата, приведшей к подписанию им мирного договора с Израилем, как правило, размещены на страницах газет или на сайтах различных новостных агентств, причем во многих случаях их конкретный автор не указан. Среди наиболее ярких и запоминающихся можно назвать, например, размещенную на сайте египетского агентства «аль-Ватан ньюс» статью под названием «Садат – гений своего времени» [11], публикацию базирующегося в Дубае информационного агентства «аль-Арабия», вышедшую под заголовком «По этим причинам последователи Насера ненавидят Садата» [12], опубликованную в саудовской газете «Илаф» статью «Был ли Анвар Садат предателем?» [13] и ряд других.

Спустя много лет после подписания мирного договора с Израилем в Египте были опубликованы сборники документов, связанных с Кэмп-Дэвидскими соглашениями. Наиболее объемным и полным является подготовленный египетским исследователем Ахмадом Али Хасаном сборник под названием «Два соглашения Кэмп-Дэвида и мирный договор между Египтом и Израилем с приложениями» [14]. Помимо документов в сборник включены стенограммы выступлений официальных лиц.

Среди большого количества работ, авторы которых отрицательно оценивают Кэмп-Дэвидские соглашения, следует отметить ряд крупных исследований. В частности, труд египетской журналистки Фатин Ауд «Садат: 35 лет Кэмп-Дэвиду» [15] представляет развернутое изучение причин, хода и итогов Кэмп-Дэвидских соглашений. Автор начинает исследование с момента прихода Анвара Садата к власти в Египте, подробно освещает его переориентацию на Соединенные Штаты Америки, выделяет основные вехи внешней политики Садата, которые привели к Кэмп-Дэвиду. Фатин Ауд весьма наглядно показала тот сложный путь, переполненный невыгодными компромиссами, бесчисленными уступками и откровенными поражениями, который прошел президент Египта, продвигаясь к заключению мирного договора с Израилем. Ее работа снабжена огромным количеством ссылок на разного рода документальные материалы и широкий круг трудов англоязычных и арабоязычных авторов.

Сразу после подписания Кэмп-Дэвидских соглашений в 1978 г. в Ливане, где были сильны позиции палестинских организаций, осуждавших политику Садата, вышла подготовленная Организацией палестинских исследований, книга с соответствующим названием – «Договор Кэмп-Дэвида и его угрозы» [16]. Откровенным политическим призывом, адресованном депутатам египетского парламента, стало обращение ливанского политического деятеля Исмата Сейф ад-Дауля, опубликованное в Бейруте в 1980 г. под названием «Это соглашение» [17]. Его автор акцентировал внимание на том, что египетско-израильский мирный договор носит незаконный характер и является не чем иным, как позорной капитуляцией на крайне невыгодных для Египта условиях. В обращении подчеркивался единоличный характер принятого Садатом решения, которое губительно сказалось на солидарности арабского мира и серьезным образом укрепило позиции Израиля. Сравнивая достижения и потери, связанные с мирным договором, Исмаат Сейф ад-Дауля призывал египетских парламентариев к необходимости скорейшего пересмотра данного решения.

Заслуживает внимания ряд аналитических статей египетского журналиста Рами Юниса, которые были опубликованы на портале «al-Ida2at» в разделе «Палестинский вопрос». В статье «Садат в Иерусалиме: воспоминание о злополучном дне» [18] Юнис поставив вопрос, как подобный сценарий развития событий стал единственно возможной альтернативой, старался доказать, что мирный договор между Израилем и Египтом не может служить прочным основанием для установления по-настоящему мирных отношений между двумя странами. В другой своей статье под названием «Кэмп-Дэвид: а была ли альтернатива?» [19] Юнис, опровергая возражения сторонников мирного договора, показал, что у Садата была возможность поступить иначе. В статье «Синай, который больше не наш» [20] Рами Юнис указывал на то, что «авантюра» Анвара Садата не только оказалась крайне невыгодной для арабской стороны, но, вопреки расхожему мнению, не вернула Египту власть над Синайским полуостровом в полном смысле этого слова.

Свой вклад в арабскую историографию внесли опубликованные воспоминания некоторых египетских дипломатов, напрямую имевших отношение к «Кэмп-Дэвидскому мирному процессу». В первую очередь следует упомянуть мемуары Исмаила Фахми, с 1973 по 1977 г. занимавшего пост министра иностранных дел Египта. Когда Анвар Садат огласил свое намерение посетить Иерусалим, Исмаил Фахми выразил несогласие и подал в отставку, о чем он подробно пишет в своей книге «Переговоры ради мира на Ближнем Востоке» [21]. Преемник Исмаила Фахми на посту министра иностранных дел в 1977–1978 гг. египетский дипломат Мухаммад Ибрахим Камиль, как и его предшественник, подал в отставку со своего поста в знак несогласия с внешнеполи-

тической линией президента Садата, направленной на достижение мира с Израилем. Свою версию происходивших событий Камиль изложил в воспоминаниях, опубликованных под названием «Потерянный мир в Кэмп-Дэвидских соглашениях» [22]. Египетский историк Мухаммад аль-Джавади опубликовал в 2000 г. собрание мемуаров египетских дипломатов под названием «За мир: сражения за столом переговоров» [23].

В последующие годы в арабских СМИ было опубликовано немало статей, посвященных Кэмп-Дэвидскому мирному процессу и его последствиям. Весьма характерной чертой большинства таких публикация является отсутствие каких-либо указаний на авторство, но, как правило, наличие заголовка, указывающего на позицию анонимного автора и его оценку политики убитого заговорщиками президента Анвара Садата. К числу таких статей можно отнести, в частности, следующие: «Что сказал аш-Шазили, когда убили Садата?» [24], «История арабо-израильского мирного договора, который подписал человек, сотворивший “чудо”» [25], «Мирный договор через 40 лет: отторжение народом, несмотря на “процветание”» [26], «Был ли Кэмп-Дэвид ошибкой Садата?» [27], «Знакомьтесь с предательским договором – Кэмп Дэвид» [28], «В честь 40-летия соглашений: полная история Кэмп-Дэвида» [29], «Предательство в Кэмп-Дэвиде» [30], «40 лет после Кэмп-Дэвида: у истории все еще есть продолжение» [31], «Горький мир Израиля и Египта» [32] и многие другие.

Подводя итог краткому обзору работ арабских авторов, посвященных кэмп-дэвидскому курсу президента Анвара Садата, можно сделать вывод, что они сводятся в трем основным интерпретациям:

1. Кэмп-Дэвид – это победа Египта, а президент Анвар Садат – герой войны и мира. Эту позицию отстаивали, прежде всего, египетские официальные СМИ, но в арабской историографии она не стала основной.

2. Кэмп-Дэвид – это необходимый безальтернативный шаг, пойти на который Садат был вынужден. Несмотря на то что договор стал крайне невыгодным для арабских стран, он все же был лучшим из доступных на тот момент решений. Эту позицию, которой придерживается ряд арабских авторов, можно назвать объективистской или компромиссной.

3. Кэмп-Дэвид – это позорное поражение, капитуляция и предательство, совершенное Анваром Садатом, единолично принявшим решение, не имея на то никаких прав и оснований. Данной позиции придерживается большинство исследователей из арабских стран.

Однако, несмотря на доминирующие в арабской историографии негативные оценки результатов Кэмп-Дэвидского саммита, следует подчеркнуть, что мирный договор между Египтом и Израилем, подписанный в 1979 г., продолжает действовать, сохраняя свою силу. Как справедливо отметил известный

специалист по истории международных отношений на Ближнем Востоке А.Д. Эпштейн, «с тех пор и в Израиле, и в Египте произошли многочисленные события, неоднократно сменялась власть, но мирный договор продолжает действовать; если за первые тридцать лет существования Израиля Египет во-евал против него пять раз, то за последующие сорок, прошедших с момента подписания мирного договора, – ни разу» [33]. И этот факт невозможно игнорировать.

Литература

1. Примаков Е.М. История одного сговора. М. : Политиздат, 1985. 319 с.
2. Агарышев А. От Кэмп-Дэвида к трагедии Ливана. М. : Мол. гвардия, 1983. 191 с.
3. Юрченко В.П. Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.). М. : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. 312 с.
4. Захаров А.М. Кэмп-Дэвид: политика, обреченная на провал. М.: Междунар. отношения, 1982. 271 с.
5. Сурков Н. За кулисами Кэмп-Дэвида // Азия и Африка сегодня. 2006. № 3. С. 65–69.
6. Абрамов С.М. Кэмп-Дэвидский мирный договор как остановка между войной и миром // Вестник Гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 31–42.
7. Гасратян С.М. Отношения Израиля и Египта в контексте арабо-израильского конфликта // Вопросы истории. 2015. № 5. С. 122–138.
8. Гуцало С.Е. Лига арабских государств и проблемы Ближневосточного урегулирования (1978–1989 гг.). URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01000043642#?page=1> (дата обращения: 07.04.2020).
9. President Carter and the Role of Intelligence in the Camp David Accords : collection // Central Intelligence Agency). URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/collection/carter-camp-david-accords> (дата обращения: 20.03.2020).
10. Telhami S. The Camp David accords: a case of international bargaining. URL: <https://css.ethz.ch/en/services/digital-library/publications/publication.html/6847> (дата обращения: 19.03.2020).
11. «داهية عصره» السادات URL: <https://www.elwatannews.com/news/details/3893883> (дата обращения: 07.04.2020).
12. لهذه الأسباب يكره الناصريون والإخوان والبعثيون السادات؟ URL: <https://www.alarabiya.net/ar/arab-and-world/egypt/2017/10/08/لهذه-الاسباب-يكره-الناصريون-والإخوان-والبعثيون-السادات؟> (дата обращения: 07.04.2020).
13. هل كان السادات خائناً؟ URL: <https://elaph.com/Web/ElaphWriter/2009/10/490433.html> (дата обращения: 07.04.2020).
14. كتاب-اتفاقية كامب-ديفيد ومعاهدة السلام بين مصر وإسرائيل وملحقاتها. URL: <https://www.noor-book.com/-كتاب-اتفاقية-كامب-ديفيد-والاتفاق-التكميلي-الخاص-بإقامه-الحكم-الذاتي-الكامل-في-الضفة-الغربية-وقطاع-غزة-احمد-علي-حسينين-pdf> (дата обращения: 16.05.2020).
15. كتاب-السادات-35-عاما-علي-كامب-ديفيد URL: <https://www.noor-book.com/-كتاب-السادات-35-عاما-علي-كامب-ديفيد-pdf> (дата обращения: 16.05.2020).
16. كتاب-اتفاق-كامب-ديفيد-واخطاره-كميل-. URL: <https://www.noor-book.com/-كتاب-اتفاق-كامب-ديفيد-واخطاره-كميل-.pdf> (дата обращения: 16.05.2020).
17. هذه-المعاهدة-كامب-ديفيد-. URL: <https://foulabook.com/ar/book/ديفيد-كامب-المعاهدة-هذه-المعاهدة-.pdf> (дата обращения: 16.05.2020).

18. URL: <https://www.ida2at.com/sadat-in-jerusalem-in-memory-of-the-fateful-day/> (дата обращения: 07.04.2020).
19. URL: <https://www.ida2at.com/camp-david-and-whats-the-alternative/> (дата обращения: 15.04.2020).
20. URL: <https://www.ida2at.com/sinai-that-we-no-longer/> (дата обращения: 15.04.2020).
21. URL: <https://library.alistiqlal.edu.ps/book-742-en.html> (дата обращения: 16.05.2020).
22. URL: <https://www.noor-book.com/كتاب-السلام-الضائع-في-اتفاقيات-كامب-ديفيد-مذكرات-محمد-ابراهيم-كامل-ط-الاهرام/> (дата обращения: 16.05.2020).
23. URL: <http://refugeeacademy.org/upload/library/books/من-أجل-السلام-معارك-التفاوض-لجل-السلام-في-الشرق-الوسط.pdf> (дата обращения: 16.05.2020).
24. URL: <https://www.echoroukonline.com/هذا-ما-قاله-الشاذلي-عند-اغتيال-السادات> (дата обращения: 09.04.2020).
25. URL: <https://www.alwatanvoice.com/arabic/news/2019/03/27/1229320.html/> (дата обращения: 09.04.2020).
26. URL: <https://aawsat.com/home/article/1652296/-عقود-رفض-شعبي-رغم-«الازدهار»-الرسمي> (дата обращения: 09.04.2020).
27. URL: <https://masalarabia.net/-اتفاقية-1484825-كامب-ديفيد-هل-كانت-خطيئة-السادات-؟> (дата обращения: 09.04.2020).
28. URL: <https://tipyan.com/camp-david> (дата обращения: 09.04.2020).
29. URL: <https://www.aljazeera.net/news/reportsandinterviews/2018/9/17/-في-ذكرياتها-40-اتفاقية-كامب-ديفيد-القصة-الكاملة> (дата обращения: 09.04.2020).
30. URL: <http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=10076&r=0> (дата обращения: 09.04.2020).
31. URL: <https://www.elwatannews.com/news/details/3667954> (дата обращения: 09.04.2020).
32. URL: <https://www.aljazeera.net/programs/infocus/2009/3/29/-السلام-المربين-مصر-واسرائيل> (дата обращения: 16.04.2020).
33. Эпштейн А. Выжить и выстоять: Государство Израиль в Организации Объединенных Наций, 1947–1973. Иерусалим ; Санкт-Петербург, 2021. С. 312.

The Camp David peace process in the assessments of Arab historiography

Kuzmin V.A., Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia). E-mail: kuzmin16@yandex.ru

doi: 10.17223/9785907442566/13

Abstract. 2021 marks the 40th anniversary of the assassination of Egyptian President Anwar Sadat. The assassination was carried out by a group of Egyptian army soldiers, representing Islamist forces in the Arab world, who were dissatisfied with Sadat's policy, which was expressed in the signing of a peace treaty with Israel in March 1979 on the basis of agreements concluded by the leaders of Egypt and Israel at the residence of US President D. Carter Camp David with his mediation. The

agreements, called the Camp David Agreements, were a program for the peaceful settlement of the Middle East conflict. September 17, 1978 Egyptian President Anwar Sadat and Israeli Prime Minister Menachem Begin signed two documents in the presence of President Carter – the “Framework for a peaceful settlement in the Middle East” and the “Framework for concluding a peace agreement between Israel and Egypt”. Since then, journalists and politicians from different countries have called the results of the summit “The Camp David peace Process”. The author of this article has set the task to show how this “peace process” is covered in Arab historiography, what assessments are given to it by Egyptian researchers.

Key words: Anwar Sadat; Egypt; Israel; Camp David; Arab historiography

УДК 94(6-17)“2010/2012”
doi: 10.17223/9785907442566/14

*Павел Алексеевич Домбровский**

Феномен контркультуры в контексте событий «арабской весны» и его основообразующие факторы

Аннотация. Рассматриваются революционные события «арабской весны», произошедшие в 2010–2012-х гг. в мусульманских странах Северной Африки и Ближнего Востока. Как один из значимых компонентов данного процесса, способствующих формированию протестной активности, анализируется феномен контркультуры, который производится в местной цивилизационной итерации, с выделением основополагающих факторов его становления и развития, а также особенностей в сравнении с 1960–1970-ми гг.

Ключевые слова: контркультура; «арабская весна»; арабский кризис; Северная Африка, арабский Восток

Постановка научной проблемы

Первые два десятилетия XXI в. продемонстрировали бурную модернизацию человеческого социума. Он быстрыми темпами входил в новую реальность, требующую от людей динамичности и гибкости в меняющихся условиях. Можно заметить, как на основе инновационных технологий меняются социально-экономические взаимоотношения как отдельных индивидов и их групп, так и целых стран. Открывается множество возможностей и для государств более «отдаленных» эшелонов встать на путь развития и общемирового экономического подъема. В свою очередь, изменяются и другие сферы жизни общества – культурная и политическая.

Однако, безусловно, такая тенденция, кардинальным образом меняющая значительную часть социальных и культурных аспектов человечества, могла вызвать ряд масштабных потрясений в виде реакции на современные реалии. Например в странах Запада в 1960-х гг., когда на фоне эпохи нового благополучия возник феномен, получивший определение «контркультура» [1. С. 22–36]. При этом он, можно сказать, проходит сквозь десятилетия и закрепляется в социогуманитарных науках, изучающих настоящие или прошедшие общественные и политические события и процессы.

Феномен контркультуры, родившийся из молодежных субкультур и массовых протестов на Западе во время пика холодной войны, во многом опре-

* *Домбровский Павел Алексеевич* – магистрант кафедры востоковедения, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: paschad2009@mail.ru

делил социальное и культурное развитие общества на поколения вперед. Особенно это коснулось США и Западной Европы. И в XXI в. это остаётся актуальным [2]. В частности, их проявления можно заметить в контексте протестных и революционных событий, охвативших в 2010–2012-х гг. весь североафриканский регион и вошедших в историю под обозначением «арабская весна». Данный кластер событий мусульманского мира является **объектом** проводимого исследования.

В свою очередь, важно обозначить, что в современных реалиях данный феномен должен претерпеть изменения, обусловленные технологическим развитием, региональными культурной, социально-экономической и политической спецификами. В случае с «арабской весной» они действительно заметны и играют важное значение в формировании как самой контркультуры (и её отличительных черт от вариации прошлого столетия), так и, забегая несколько вперед, аспектов, раскручивающихся вокруг неё и имеющих своё влияние на развитие ситуации в Северной Африке в обозначенный хронологический этап. Синтез рассматриваемых в данном исследовании факторов «арабской весны», ставших основообразующими для формирования местной вариации контркультуры, является **предметом** настоящей работы.

Также важно понимать, что подобные элементы, исходя из собственной роли в становлении данного феномена, имеют колоссальное значение не только в региональном аспекте. В определенном смысле, если заходить несколько дальше рассматриваемой темы, из них выросла точка бифуркации для общемировой тенденции развития контркультуры или её отдельных аспектов. В такой канве необходимо в целом найти и обозначить данные структурные позиции, активизировавшиеся или существовавшие в арабском обществе к началу массовой протестной активности в конце 2010 г., которые постепенно сформировали местную контркультурную ипостась.

В этой стези **проблематика** видится непосредственно в том, что рождается в виде арабской контркультуры из данного синтеза. Какова роль самих структурных элементов, приведших североафриканский регион к концу первого десятилетия XXI в. к сильнейшему социально-экономическому и политическому кризису, в образовании местной контркультурной вариации?

Для ответа на данный вопрос в рамках текущего исследования ставится **цель** – выявление особенностей контркультуры, возникших на базе синтеза первопричин революционных событий «арабской весны».

В качестве **методологической основы** настоящей работы применяются положения относительно формирования и развития феномена контркультуры с конца 1950-х гг. и до настоящего времени. Их основу составляют фундаментальный материал Т. Розака (американского культуролога и философа, внед-

рившего само понятие «контркультура» в научный оборот [3]) и ряд отечественных трудов, рассматривающих современное положение указанной материи в обществе. Среди их авторов можно выделить И.В. Ковшову [4], А.И. Бондаренко [5], М.А. Султанову [1]. Для решения поставленной проблематики применяется структурный метод, в отдельных случаях – сравнительный подход.

Отдельно стоит заметить, что **актуальность** подобного исследования находит свое отражение в современной трансформации контркультурного феномена, во многом распространившегося по всему миру и проявляющегося в многочисленных протестных движениях, поднимающих как классические (для феномена) темы социально-культурного противостояния и определения, так и более новые – связанные с преобразованиями и модернизацией социально-экономических и политических аспектов отдельных стран.

Понятийно-терминологический аппарат

Прежде всего, необходимо обозначить понятийно-терминологический аппарат, используемый на протяжении всего настоящего повествования. Важно указать, что в работе под определениями «культура» подразумевается соответственно и «контркультура». В том числе с учетом тематических аспектов данного исследования – контекстов заявленного хронологического периода, географических рамок, политической и социально-экономической ситуаций и т.п.

В контексте текущей работы стоит начать непосредственно с понятия «культура». Его определений в научном лексиконе достаточно много. Однако в русле обозначенных тематики и проблематики исследования обратимся к наиболее широкому из них, отсылающему к первоисточнику из латинского языка и обозначающему в виде культуры всё созданное человеком в духовном и материальном плане.

Но стоит конкретизировать, что, исходя из данного положения, в контексте описываемой тематики культура понимается как «обработанная среда обитания человека» [5. С. 17–34]. Она является крайне обширной и сложной системой, в которую входят такие элементы и подсистемы, как нормы, традиции, устои, институты и пр. Все они созданы искусственно человеческой мыслью, воплощены в духовном (интеллектуальном) или материальном виде для понимания людьми самих себя и для создания самой системы функционирования собственной жизни [5].

В этом плане в виде культуры подразумеваются и аспекты иных трех сфер жизни общества – политика, экономика и социальные отношения. Они созданы человеческим гением, а не естественным миром. В то же время эти две ипостаси активно между собой взаимодействуют как две тесно связанные системы. В свою очередь, индивид живет непосредственно в сформирован-

ном мире – в социуме. Данное пространство функционирует по общепринятым правилам, обеспечивающим прогресс и регресс (линию развития, говоря в общем) общества.

Собственно, данное понимание «культуры» закладывается в текущее повествование – как единая материя, искусственно созданная человеком для обрабатывания и конструирования среды обитания. Причем в плане географии под «средой обитания» можно рассматривать как что-то глобальное (например, мировой социум), так и отдельные регионы и государства. Настоящее исследование, в свою очередь, фокусируется на странах Северной Африки и части Ближнего Востока, относящихся к мусульманскому обществу. Прежде всего, это те места, где революционные события и их последствия проявились наиболее сильно: ось от Марокко до Сирии и Ирана [6].

Однако что в такой канве есть «контркультура»? Для определения и использования данного термина необходимо обратиться к уже упомянутым в предыдущей части личностям и их трудам. Прежде всего, здесь стоит обозначить, что данная материя является сложной и нередко противоречивой по своим внутренним составляющим подсистемой целостной культуры, господствующей в определенном обществе. Но при этом она всегда противопоставляется устоявшимся и доминирующим в социуме культурным парадигмам, что обычно происходит на фоне реакций на различные факторы определенного периода исторического развития [1. С. 22–36].

При этом если исходить из контекста западных молодежных протестов 1960–1970-х гг. и произведенного на их основе понимания контркультуры Т. Розаком, то можно указать, что само данное противопоставление культуре общества имеет именно «юношеский» характер (так как большинство из представителей данной системы – подростки и студенты). Также в данном контексте важно учесть, что оно базируется в своей основе на психологических и ментальных установках и конфликтах, слабо привязанных к политической или социально-экономической действительности, отрицательные тенденции которой вызывают протесты. Здесь скорее можно столкнуться с конфликтом поколений, а также с более абстрактными вещами, против которых выступают молодые (например, против технократической модели общества с господством культа потребления), во многом используя левую риторику [3].

Но, безусловно, система контркультуры должна меняться и соответствовать современным веяниям исторического этапа. В контексте обозначенного выше понимания культуры в настоящем исследовании и именно тенденций первого десятилетия и начала второго в XXI в., как будет рассмотрено подробнее в ходе дальнейшего повествования, феномен массового и абстрактного (по целеполаганию) протеста против господствующих в обществе пара-

дигм уходит постепенно из психологической стези к конкретному общественному [2]. Что имеется в виду?

Современная контркультура переключается на противодействие кризисным социально-экономическим или конкретно политическим явлениям, которые понимаются ею как определенный набор негативных тенденций, не способствующих дальнейшему развитию целостной культуры (общества). Можно сказать, что в некотором смысле прослеживается некий «оздоровительный» эффект от подобной характеристики данной материи, который она оказывает на социум [5. С. 26–57].

Кроме этого, необходимо указать и краткую структурную характеристику современной контркультуры, использующейся в данном исследовании. Как уже было обозначено, это весьма комплексная материя. Ключевыми движущими силами её образования и развития являются субкультуры. Но не по отдельности, а именно вместе, самостоятельно организующиеся для достижения общей (преимущественно эфемерной) цели. Как правило, такой целью вполне может являться изменение господствующей культуры, где сами данные группы и объединения людей могут почувствовать себя вовлеченными в жизнь общества, а не маргинальными его представителями [4]. Собственно, это будет главным структурно- и системообразующим критерием описываемого феномена. При этом зачастую нельзя выделить каких-либо конкретных лидеров таких протестных движений. В свою очередь, исторический, научно-технологический и региональный контексты будут играть свою роль в более полном и конкретном его формировании, как можно будет проследить в дальнейшем повествовании на примере «арабской весны».

Также в завершение данной части работы важно отметить, что феномен контркультуры и заложенные в его сущность основообразующие интеллектуальные положения с 1960-х гг. и до революционных событий (и их краткосрочных последствий) в североафриканском регионе 2010–2014-х гг. имели локальный характер. Иными словами, как показывает практика прошлого и нынешнего столетий в обозначенном хронологическом периоде, они не ставили в качестве своей цели противопоставление общечеловеческой культуре. В данном контексте можно говорить, что они, скорее, шли против устоев, господствующих в определенном «цивилизационном сегменте» мира – будь то западное (в виде США и Западной Европы [1]) или советское (с 1980-х) [4], или современное арабо-мусульманское пространство [2; 6. С. 9–28].

Если говорить о формировании контркультурной материи, противостоящей всей современной культуре (с начала XXI в.) с позиции усилившейся тенденции глобализации, то данный дискурс кажется спорным, и он заслуживает отдельного фундаментального исследования, включающего как мини-

мум культурологию, социологию, философию и политологию. Настоящее исследование будет придерживаться рамок позиций, обозначенных ранее в данном разделе.

Культура, приведшая к кризису

В данном разделе будут затронуты непосредственно ключевые аспекты, приведшие арабский мир к социально-экономическим и политическим кризисным явлениям, которые вызвали местный вариант феномена контркультуры и привели к революционным событиям во всем регионе.

Собственно, повествование этого раздела исходит из обозначенных в предыдущей части положений: контркультура в первую очередь является противостоянием актуальной культуре, аспекты которой ведут к кризису. Если в контексте 1960–1970-х гг., как было упомянуто, данный феномен был связан с кризисом социально-психологического характера (и лишь отчасти затрагивал политическую повестку), то в случае с «арабской весной» ситуация меняется в обратную сторону, исходя из имеющихся предпосылок, но при этом субъективно-психологические факторы тоже необходимо иметь в виду. Однако об этом несколько далее.

Итак, если обобщить в среднем, в описываемом регионе на момент конца первого десятилетия XXI в. можно было наблюдать серьезную социально-экономическую проблему. По сути, можно говорить о явлениях стагнации, идущих вровень с постепенным отставанием арабских стран от западных по развитию экономической и научно-технической сфер, что грозило рано или поздно выбить первые из общемировой динамики приспособления к современным условиям функционирования.

В свою очередь, в качестве причин подобной ситуации выделяются следующие позиции:

1. Наличие авторитарных режимов (с разными локальными спецификами), на протяжении многих десятилетий удерживающих собственные социумы в сильной консервации.

2. Укоренение коррупционных схем, кумовства, нарушение прав человека и несменяемость власти (как и отсутствие и слабая развитость демократических институтов).

3. Экономическая дестабилизация после мирового кризиса 2008 г.

4. Безработица и обесценивание профессионального образования, что снижает в целом перспективы молодых людей на адекватное выстраивание своей взрослой жизни с социально-экономических позиций.

5. Геополитика западных держав вокруг стран Северной Африки и Ближнего Востока (особенно имеющих углеводородную ресурсную базу).

Именно данные факторы различные исследователи выделяют как причины вспыхнувших протестных движений в североафриканских и ряде ближневосточных стран, приведших во многих из них к радикальным последствиям. В этом ключе можно упомянуть работы М.А. Курбанова [7], Н.А. Комлевой [8], А.В. Кива [9], О.С. Кодиса [10] и др., а также более объемные труды за авторством Ю. Рогана [11. С. 620–658] или под общей редакцией А.М. Васильева [6].

Обозначенные аспекты обобщены до четырех позиций, связанных между собой именно своим объективным экономическим и политическим происхождением. Однако, имея подобную характеристику, они действительно явились лишь причинами дальнейших недовольств и протестов населения. Безусловно, для достижения цели исследования данные структурные кризисные явления тоже имеют большое значение, но, как показывает в том числе и ситуация 1960-х гг., их недостаточно. Для формирования местного феномена контркультуры необходимы и субъективные компоненты, выросшие на психологической и интеллектуальной почве арабского населения и столкнувшиеся с господствующей культурой.

Как видно из всего вышесказанного, арабские страны в большинстве своем находились в состоянии продолжающейся консервации застоя, что не позволяло местным авторитарным лидерам своевременно реагировать на веяния информационного прогресса. При этом, несмотря на выстроенные неповоротливой машиной государственной власти барьеры против веяний Запада, они всё же доходили до простого арабского населения, о чем свидетельствуют и сам приход интернет-среды (в частности, социальных сетей – *Facebook* и *Twitter*) и распространение хотя бы простых телефонов с камерой или первых смартфонов. Особенно это коснулось тех, кто занимался журналистикой [12, 13].

Технологии постепенно пробирались в быт населения арабского Востока, данный процесс нельзя было остановить ни словами об идеологическом противодействии «враждебному западному влиянию» (культивируя отрицательное отношение к европейскому миру на основе истории колониализма в Африке или к США на основе их вмешательства в ближневосточный регион после терактов 11 сентября 2001 г. [11]), ни какими-либо нормативно-правовыми инструментами по контролю информационного пространства [14]. Здесь, как можно сказать, если не предпринимаются системные попытки в целом модернизировать общественные сферы с использованием современных инноваций, то подобные аспекты никогда не будут работать в должной мере. Напротив, они вызовут еще больший антагонизм к себе со стороны общественности.

Так получилось в контексте «арабской весны» и предшествующего ей периода. Пользователи интернет-пространства (большинство из них – это мо-

лодежь) стали участниками глобализации и оказались вовлеченными в западную парадигму ценностей, доминирующих в цифровой среде. Между данным образом и тем, что происходило в реальности в арабских странах в социально-экономической и политической отраслях, произошел определенный когнитивный диссонанс. Два мира не складывались друг с другом и, более того, в одном из них молодое поколение в целом не видело перспектив для нивелирования обозначенных выше проблемных пунктов [13]. В связи с этим онлайн-сфера начала политизироваться, а социальные сети – выступать как инструменты для создания политических пространств и высказывания недовольств [14, 15].

Однако, как можно заметить, чтобы подобное произошло с местной интернет-средой, необходима причина из психологической области. Как указывает О.С. Кодис, происходит кризис идентичности арабского населения, вставшего на путь новой эпохи [10].

Действительно, как видно из общей социально-экономической ситуации в регионе, молодёжь остановилась на когнитивной установке, постулирующей о том, что старая авторитарная и консервативная модель их общества не может дать что-либо новое, благодаря чему арабский мир мог бы занять более значимые позиции в мировом сообществе, а молодое поколение имело бы перспективы для будущей благополучной жизни [16]. Закрепленные коррупционные и бюрократические составляющие во всех (или в большинстве – в зависимости от государств) общественных институтах не давали произвести модернизацию, пытаясь существовать на уже изношенных принципах. В свою очередь, возникает массовое недовольство данным положением вещей, формируются студенческие группы, противопоставляющие себя такой культуре и желающие её сменить на любую иную альтернативу (что, однако, приведет к контрреволюции в большинстве стран ввиду отсутствия четкого целеполагания, долгосрочного протестного единства или отсутствия виденья всей политической системы [11. С. 635–658]).

В свете этого действительно можно говорить о необходимости у арабской молодежи формирования своей собственной идентичности в контексте современного динамического мира. При этом здесь также можно указать и на активное развитие собственной «творческой контркультуры», что является одним из основных проявлений самого феномена (как показывает история 1960–1970-х гг.) ввиду его базирования на единстве субкультур. Речь идет в первую очередь о развитии такого музыкального жанра, как рэп. Он стал, по своей сути, символом протеста против насаждаемых властью консервативных порядков в творческом направлении [17, 18].

Однако также стоит заметить, что в отличие от 1960–1970-х гг. достаточно значительную роль в феномене контркультуры «арабской весны» сыграло не только молодое поколение. Большой процент участников протестной активности составили и представители более старших возрастных категорий. Подобная тенденция, как видится, явилась следствием быстрого распространения популярности социальных сетей среди населения [15], а также то, что жертвы среди протестующей молодежи вызвали бурную реакцию со стороны их семей [19].

Заметим, что подобная включенность более старших поколений в арабскую контркультуру способствовала и приходу в её течение исламистских веяний, связанных прежде всего с фундаментализмом. Можно отметить определенную «выжидательную» позицию представителей направлений, постулирующих о возвращении к истокам ислама ради выхода из череды социально-экономических и политических кризисов. Само же старшее поколение в арабских странах было непосредственным свидетелем и в определенных смыслах участником пика возникновения так называемого политического ислама, события которого во многом связаны с противодействием Израилю с самого момента его образования, советско-афганскими или американо-иранскими и подобными им конфликтами [6. С. 9–14].

Данная почва, в свою очередь, становится благоприятной для распространения фундаменталистских идей среди молодежи, нередко занимающей радикальные позиции в отношении действительности [20]. В целом фактор нового религиозного распространения, как в 1960–1970-х гг., также является частью контркультурного феномена. Однако отличительная черта здесь именно в радикализме и последующем кровопролитии.

Заключение

Итак, подводя итоги, стоит отметить, что к моменту возникновения революционных событий «арабской весны» в странах североафриканского и части ближневосточного регионов образовалась собственная вариация феномена контркультуры. Её основополагающими факторами становятся как причины возникновения социально-экономических кризисов мусульманского мира, так и приход новых технологий и веяний, идущих вразрез с удерживаемыми властями консервативными политикой и моделью существования социума.

В этой связи можно выделить следующие целостные отличительные сущности арабской контркультуры:

1. *Демографическая целостность.* Настроение протеста захлестнуло не только молодежь, как обычно и происходит, но и более старшие поколения населения.

2. **Религиозный фундаментализм.** В протестной среде стали активно развиваться идеи возврата к истокам ислама как выход из череды кризисов. И это стало следствием смешения мировоззрений разных поколений и сильного влияния самой религии на каждое арабское общество.

3. **Фактор технологий.** Развитие мобильных и цифровых технологий позволило объединять и культивировать протестные настроения, а также превратило каждого человека в отдельное СМИ, обходящее консервативные рамки авторитарных режимов.

4. **Геополитика.** Протестная активность открыла возможности для западных стран использовать указанные события в своих интересах – в первую очередь для влияния на местные рынки сбыта, торговые маршруты и получения контроля за углеводородным сырьем [8].

5. **Радикализм.** В отличие от 1960–1970-х гг., развитие арабского феномена контркультуры повлекло за собой радикализацию протестных масс, что вылилось в многочисленные боестолкновения и кровопролитие [19, 21].

Обобщая сказанное, можно указать, что события «арабской весны» стали некоей точкой бифуркации для общемировой контркультурной тенденции. Здесь проявились концептуально новые аспекты, способные создать данный феномен в отдельно взятом цивилизационном поле. Кроме этого, как видно, влияние данных процессов на будущие протестные движения в иных странах достаточно большое – в особенности по использованию в качестве «инструментария бунтов» новейших информационных технологий.

Литература

1. Султанова М.А. Философия контркультуры Тодора Розака: (очерк филос. публицистики). М. : ИФРАН, 2009. 175 с.
2. Яковлев А.И. Опыт революции 1968 года и «арабской весны» // Восточная аналитика. 2012. № 3. С. 186–194.
3. Розак Т. Истоки контркультуры / пер. с англ. О.А. Мышаковой. М. : АСТ, 2014. 384 с.
4. Ковшова И.В. Философско-теоретическая модель контркультуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007. 24 с.
5. Бондаренко А.И. Контркультура в социальном развитии: философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2011. 159 с.
6. «Арабский кризис» и его международные последствия / под общ. ред. А.М. Васильева; отв. ред. А.Д. Саватеев, Л.М. Исаев. М. : ЛЕНАНД, 2014. 256 с.
7. Курбанов М.А. Арабская весна: возвращение к истокам? // Вестник НГУЭУ. 2013. № 4. С. 300–309.
8. Комлетова Н.А. «Арабская весна»: геополитический аспект // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2013. № 2 (115). С. 160–169.
9. Кива А.В. «Арабская весна»: причины и вероятные последствия // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 121–130.

10. Кодис О.С. Кризис идентичности в зеркале «Арабской весны» // Труд и социальные отношения. 2013. № 5. С. 110–121.
11. Роган Ю. Арабы. История. XVI–XXI вв. / пер. с англ. И. Евстигнеевой. М. : Альпина нон-фикшн, 2019. 784 с.
12. Arab spring leads surge in events captured on cameraphones // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/dec/29/arab-spring-captured-on-cameraphones> (дата обращения: 01.05.2021).
13. Кошлаков Д. Место Интернет-среды в событиях «Арабской весны» // Россия и мусульманский мир. 2014. № 3 (261). С. 141–144.
14. Желтов В.В., Желтов М.В. Интернет и «Арабская весна» // Социогуманитарный вестник. 2012. № 2 (9). С. 85–95.
15. The truth about Twitter, Facebook and the uprisings in the Arab world // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/feb/25/twitter-facebook-uprisings-arab-libya> (дата обращения: 01.05.2021).
16. Arab Spring anniversary: how a lost generation found its voice // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/dec/16/arab-spring-year-of-protest> (дата обращения: 01.05.2021).
17. From fear to fury: how the Arab world found its voice // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/music/2011/feb/27/egypt-tunisia-music-protests> (дата обращения: 01.05.2021).
18. Soundtrack to the revolutions // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/music/musicblog/2011/feb/27/arab-revolutions-protest-music> (дата обращения: 01.05.2021).
19. The slap that sparked a revolution // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/may/15/arab-spring-tunisia-the-slap> (дата обращения: 01.05.2021).
20. Крылов А.В. Роль религиозного фактора в «Арабской весне» // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4 (31). С. 43–51.
21. ‘I was terribly wrong’ – writers look back at the Arab spring five years on // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/jan/23/arab-spring-five-years-on-writers-look-back> (дата обращения: 01.05.2021).

The phenomenon of counterculture in the context of the events of the “Arab Spring” and its fundamental factors

Dombrovski P.A., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: paschad2009@mail.ru

doi: 10.17223/9785907442566/14

Abstract. This study focuses on the revolutionary events of the Arab Spring in the 2010-2012 in the Muslim countries of North Africa and the Middle East. As one of the significant components of this process, contributing to the formation of protest activity, the phenomenon of counterculture, which is produced in the local civilizational iteration, is analyzed, highlighting the fundamental factors of its formation and development, as well as features in comparison with the 1960-1970.

Key words: counterculture; “Arab Spring”; Arab crisis; North Africa; Arab East

Научное издание

ОРИЕНТАЛИСТ

Научный альманах

Вып. 1

Редактор Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 29.11.2021 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 9,7. Усл. печ. л. 12,6.
Тираж 500 экз. Заказ № 4821.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)-52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-907442-56-6

